

Роман Елиава

ВТОРЖЕНИЕ

Хрупкий мир нарушен. Начинается война. Она, не останавливаясь, поглощает страну за страной, вовлекая в переплетение сюжета всё больше событий и судеб. На фоне людских судеб, сражений, интриг между государствами средневекового мира, так похожими на земные, возникает угроза самого существования людей. Кто начал войну, какие цели преследуют герои книги, что за угроза миру и есть ли возможность с ней справиться?

Роман Елиава

Вторжение

1. Карел

Карел вдыхал аромат начала лета, жара добавляла тяжести в оставшиеся после весны запахи. Воздух был застывшим, тишину нарушал только стрекот насекомых в поле. Карел наслаждался всем этим, здесь на севере летний расцвет природы был очень скоротечен. Он шел к Хорту, дом которого находился в стороне от деревни, ближе к лесу. Там он рассчитывал застать своего друга Бьонни, они не виделись почти год. Бьонни не оказалось дома и Карел подумал, что возможно он у старого Хорта. То что Бьонни приехал неделю назад сказала его мачеха. Отец Бьонни был самым богатым местным купцом, и он уехал по своим торговым делам. Карел шел по тропинке от деревни к лесу, он приехал с утра, и сразу пошел искать друга детства. Дом Карела был пуст, поскольку еще шесть лет назад они переехали в Даргвилл. Конечно, его семья давно хотела продать этот дом, следить за ним было некому, но найти покупателя было невозможно. В деревне стояло пустыми еще с десяток домов. Люди потихоньку переселялись на юг. Карел учился в университете Даргвилла, открытом императором тридцать лет назад. Следующий год должен был стать последним в его студенческой жизни, а сейчас два месяца каникул. Которые он собирался провести с Бьонни и Хортом.

Старый Хорт появился в их местах лет десять назад, и поначалу к нему относились с настороженностью, как относятся к любому чужаку в местечке, где все друг другу дальние или близкие родственники. К тому же Хорт был необщителен, да и поселился в доме бывшего лесника на отшибе. Но внимание, тогда еще подростков, Бьонни и Карела, он привлек сразу. Хорт был уже далеко не молодым, но поджарым и сильным. А главное его лицо было все иссечено шрамами, что говорило о военном прошлом. В империи уже около сорока лет был мир, и люди, участвовавшие в сражениях с христианами вызывали интерес и уважение. Особенно в этой глуши, где приезд нового человека был большим событием.

Как-то раз более легкомысленный Бьонни, предложил посмотреть, чем занимается чужак.

— Может это никакой не императорский солдат, а разбойник или веллинг, — сказал тогда Бьонни, — посмотри на него, у нас нет таких, как он, у всех темные волосы. К слову сказать, у самого Бьонни была пышная копна светлых волос, но это совершенно его смущало в высказываниях.

Сказано — сделано, они пробрались со стороны леса еще на заре и залегли за изгородью в траве. Пол дня они наблюдали за Хортом, который занимался какими-то кузнечными делами и не заметили ничего удивительно. То есть Хорт не зарывал клад с награбленным добром и к нему не приходили из леса друзья-разбойники. Хотя и разбойников уже тогда в империи почти не осталось. Терпение ребят уже стало истекать, их разморило. И тут сзади раздался голос:

— Может пора уже зайти на обед, или вы хотите пролежать здесь до ужина.

Это было настолько неожиданно, что Карел с Бьонни так и подсочили. Они совершенно не заметили, как Хорт исчез из поля зрения и оказался за их спинами. Пришлось принять приглашение, с тех пор и началась их странная дружба с Хортом. Он действительно оказался ветераном войны с христианами. Его рассказы о тех днях были очень занимательны. И ребята часто засиживались у него до ночи, слушая с открытыми ртами про осаду Тьора. Потихоньку Хорт приобщил их к кузнечному делу. Но главное у него была целая коллекция

оружия, и он начал учить их фехтованию. Бьонни это не очень любил, но составлял компанию Карелу, которому нужен партнер. Сам Карел оказал очень способным учеником и многому научился у Хорта. Уже переехав в Даргвилл, Карел понял, что Хорт был очень непростым ветераном. В студенческой среде были приняты тренировки с оружием, но Карел ни разу не встретил достойного соперника, а уровень Хорта был вообще фантастическим, недостижимым.

Карел обогнул дом и вышел к внутреннему двору, который примыкал к лесу. Еще до того, как увидеть Бьонни и Хорта, он услышал перестук. Через мгновение ему открылась привычная с детства картина. Хорт, ничуть не изменившийся с тех пор, обнаженный по пояс стоял напротив красного и взмокшего Бьонни. В руках у каждого был длинный шест, которым они старались подцепить друг друга за ноги — сделать подножку. В этот момент Бьонни неловко отмахнулся и заехал бы Хорту в живот, если бы тот с быстротой молнии не заблокировал бы удар.

— Эй, Бьонни, ты жульничаешь, — громко возвестил Карел.

Бьонни отвлекся, пропустил выпад и грохнулся на спину. Хорт повернулся лицом к Карелу. Он действительно совсем не изменился та же мускулатура, абсолютно сухой, в отличии от молодого Бьонни и с ровным дыханием. На груди, как обычно покачивался хрустальный талисман со спиралью.

— Привет, студент, — улыбнулся Хорт.

А Карелу пришлось в этот момент увернуться от комка земли, который кинул в него вставший Бьонни.

— Я проиграл только из-за тебя, Карел, — обижено заявил он, но тут же его губы расплылись в улыбке, и он кинулся в объятия друга.

— Я принес, красного лоттского вина, — сказал Карел снимая мешок с плеч, когда освободился от объятий Бьонни.

Они прошли к дому и присели за деревянный стол, стоявший под открытым небом. Затем Хорт ушел за кружками и мясом. А Карел начал расспрашивать про деревенские новости.

— Да какие тут новости, — заявил Бьонни. Вот Милена сбежала месяц назад к жениху в соседнюю деревню. Помнишь ее? Ты лучше расскажи, как там у вас, какие новости, как император?

— Милена, к жениху? Она же девочка совсем? — изумился Карел.

— Хм, девочка, уже пятнадцать, — хмыкнул Бьонни.

— Да у нас тоже ничего нового, — продолжил Карел. Император болеет говорят. Но я же в Даргвилле живу, а не в Тьоре. Даргвилл такая же глухомань, как наше Улесье по сравнению с Тьором. Учусь я, всё время на учебу уходит.

— Доходили до меня слухи, как вы учитесь, слышал я рассказы про студенческие вечеринки, — рассмеялся Бьонни и хлопнул друга по плечу.

В это время с миской еды появился Хорт, который за всё время пребывания в деревне так и не обзавелся женой, хотя в списке женихов стоял на первом месте у всех окрестных вдовушек.

— В порту пожар что ли, — заметил Хорт, поставив миску.

Друзья обернулись и действительно увидели дым, в районе порта, который находился в четырех часах пути от Улесья. Но против солнца видно было плохо, да и далеко. Раньше порт, а вернее небольшой пограничный форт служил защитой от веллингов, которые

устроивали набеги на эти земли. Там находился сторожевой пост, который зажигал сигнальные огни, а сами смотрители разбегались по окрестным деревням созывать мужиков к отпору, пока бабы и детишки прятались в лесу. Теперь веллинги не беспокоили. Наоборот, раз в год к осени приплывали с летним уловом вести торговлю рыбой. Форт уже давно пришел в негодность и развалился, в порту было несколько купеческих складов и сторожа.

— Наверное, сторожа напились от безделья и спалили какой склад, — забеспокоился Бьонни, потому что один из складов принадлежал его отцу, правда сейчас не сезон торговли и склад стоял пустым. Собственно, за южными товарами, ценными веллингами и уехал на ярмарку в Тьор его отец.

— Может быть, — ответил Хорт. Завтра узнаем, потушить мы его всё равно не успеем, а сейчас давайте за стол, я хочу послушать какие новости в империи.

Ребята дружно засмеялись до слез, вспомнив свой недавний разговор.

— Что такое? Что я сказал смешного сказал? — недоумевал Хорт.

Ангезмунд стоял в полном доспехе на борту дракона и смотрел как его воины по качающимся под их тяжелой поступью деревянным трапам перебегают на пристань. Невдалеке горел один из складов, его разведчики добрались вплавь до порта и согноли в него пятерых сторожей, теперь никто не мог предупредить об их высадке. Герцог Селлингский снова вознес хвалу единому богу и перекрестию за то, что его драконы не встретили веллингов. И хотя у него было около тысячи мечей, да и мореходами селлинги были отменными, всё же не хотелось провалить всё дело, не успев выйти в море. А момент был выбран правильно. Началось лето, оттаяли проходы во северных льдах архипелага Велля и веллинги на своих драконах устремились на заготовки рыбы и мяса к зиме.

Ангезмунд последним сошел на берег. Как и было предусмотрено легкая пехота-арбалетчики уже выступили бегом вперед, в глубь континента, а на берегу строилась тяжелая панцирная пехота селлингов. Щиты с голубым перекрестием на белом фоне, герб герцогства Селлингского, входящего в империю Креста. Когда то, еще совсем недавно по меркам истории, веллинги и селлинги были одним народом. Однако, если веллинги жили на островах, как и промышляли рыбной ловлей и разбоем, то их, живущие на берегу континента родственники — селлинги стали строить деревни и замки, постепенно отдаляясь от островитян. Сорок лет назад был предпринят последний совместный поход селлингов и веллингов на Хаубург, столицу ослабленной и разгромленной к тому времени империи Перекрестия. Они легко взяли Хаубург и предводитель селлингов, к слову, один из дядей Ангезмунда, силой женил на себе наследницу императорского престола, объявив себя новым императором. Веллинги увели нагруженные добычей драконы к себе на острова, а селлинги остались в империи, к которой их земли примыкали на севере. Так появилось герцогство Селлингское, и селлинги мнили себя белой костью новой империи. Даже Ангезмунд не задумывался, о том что через несколько лет после рождения наследника, нынешнего императора Кристиандра Пятнадцатого, его дядя умер при странных обстоятельствах и регентство взяла императрица, а селлингов околачивающихся в столице постепенно под разными предлогами отправили в провинцию. Ни о чем таком герцог не думал. Мысли его были сосредоточены на походе и на этом выскочке Турболде, еще одном его дяде. Этот дядя был на год младше Ангезмунда и сейчас вел семьсот мечей западного Селлинга к императору в Хаубург. Самомнение Ангезмунда услужливо подсказывало ему, что задача отрезать малонаселенные земли севера Восточной Империи самое важное дело, а Турболд настолько глуп, что ему нужно быть под присмотром императора. Он рывкнул и колонна

селлингов двинулась прочь от драконов, мимо горевшего склада, откуда еще доносились душераздирающие крики и мольбы о пощаде.

Солнце начинало клониться к закату, друзья пообедали обсудили все новости. Бьонни заявил, что ему пора проверить, что там с хозяйством, когда Карел сказал:

— Кажется сегодня день пожаров, горит уже в Улесье.

— Не к добру это, — нахмурился Хорт.

— Побегу, посмотрю, — заявил Бьонни, и кинулся к углу дома, к тропе в деревню. И столкнулся лоб в лоб с воином в белом плаще и синим перекрестием на щите. Секунду они изумленно смотрели друг на друга, а затем воин поднял руку с обнаженным клинком. Он снес бы голову остолбеневшему Бьонни, если бы не Хорт метнувший кухонный нож точно в горло воину. Тот медленно осел на землю, что впрочем не вывело Бьонни из состояния столбняка, а скорее наоборот его усилило. В этот момент вскрикнул Хорт, Карел посмотрел и увидел, что одно плечо Хорта насквозь пробито, застрявшим в нем, арбалетным болтом. Он повернулся, из за противоположного угла дома появился еще один воин. Селлинг, а это был именно селлинг, не стал перезаряжать арбалет, а достав из-за спины прямой меч, неспешно направился к Карелу. Но удивление уже спало, и Карел схватил с земли один из шестов, с которыми упражнялись Хорт и Бьонни. Воин на это только улыбнулся и продолжал идти вперед. Эта улыбка окончательно успокоила Карела. Ложный замах первым концом шеста, воин инстинктивно отдергивает назад голову, удар вторым концом по кисти, меч падает, шаг вперед, поворот шеста и его первый конец в прямом выпаде пробивает воину зубы приоткрытого рта и кромсает горло. Воин с хрипом повалился.

— Теперь ни один из них ничего нам не сможет сказать. Бьонни не стой истуканом иди сюда!

Это подошел Хорт. Он держал левой рукой правое плечо.

— Карел быстро в кузницу, носи пилу или топор, это надо вынуть, — он указал на плечо. Бьонни! Не стой! Горн не остыл, найти заготовку для меча и раскали ее докрасна. И быстро!

Ребята кинулись бегом исполнять поручения. Через пять минут, болт вынули и Карел прижег рану. Хорт только скрипел зубами, но стоял на ногах, хотя на лбу выступили капли испарины. Пока Бьонни делал повязку, чтобы держать руку в неподвижном состоянии, Карел притащил из кузницы несколько готовых мечей, ножей и ножен.

— Карел, в доме в сундуке деньги и одежда. Бьонни возьми мешок и собери всю оставшуюся еду, быстро!

— Какую еще еду? — удивился Бьонни.

— Мы уходим, прямо сейчас! — отрезал Хорт.

— Куда уходим? — глупо спросил Бьонни.

— В лес уходим!

— Зачем, нам же в деревню надо.

— Деревни больше нет, а если мы пойдем туда не будет и нас, или ты думаешь они вдвоем пришли, — Хорт кивнул на селлингов, один из которых еще ворочался и хрипел.

Бьонни снова застыл, не в силах воспринять ситуацию. Карел принес одежду и деньги и успел набить мешок едой. У его пояса висел меч, два ножа мешок за спиной. И еще один меч он прицепил Хорту и один для Бьонни держал в руках.

— Пойдем, Бьонни, — мягко сказал Карел.

— Вам легко говорить, — ответил Бьонни, — у вас там никого, из его глаз потекли

слезы. Там, там, — говорить он уже не мог, в горле стоял ком.

— Пошли мы уже никому не поможем, сюда они пришли уже потом, надо идти пока их не хватились, — снова проговорил Карел и посмотрел на Хорта.

Хорт тем временем наклонился над мертвым селлингом, уперся в тело в тело сапогом и вытащил из горла здоровой рукой нож. Затем сделал то, от чего даже у Карела помутилось в голове. Хорт подошел к извивающемуся селлингу, раненому Карелом, хладнокровно перерезал ему горло и отбросил нож в кусты.

— Что уставились. Это не детские игры, это началась война. Вам нравилось слушать, теперь смотрите. Они были в деревне, и, если бы вы могли увидеть, — Хорт осекся, посмотрев на Бьонни.

Но тот все понял, побледнел и кинулся в деревню. Вернее, хотел кинуться. Карел подставил подножку и Бьонни полетел на землю. После чего они его подняли на ноги и потащили с Хортом к лесу.

— Пустите, я сам, — сказал Бьонни, когда они вошли под кроны деревьев.

— Кто-то уцелеет, так всегда бывает, — попытался успокоить его Хорт. Но сейчас мы ничего не можем. Нам надо самим унести ноги.

Бьонни промолчал, они с Карелом шли за Хортом по одному ему ведомому направлению. И несмотря на рану Хорта, угнаться за ним было трудно. А он только бросил на ходу:

— Быстрее, мы еще не оторвались, потеряли много времени. Надеюсь, собак у них нет.

— Что же это, как получилось, — через некоторое время спросил он в никуда, ребята ему конечно ничего сказать не могли.

Сколько они бежали не известно. Была уже глухая ночь, когда Хорт объявил привал. Карел и Бьонни просто повались в траву без сил. Перед тем как провалиться в сон, Карел подумал, что возможно Хорт их специально гнал, чтобы не дать возможности Бьонни думать о деревне. Бьонни устал еще больше, несмотря на то что был деревенским жителем, и уже спал. Казалось, всего секунду назад Карел закрыл глаза, но Хорт уже тряс его за плечо. В лесу было чуть светло.

— Буди друга, и пошли дальше, сказал Хорт — завтракать не будем.

— Сколько мы спали?

— Часа два, ответил Хорт.

— Может стоит еще отдохнуть?

— Нет, остается только надеяться, что селлинги не сразу заметили пропажу своих и что у них нет собак ищек. Иначе мне с вами не уйти от них.

— Неужели всё настолько плохо? — спросил, вставая и стряхивая траву Карел. Его левый бок и поясница болели из-за того, что он заснул на корне дерева.

— Всё гораздо хуже, чем ты себе можешь представить, — буркнул Хорт, — собирайтесь.

Они поднялись, привели себе в порядок, напились воды и побежали дальше. Бьонни с утра не сказал ни слова. Хорт бежал впереди и оглядывался на ребят. Скоро пришлось перейти на шаг, поскольку они были не готовы физически выдерживать такой темп. Когда Карел спросил Хорта куда они так спешат, тот ответил, что нужно укрыться на границе с лесом древних. Даже в нынешней ситуации Бьонни с Карелом испугано переглянулись. Одно дело селлинги. Другое дело лес древних. Никто не пересекал границу леса древних. Это было негласным правилом. А если и пересекал, то уже не возвращался, чтобы рассказать об

этом. Но Хорт, очевидно, был уверен, что они поступают верно.

К полудню они остановились, быстро и молча перекусили остатками вчерашнего ужина. Никто не был расположен говорить. Карел обратил внимание, что Хорт был бледен и выглядел уставшим. Даже для такого железного человека рана не прошла незамеченной. Возможно даже, что Хорт хотел выглядеть лучше, чем было на самом деле. Бьонни был бледен со вчерашнего дня и весь погружен в свои мрачные мысли. Затем снова продолжился их бег. Тропы давно не было и бежали они по девственному лесу. Карел и Бьонни давно потеряли направление и не понимали, где находятся. Хорт же был уверен и казался целеустремленным. У ребят болели ноги и кружились головы к концу дня, когда Хорт вдруг остановился и поднял руку. Карел никогда не видел лес древних, но сразу понял, что они достигли своей цели.

Обычный лес с полянами, деревьями и буреломами кончался четкой границей. За которой начиналась стена зелени без просветов. Папоротники, лианы, незнакомые кусты и деревья. Сам цвет был более густым и насыщенным. Казалось, что растения представляют собой единое целое и переступить через черту невозможно. Но, судя по всему, Хорт и не собирался этого делать. Он немного постоял, оглядываясь, и уже очень медленно пошел налево. Ребята устало потянулись за ним. Через полчаса Хорт нашел, то, что искал. Это был ручей, вытекающий из леса древних.

— Пошли, за мной, — сказал он, — только осторожно, на берег не выходить. Идите следом.

Хорт вошел в ручей, который был шириной всего пару метров, а глубиной ниже колена. Бьонни и Карел пошли за ним. Новые бархатные сапоги Карела набухли, но снять он их не рискнул, ходить босиком по лесу древних было бы неосторожно. Через несколько десятков шагов ручей преобразился — вода стала более прозрачной и отдавала синевой. Бьонни и Карел с удивлением наблюдали за множеством небольших разноцветных рыб, которые сновали между их ног. Они были всех цветов радуги и разнообразных форм, переливались отблесками и искрились.

— Пришли, — сказал Хорт.

Они оторвались от удивительного зрелища и подняли головы. Ручей разветвлялся на два рукава и огибал небольшой холмик. На этом холме стоял бревенчатый сруб. Беглецы поднялись к дверям сруба. Хорт потянул дверь, и они вошли в темное помещение. Окон в срубе не было. Через дверной проем они увидели, что в центре стоял стол, а вокруг шла скамья.

В дальнем углу был сеновал, а в ближнем лежал хворост и дрова. Рядом стояло несколько мешков. Но в целом сруб выглядел заброшенным и не жилым. Хорт прошел первым, бросил свой походный мешок и устало опустился на скамью.

— Бьонни, разожги огонь, слева от стола костровая яма. Карел закрой дверь и заложил засовом, командовал Хорт. — Это ничейная территория, но береженого бог бережет. Мы здесь останемся на день и отдохнем. Если за нами была погоня, то нас здесь не найдут. Карел там в мешках овощи, мясо у меня еще осталось в мешке, нужно поесть и отдохнуть.

Карел возился с тяжелым засовом, когда костер зажженный Бьонни осветил помещение. Это действительно было не жилое место. Но все было чисто, убрано и подготовлено к гостям.

— Хорт, это ты построил, — спросил Бьонни.

— Нет я нашел это место, когда... В общем достаточно случайно, но сейчас у нас другие

проблемы.

Через час, наскоро перекусив и обработав рану Хорт, уставшие ребята начали устраиваться на ночлег.

— Зачем селлинги напали, сейчас не сезон, много нагрabить они не смогут, — сказал Бьонни.

— Это не набег, Бьонни, — ответил Карел.

— Правильно мыслишь студент, это не набег — это война, — вступил в разговор Хорт.

— Война? — переспросил Бьонни.

Да война, — продолжил Хорт, готовя себе подстилку, — причем то что мы видим лишь ее периферия. Основное должно происходить на западных границах. Непонятно только, что такое могло произойти. Неужели баланс сил нарушен, и они настолько осмелели, что напали на нас. Ладно давайте спать, нам надо отдохнуть, завтра будет трудный день.

— А древние нам не причинят вреда, — спросил из своего угла Карел, — мы же на их территории?

— Нет, — ответил Хорт, мы на гостевой территории, и, заперев засов, мы обозначили, что не хотим общаться.

И тут, словно опровергая его слова, раздался скрежет, кто-то или что-то пыталось проникнуть внутрь сруба

2. Торн

Капитан императорской гвардии, которого все называли просто капитан Торн, стоял привалившись к ограде первого яруса замка Тьора и смотрел на обычную в это время года суету. Капитан возглавлял императорскую гвардию уже несколько лет и был одним из главных людей в городе. Он единственный в гвардии не был уроженцем Тьора, но это не мешало ему любить свою новую родину. Торн был лучшим выпускником военной академии, основанной императором, за все время ее существования. Сейчас он лениво, разморенный жаркой погодой, накотившейся на столицу, перевел взгляд на одни из городских ворот. Сквозь плывущий на солнце воздух он наблюдал, как пыльная колонна солдат, которых привел с собой герцог Нейл, устало вливается через ворота. Тяжелая панцирная пехота, блестящие доспехи которой были покрыты дорожной пылью. Капитан взирал на них с высоты двадцати человеческих ростов. Это была площадь первого яруса императорского замка Тьора. Говорят, что замок был построен народом, жившим на Тьорской равнине еще до древних. Он стоял на холме, опираясь на колонны высотой в два человеческих роста, охватом в десять человек. Стоявший на колоннах первый ярус, ранее был двухэтажным, а затем был хаотически перестроен в несколько этажей для нужд людей. Под первым ярусом, в его тени, раскинулся городской рынок. Обстраивали и обживали ярус долгое время, поэтому количество этажей в разных частях яруса разнилось, что создавало путаницу коридоров. Более осмысленно, его перестраивали уже христианцы. На крыше второго яруса также была площадь, выступающая за края крыши. Замок был построен из неизвестного ныне материала, одновременно напоминающего и дерево и камень, чуть упругого, но очень крепкого. Раньше входов в замок не было, их сделали люди, которые построили двери, лестницы и лифты наверх. Именно поэтому замок иногда называли воздушным или гнездом, всем своим строением похоже он был предназначен для гигантских крылатых существ. Хотя, конечно, всё это только предположения. Кто может сказать, что было в те времена. И уже долго строение служило другим хозяевам: сначала древним, потом христианцам, сейчас Империи.

Торн облокотился на ограду. На нем была кольчужная рубаха без рукавов, поверх нее красно-черный мундир, цвета Императора. На ногах сапоги, на правой руке специальная пластина, прикрывающая предплечье и локоть. Голову покрывал круглый позолоченный шлем с опускающимся на половину лица забралом и пышным красным султаном. На плечах висел не очень практичный в жаркую погоду черный плащ, а на поясе висел прямой меч средних размеров.

Капитан гвардии отметил про себя, что Нейл притащил с собой сразу два полка. Это ему совсем не понравилось в связи с затяжной болезнью Императора. Тем более, что сейчас было полугодие Центральной армии. Тьор, помимо императорской гвардии, по очереди охраняли полки Центральной и Южной армий. Сейчас была очередь центральной армии, командующим которой был герцог Нейл. Итак, Нейл имеет в городе уже четыре полка и трех сыновей, а Рональд еще не даже не приехал. Рональд, сын Императора, базировался с Южной армией в Южном Форте, столице юга Империи. Нейл был младшим братом Императора, герой войны с христианами. Это он вместе с Трохом ворвался на второй ярус Воздушного замка и несколько минут они спина к спине удерживали плацдарм, пока по веревочной лестнице поднималось подкрепление. Герцог был смел, жесток и тщеславен.

Торн был уверен, что он рассчитывает стать следующим императором, если нынешний Император умрет. Поэтому он и притащил всех сюда, чтобы надавить на больного брата.

Торн обернулся происходила смена гвардейцев. В замке всегда дежурило двести гвардейцев, из которых восемьдесят были лучниками. Служба в гвардии была одним из наиболее почетных занятие в городе. Поэтому у Торна были лучшие бойцы в городе, а возможно и в Империи. Наверное, они уступали воинам Розы из Империи Перекрестия, но там было другое — колдовство. По крайней мере, так говорили. Трон сам никогда не видел бойцов Ордена. Может это только слухи.

Капитан вздохнул, пора было идти встречать Нейла. Он выбрал противоположную лестницу от покоев сыновей Нейла, которые уже заселились с утра. Из всей троицы Торн мог выдержать только среднего Антара, Старший Глемил считал себя центром мироздания, а младший Никон был вообще отморозок, чрезмерно жестокий, жадный и глупый. Он не хотел их встретить.

Спускавшегося командира гвардейцев догнал адъютант императора. Торн вынужден был пройти за ним к больному императору. Не то чтобы он не хотел идти туда. Просто ему было больно смотреть на человека столько сделавшего для страны и для него лично. Не нужно было быть врачом, чтобы понимать простую истину. Самый великий правитель всех времен и народов доживает последние дни. И что будет дальше не знает никто.

— Заходи, заходи Торн, приветствовал капитана император, он всегда официально обращался к гвардейцу. Знаком отпустив адъютанта седой правитель с трудом приподнялся над подушками кровати, где он лежал. Вид у императора был изможденным, седая голова и борода включены, глаза смотрели устало, но при этом пронзительно.

— Рональд вернулся? — спросил он капитана.

— Нет, Ваше величество, — ответил Торн. И никто не знает где он. Ни один из курьеров не вернулся.

— А Нейл?

— В городе. С ним еще два полка, поколебавшись сообщил капитан.

Император бессильно упал на подушки и на некоторое время замолчал. Торн стоял в ожидании не прерывая молчания.

— Послушай, — наконец произнес старый правитель. Я хочу переговорить с ним, но ты должен будешь тоже все выслушать, чтобы быть готовым.

— К чему?

— Ко всему, — сказал император. Вставай за портьеру, а я позову адъютанта.

Капитан послушно подошел к одному из трех окон небольшой залы, где размещался император. Когда силы стали оставлять последнего, он организовал нечто среднее между залом приемов и больничной палатой. За это и другие свойства характера Торн уважал императора и считал его выдающейся личностью. Правитель продолжал работать, понимая, что остались последние дни, которые можно было прожить иначе.

Ходить за герцогом не пришлось. Как только Торн разместился за парчовой занавесью, постучал молоденький адъютант.

— Герцог Нейл, прибыл и просит аудиенции, сообщил адъютант.

— Пусть войдет, — ответил император. Но Нейл был уже в помещении, он прошел сразу за адъютантом, не дожидаясь разрешения. Младший брат был совсем не похож на грузного императора, высокий с острыми чертами лица, порывистый в движениях с властным взглядом. Одет он был в сплошь покрытые золотом облегченные доспехи, которые сейчас были

покрыты еще и дорожной пылью. Герцог сразу по прибытию поспешил к императору. Жестом приказав адъютанту удалиться, что подтвердил кивком император, Нейл бегло оценил состояние брата. Что никак не отразилось на каменном лице Нейла, как мог заметить, наблюдающий из-за портьеры капитан гвардейцев.

— Ну, что ж брат, ты выглядишь не так плохо, как мне говорили, — начал Нейл.

— Не надо лести, — оборвал его император. Мы понимаем, что мне осталось не долго. Лучше скажи, что привело тебя сюда и зачем ты притащил столько солдат?

— Только забота, о тебе брат мой, только забота о тебе и еще о империи. Я слышал, что ты плох, а селлинги и крестيانцы опять зашевелились. Они уже стали забывать уроки, которые мы им преподали. Да и на юге появились новые угрозы. От Рональда так и нет известий?

Герцог пересек комнату. Снял шлем и поставил на стол, откуда взял яблоко из серебряной тарелки. Затем он уселся в кресло напротив ложа императора, вытянул ноги и надкусил яблоко.

— Однако, ты хорошо информирован, — заметил, нахмурившись император.

Герцог лишь пожал плечами в ответ, пережевывая яблоко.

— Но ведь ты ездил в прошлом году в Перекрестие, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал император. И поменял на границе войска, — продолжил он, наблюдая за герцогом.

Тот явно не ожидал такого поворота.

— Да ездил, чтобы оценить происходящее. Я всё еще главнокомандующий центральной армии и твой первый военный советник. И да, я почувствовал угрозу и поставил на границу части с ветеранами.

— Но они старые, сколько им лет?

— Зато опытные, — парировал герцог. И вообще, я еще прошлый раз тебе предлагал всех добить, и сейчас не было бы никаких селлингов и крестяианцев. Ты не захотел!

Император промолчал, задумавшись. А Торн напрягся за занавесью, он прикоснулся к недоступному ранее уровню тайн. Оказывается, во время войны была идея полного уничтожения крестяианцев.

— Нейл, — устало нарушил молчание император. Мы много раз уже обсуждали эту тему. Мы пришли сюда не для того, чтобы завоевать себе целый мир, а для того, чтобы уйти от сам знаешь чего и найти тихую гавань. Мы и так много натворили здесь.

— Мне кажется, что надо было сразу всё здесь решить, а не останавливаться на полпути, — горячо вскричал герцог. Да, и сейчас не поздно продолжить! Кроме того, я уже не знаю стоило ли бежать, — уже тихо закончил он.

Император приподнялся на подушках. Лицо красное, было видно, что его трясет в гневе. И тут он, что-то увидел в Нейле. Глаза его удивлено приоткрылись.

— Ты, ты..., начал император, не в силах договорить.

— Да! Я не хочу подыхать, как ты, — сказал и герцог и приподнял левую руку, на которой Торн увидел доспехи необычной формы, прикрывающие предплечье.

— О, боже, — еще раз прошептал император и откинулся на подушки.

— Бога нет, — резко ответил Нейл, и ты это знаешь.

Говоря это, герцог вскочил из кресла и подошел к кровати. Он постоял минуту, смотря на императора. Затем повернулся и внезапно вышел, хлопнув дверь. Торн сразу же вышел из-за портьеры и направился к императорскому ложу, в голове у него вертелось множество вопросов.

— Мой император, — начал капитан и остановился.

Император лежал на кровати, голова откинута на подушки, глаза закатились. Он был мертв.

3. Декарус

Они стояли в предрассветных сумерках. Позади темная стена леса, впереди серебристый туман над рекой. Герхард дрожал, но не от утренней прохлады. Он чувствовал влажный запах лесной хвои каждой клеткой своего организма, но думал только о предстоящем бое. Он знал, что скорее всего, когда он перейдет на ту сторону реки по старому покрытому мхом деревянному мосту, бой уже закончится. Но всё равно ему было страшно, страшно что его могут убить или, что он может убить. Но выбора не было. Месяц назад он записался в армию графа и первым авансом расплатился с долгами. Смог первый раз в году сытно накормить жену и четверых детей. Месячная выплата меченосца была равна тому, что он горбатясь зарабатывал на поле за год. И вот после нескольких тренировок Герхард стоит в кольчуге и белом плаще, на боку прямой меч, а на щите красное перекрестие. Он стоит на крутом берегу реки, а напротив, на пологом, сразу за бараком стражи начинается деревня. Их деревня, богатая. Их берег всегда был богаче, чем наш, — это несправедливо, думает Герхард. Когда он водил детей на ярмарку через мост, он всегда завидовал им. Потом, после ярмарки они шли ужинать к племяннице. Да, ей повезло, она удачно вышла замуж, поменяв берег на правильный. Хотя сейчас это не имело значения. Им всем сказали, что родственники и друзья на другом берегу ничего не должны знать. Они и не знали. Никто же не хочет, чтобы его семью живьем сожгли за предательство графа. А сам граф в голубых доспехах, среди ординарцев и кавалерии, около моста. Солнце восходит. У лошадей копыта и сбруя обвязаны тряпками, они бесшумно вступают на мост одна за другой. У всадников стрелы заложены в луки. Единственный часовой у барака на той стороне прислонился к стене и дремлет сидя на лавке. Он запрокинул голову и открыл во сне рот. Его копье стоит сбоку, а щит упал и валяется на земле. Он даже не успевает проснуться, когда десяток стрел проникают через ранее белоснежную рубаху в тело и окрашивают ее алыми пятнами. И вот полетели стрелы из второй линии всадников, они горят и вонзаются в соломенную крышу и деревянные стены. Через какое — то время занимается пожар. Солома быстро загорается, несмотря на влажность. Герхард даже со своего берега видит, как из барака выскакивают люди, и падают, утыканные стрелами. Горящая крыша проваливается внутрь стен, столб черного дыма клубами устремляется в воздух. Кавалерия рысью движется мимо горящего барака вглубь берега, по дороге, не останавливаясь. Взять деревню задача меченосцев. И вот следует команда десятника, и они начинают выдвигаться сами.

Деревня состояла из одной улицы, и вытянулась вдоль берега. Более тысячи домов. Большая, почти город. Они вытянулись цепью и пошли. Мечи наголо. Герхард вышел на участок улицы между двумя домами, уже было светло. Постепенно начиналась суматоха, где-то лаяла собака, слышались крики. С другой стороны, вдруг раздался дикий вопль. Это отвлекло Герхарда, и он вдруг наткнулся на десятилетнюю девочку, и остановился в растерянности не зная, что делать. Она стояла перед воротами. Наверное, надо было оттолкнуть ее и войти. Он только что мечтал сколько денег можно найти в этих больших и красивых домах. Столько, что может хватит построить такой же дом, а не ютиться в лачуге. А может даже останется, чтобы купить корову, которая родит теленка и будет давать молоко. Из задумчивости его вывел удар по спине оглоблей. Он упал на колени. Специальная мягкая рубаха, надевавшаяся под кольчугу и сама кольчуга с плащом смягчили удар, иначе мог бы быть сломан позвоночник. Боковым зрением Герхард увидел какого-то

мужика и махнул мечом, круговым движением порезав тому ногу. Мужик тоже упал. Герхард развернулся к нему, но только для того, чтобы получить ловкий удар между ног, кольчуги и рубахи там не было. Боль была дикая. Она затопила всё тело, в глазах потемнело. Но одновременно в нем поднялась волна ярости. Преодолевая боль, он нанес мужику удар сверху мечом, раскроив лицо надвое. И тут же ударил снова и снова. Девочка, так и стоявшая рядом, завопила. Герхард, развернувшись, в звериной ярости снес ей голову одним ударом и продолжил кромсать мужика.

— Эй, он уже мертв.

Герхард, повернулся на голос. Перед ним стоял седой старик, хотя нет, просто седой и не совсем старик, а еще достаточно крепкий мужик в сапогах и рубахе навыпуск. Он смотрел на Герхарда совершенно без эмоций. В его руке тоже был меч, который, как только тот повернулся, легко взрезав кольчугу, пропорол ему живот. И снова боль одновременно острая и тупая. Герхард посмотрел на свой живот, откуда прямо на землю вывалились его внутренности и упал. Сначала на колени, потом на бок. Глаза его навсегда закрылись, а последней мыслью было сожаление о корове и новом доме, которых уже не будет.

Декарус оглянулся. Начальник пограничной заставы, он этой ночью приходил в гости к знакомой вдове. Что впрочем последнее время делал достаточно часто, и уже хотел оставить службу, чтобы осесть здесь. Он не увидел больше никого. Но по всей деревне слушались крики и судя по столбам дыма, несколько домов горели. Очевидно, ублюдок пришел не один. На нем была форма воина графа Адлера, чьи владения были за рекой. А сам граф был крупным вассалом империи Креста. Прежде всего нужно подумать о безопасности семьи. Он вывел вдову и ее тринадцатилетнего сына Сервета из ворот.

— Идите к берегу и спрячьтесь в камышах, сидите тихо. Вам просто нужно пересидеть набег этих разбойников. А я пойду посмотрю, что с заставой.

— Я с тобой, — заявил Сервет, обнажая нож, который висел у него на поясе.

— Следующий раз, Декарус взьерошил ему волосы, а сейчас проследи за мамой.

Декарус посмотрел, как они удаляются пригнувшись, а сам огородами пошел в сторону моста и сторожевого барака. И почти сразу столкнулся с еще двумя солдатами графами, которые выскочили из-за угла таща какой-то куль. Грабители мелькнуло в голове старого воина, а руки в это время всё делали сами. Ветеран войны с христианами, тогда он был еще совсем мальчишкой, замахнулся, а затем сделал такое движение мечом, которым перерезал одному солдату горло, а другому возвратным движением отрубил правую руку.

Пока солдат с отрубленной рукой стоял в ступоре, и в шоке пялился на обрубок, добил его ударом в горло, и пошел дальше. На стычку ушло секунд десять. Молокососы, а не воины, подумал Декарус. Он шел к дому деревенского плотника, который был расположен недалеко от моста на возвышенности, с которой отрывался саамы лучший вид на мост и дорогу. Декарус думал, что графу Адлеру осталось не долго. Когда солдаты восточной империи перебьют все его воровское войско, а графа поймают, самое гуманное наказание для него будет четвертование. Декарус в этом не сомневался.

В это время, вдова с сыном на берегу наткнулись сразу на полтора десятка вражеских солдат. Солдаты шли в окровавленных плащах с окровавленными мечами и как раз были заняты тем, что высматривали прячущихся в камышах. Двое из них быстро бросились на вдову и повалили ее, Сервету же удалось вырваться он схватился за нож. Но мать закричала:

— Беги! Беги! Иначе нас убьют обоих. Я справлюсь. Беги.

Его окружили, но парень был молод и быстр, он вырвался и побежал вдоль берега.

Солдаты за ним, но они быстро отставали в своих кольчугах. Сервет бежал и бежал, пока не увидел, что навстречу бежит еще одна группа солдат. Сколько же их, подумал он и свернул к реке. Не останавливаясь и с силой вынимая ноги из ила, он разогнался и бросился в воду, а затем сильным гребками поплыл, на противоположный берег. Солдаты потоптались на берегу, но никто не захотел раздеться и плыть за мальчишкой.

Когда Декарус дошел до дома плотника, горело, наверное, уже полдеревни. Крыльцо дома было всё в крови, но трупов не было видно, и он не стал заходить в дом проверять. Декарус вышел на место обзора и в удивлении остановился. Сверкающая река стали выходила из леса на противоположном берегу и исчезала вдаль на центральном тракте уже на этом берегу. В глубь восточной империи стройными рядами шли копейщики в желтых плащах с перекрестием на щитах, а вот из леса появились арбалетчики в зеленных мундирах с перекрестиями на груди. Декарус устало сел на траву, реку переходила христианская армия. Не просто граф, а настоящие солдаты императора Кристиандра. Значит началась война, значит они хотят реванша. Но как?! У них, что нет мозгов. Восточная империя перемелет в порошок этих горе-воjak.

Он посмотрел на то что осталось от барака. Жаль, все сегодня были на службе, значит погибли все. Многих он знал несколько десятков лет, с кем-то даже прошел христианскую войну, они вместе брали Тьор. Он видел чье-то тело возле пожарища, но издали не мог определить кто это. Не раскисать, сказал он сам себе, ты солдат на службе и ее надо продолжать. Очевидно, что солдаты графа привлечены, чтобы блокировать местное население. Чтобы о вторжении узнали как можно позже. Нужно предупредить о том, что началась война. Нужен конь. Он подумал о вдове и ее сыне. Но сейчас важнее для старого солдата был его долг. Он лишь надеялся, что им удастся спрятаться.

Декарус осмотрелся и заметил невдалеке патруль, два конных лучника графа. Чтобы не жариться на солнце они отъехали под тень дерева, на обочину дороги. К дереву со всех сторон подходили густые кусты. А вот и конь.

Два лучника графа разомлели на жару. Они лениво следили за потоком на дороге, хотя должны были следить за тем, чтобы никто из местных не ускользнул. Но посмотреть на цвет имперской армии, безусловно, было интереснее. Они пару раз ездили в империю, сопровождая графа, но в таком количестве солдат еще не видели.

— Ты слышал? — вдруг насторожился один из них, практически еще юноша.

— Что?

— Кажется кто-то стонет.

Второй солдат среднего возраста с короткими усами и ленивым взглядом тоже прислушался.

— Да, кажется ты прав, кто-то из местных прячется в кустах. Издыхает.

— Надо проверить, — снова начала молодой.

— Да, что проверять?! Если стонет, значит сам и подойдет. Нечего тратить на него силы.

— Это же наша задача.

— Ну хорошо, — ответил усатый, поворачивая лошадь давай посмотрим.

Молодой хотел уже спрыгнуть с коня и отправиться в заросли, но более опытный воин покачал головой и медленно направил коня в кусты натянув тетиву. Молодой последовал за ним. Они уже отчетливее слышали стоны. Через какое-то время впереди показалось пятно. Это был мужчина, который лежал лицом вниз и стонал. Наверняка он был ранен и заполз в

кусты спрятаться.

Усатый объехал стонущего, а молодой склонился над человеком, чтобы лучше рассмотреть и понять тяжесть раны. И в этот момент Декарус, а это был именно он, вскочил с земли и вонзил, спрятанный под собой, меч в тело молодого воина, одновременно стаскивая его с коня. Усатый выстрелил из лука, он сумел попасть Декарусу в левое плечо. Стрела попала со спины и наконечник вышел со стороны груди. Декарус охнул, но сумел вскочить на лошадь, стащив солдата графа. Усатый тем временем вытащил вторую стрелу и натянул лук, но выстрелить второй раз уже не успел. Декарус за долю секунды до выстрела одним ударом перерубил лук и разрубил череп врага. При этом лошадь дернулась и ему пришлось бросить меч, чтобы ухватить правой рукой поводья и удержаться в седле. Левая рука перестала его слушаться. Декарус посмотрел на наконечник и увидел, что кровь сочиться, но не очень быстро. Конечно, непонятно, что происходит на спине, но сейчас это не важно. Он подумал и решил не слезать с коня, чтобы подобрать меч. Голова кружилась, и он мог не забраться в седло второй раз. Вместо этого Декарус направил коня через кусты в сторону южного тракта, который как он надеялся был еще свободен от христианцев.

Вечером этого дня, уже на закате, всадник со стрелой в спине, пригнувшийся к холке, был замечен патрулем второго кавалерийского полка центральной армии на южном тракте. Всадник бредил, опустив поводья, а конь просто брел. Патруль доставил всадника в расположение полка, и взяв его под руки солдаты пошли к палатке полковника.

Когда они пришли, и дежурный доложил полковнику, тот сразу велел привести раненного. Полковник в позолоченных доспехах с седыми усами, но мощной фигурой борца поднялся из-за походного столика, где он сидел над картами с несколькими офицерами.

— Полковник Скарт, — тихо проговорил раненный.

— Вы меня знаете, кто Вы, откуда и кто Вас подстрелил? — спросил, Скарт, а это был именно он. Правая рука герцога Нейла, командующий кавалерией центральной армии.

— Меня, зовут Декарус, я сотник с границы графства Адлер. Вы меня не помните, но я был в Вашем полку, когда мы брали Тьор.

— Так это мой славный ветеран, дайте ему вина, — он кивнул дежурному, и проводите к медикам.

— Подождите полковник, — остановил его Декарус. Я весь день провел в седле, чтобы привести важное известие. Армия перекрестия перешла границу, и они движутся по центральному тракту, они меня и подстрелили, все мои люди мертвы.

В палатке повисла тишина. Полковник повернулся спиной к Декарусу и сделал шаг в сторону стола с картами.

— Этого не может быть, христианцы не посмели бы напасть на нас. Наверное, на тебя напали переодетые разбойники и ты бредишь.

— Нет! Я сам видел полки из Хаубурга, так же как вижу сейчас Вас. Я видел меньше три тысячи солдат, и они всё время пребывали. Откуда может взяться столько переодетых и вооруженных разбойников. И их сопровождали солдаты Адлера.

Полковник Скарт на мгновение задумался, затем резко повернулся к Декарусу, но посмотрел не на него, а на поддерживающих под руки солдат. Декарус почувствовал, как крепко они его взяли за руки. А полковник сделал шаг вперед и привычным жестом провел ножом по горлу сотника, бросив солдатам:

— Похороните его по-человечески. Все-таки мой ветеран.

Это последнее, что услышал в своей жизни удивленный сотник Декарус. А Скарт

развернувшись к своим офицерам продолжил:

— Итак, господа, всё идет по плану. Надеюсь, вы правильно выполнили все мои указания, и дорога Кристиандру очищена от наших войск.

4. Колле

Колле сидел за столом трактира и мрачно точил нож. Он переводил взгляд с лестницы трактира на окно, в которое било утреннее солнце, с окна на деревянный стол перед собой, на котором было вырезано неприличное слово и снова на лестницу. Но раздражало его не солнце в глаза, и не идиот, который так бестолково использовал нож, а этот мальчишка. Тот мальчишка, который вчера его нанял для перехода через границу. Раздражало то, что уже час прошел с рассвета, а наниматель лежит в кровати, лентяй. А еще его раздражало, но конечно в этом он себе не признавался, что этот мальчишка посмел нанять еще и его конкурента, этого тупого увальня Ханса. Колле старался не смотреть в тот угол, где сидел христианец. А как всё хорошо начиналось. Хозяин трактира по эту сторону границы, кстати получал комиссионные, подвел этого мальчишку, который искал проводника. Как раз у Колле закончились деньги, сезон контрабанды еще не начался, на перевалах еще лежал снег, но налегке пройти уже можно было. Он сразу оценил богатые голубые доспехи этого дурочка, а также совсем не воинственный вид. Колле уже начал прикидывать сколько у того будет денег в кошельке, когда он — Колле приставит в горах ему нож к горлу. Но дурачок оказался не совсем дурачком, и нанял еще Ханса. Не то чтобы Колле был злой, он не собирался убивать мальчика. Но справедливо перераспределить деньги было богоугодным делом. Ну вот отметил про себя Колле, всего неделя у христианцев и уже заговорил о боге. Он скривился и смачно сплюнул. Его круглое рябое лицо расслабилось. Он не выдержал и все же бросил украдкой взгляд на Ханса, великан, более двух метров, ростом сидел, прислонив к стене огромный арбалет, сидел и не посматривал по сторонам как Колле. Колле вырос среди бездомных, родителей он не помнил, и ножи были его излюбленным оружием с детства, он умел их очень точно кидать. А еще мог быстро и без затей перерезать горло. Кроме того, два небольших меча за спиной тоже были не парадными игрушками. Но обычно он зарабатывал не оружием, а контрабандой. Он знал границу как свои пять пальцев, а его хорошо знали по обе стороны границы.

А может попытаться договориться с Хансом, подумал он. Но тут наконец появился наниматель. Сколько ему лет, пытался определить Колле, восемнадцать?! Нет слишком хрупок и тощ. Пятнадцать?! Нет, слишком высок. Шестнадцать, решил он. Тем временем юноша в богатых голубых доспехах попросил у хозяина яичницу и направился к столу за которым сидел Колле, Ханса он просто не заметил. Длинный тонкий меч, больше похожий на шпагу болтался у него на боку и при каждом шаге громко звякал об бедро. Колле закатил глаза. А парень уселся напротив Колле и спросил:

— Когда выдвигаемся?

Колле посмотрел в его большие голубые глаза и ответил вопросом

— А когда Ваша милость изволит откусать?

— Скоро, — ответил юноша, забирая у подошедшего хозяина яичницу и хлеб. Еще молока, — попросил он.

Колле опять демонстративно закатил глаза. В это время открылась дверь и вошла группа из восьми вооруженных христианцев, которые в этом забытом уголке страны выполняли функции стражи, таможни, армии, суда и многого другого. Их начальника Зильфреда Колле постоянно «подмазывал» и сейчас тот отделился и пошел поприветствовать Колле.

— Здравствуй прохвост, когда подашься на ту сторону? — он кивнул в сторону границы.

— Сегодня, — ответил Колле. Я нанялся в услужение к этому господину.

— Ну, ну — проговорил Зильфред переводя взгляд на юношу, который ел яичницу опустив голову. Зильфред чуть обошел его и встал со стороны окна.

— Ну-ка, ну — ка кто тут у нас?! Так это ж....

Больше сказать он ничего не успел, шпага парня волшебным образом избавилась от ножен, оказалась у него в руке и вспорола горло Зильфреду. У Колле отвисла челюсть и так и осталась в этом состоянии. А христианцы быстро вскочили и обнажив мечи гурьбой кинулись вперед. Очевидно, они считали, что без помех нарежут парня на ломтики. Однако раздался характерный щелчок струны арбалета и сразу двое христианцев оказались приколоты к стене трактира. Тут уже и парень успел развернуться и стальным продолжением руки ткнуть в ближайшего христианина. Шпага вышла между лопаток, после чего солдат повалился, правда вместе со шпагой. Настал черед Колле, когда он блокировал мечами удары двух ближайших христианцев. Еще щелчок и еще один упал. Болт торчит из затылка. Оставшиеся трое, сочтя соотношение три на три не в свою пользу, кинулись к дверям. Никто их не стал преследовать. Колле обернулся. Десяток завтракавших постояльцев жались по стенам, а хозяин стоял белее молока, которое держал в кружке.

— Ну и что это было, — закричал Колле на парня. Мне теперь тут больше нельзя появляться. И ему, — он показал на Ханса.

— Вы нанялись проводить меня через границу и охранять, я плачу вам за это, — гордо заявил юноша.

— Послушай, если ты не придумаешь хоть какое-то разумное объяснение происшедшему, никто никуда не пойдет. И скоро сюда нагрянут солдаты.

Ханс молча кивнул.

Парень с тоской посмотрел на них, но увидев на лицах решимость сказал:

— Давайте выйдем, и я все расскажу. Итак, он меня узнал, — заявил юноша во дворе.

— Ну и что? — спросил Колле.

— Как, ну и что! — ответил парень, и снял шлем. Я герцогиня Мос эн Гюр.

— Боже, — опять вырвалась у Колле, когда он увидел русые косы, выпавшие из-под шлема.

— Та самая, наследница земли Гюр? — наконец подал голос Ханс.

— Да, да — это я! Наследница самого большого герцогства в стране, пропади оно пропадом! — воскликнул юноша, оказавшийся девушкой.

— Но Ваше высочество, что Вы здесь делаете? — спросил удивленный контрабандист.

— Я убежала и меня ищут. Император Кристиандр хочет выдать меня за младшего брата, чтобы прибрать мои земли.

— За Йохана Мясника?! — на всякий случай переспросил Колле.

— Да, — ответила она.

Колле вздохнул. Йохана Мясника брата императора христианцев знали все. Все, это значит не только знать, а все жители. И не только жители этой страны, а, наверное, жители всех стран. Им пугали детей, и он был персонажем многих сказок. Прожив всего тридцать лет, Йохан заставлял дрожать каждого, кто о нем слышал. Это был палач и садист по рождению, по призванию. Палач, обладающий почти неограниченной властью в стране. О том, что свершалось в замке Йохана, говорили шепотом. Загубленные бесчеловечными пытками жизни исчислялись сотнями. Считалось даже, что Йохан Мясник был людоедом.

Но при этом он был королевской крови. Да, девушке не позавидуешь, подумал Колле и решил, что бог с ней с контрабандой и нужно помочь бедняжке. Тут же гордость за свои мысли расправила его грудь и плечи. При этом он уже совершенно забыл, как еще недавно хотел предательски приставить нож к ее горлу и отнять кошелек. Но девушка оказалась боевая, отважная и умеет обращаться с оружием. Хотя в богатых семьях часто обучали фехтованию детей обоего пола.

— Я помогу тебе, — сказал он. Переведу чрез границу. Всё равно мне надоела эта мерзкая страна. Но надо торопиться. Ты с нами? — спросил он Ханса начальственным тоном.

— Да, ответил Ханс. Только хотелось бы понять куда направляется герцогиня, помимо того, что уезжает из этой страны.

Колле покраснел, как же он не додумался вместо этого тупицы задать такой простой вопрос.

— И правда куда? — поддержал он Ханса.

— В армию Лестерваля, — сказала Мос.

Колее и Ханс переглянулись. Армия Лестерваля захватила плацдарм на Южном материке и вела войну с местными дикарями. Говорили, что в армию принимают всех вне зависимости от прошлого и что если человек смел, то мог быстро сколотить там себе состояние. Если, конечно, не погибал раньше. Вариант был не хуже любого другого, а кроме того, экономически привлекательным сидевшим на мели контрабандистам.

— Ну что ж, мы Вас проводим прямо туда, герцогиня, — высказался Колле за двоих. Но Вы за все платите, пока мы туда не попадем, — поспешно добавил он, увидев как обрадовалась девушка.

— Мне кажется, — пора уходить, Ханс поднял палец, и они услышали воинственные крики над дорогой со стороны деревни, куда убежали солдаты.

5. Торн

Торн стоял над телом императора, впервые не зная как поступить. Приоткрылась входная дверь на пороге появился Дворак, адъютант императора.

— Проходи, и закрой за собой дверь, — приказал Торн.

— Что случилось?

— Император умер. Но ты должен держать рот на замке.

— Теперь понятно.

— Что понятно, — перепросил Торн.

— Я как раз зашел, чтобы уточнить у императора почему в пять часов собирается большой совет. Это герцог Нейл объявил.

— Что?! — спросил Торн и замолчал. Он начал усиленно думать, безусловно Нейл собирает совет, чтобы объявить себя императором. Авторитет и присутствие в городе армии снимают все возражения. Идеальным поступком для капитана гвардии было принять сторону сильного. Он понимал это. Но, во-первых, Торн считал, что из Нейла не получится нормального императора, а, во-вторых, он не человек герцога и поэтому под угрозой в любом случае. Город в руках Нейла, но в замке его люди. Нужно поднять всех и срочно, а потом оценить ситуацию.

— Пошли со мной, быстро, — сказал капитан Двораку.

Выйдя от императора, Торн увидел сидящим в приемной одного из своих лейтенантов. Тот был крайне взволнован. Неужели так быстро пошел слух, подумалось Торну.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду Вас капитан, есть важное сообщение, но, — тут лейтенант выразительно посмотрел на Дворака.

— Говори при нем, — приказал Торн.

— У Вас в кабинете, Рональд, он только- что приехал и хотел пойти к отцу, но узнав, что у него герцог Нейл пошел к Вам, а затем послал меня искать Вас.

— То есть он там, — ошеломленно спросил Торн. Кто еще знает, что он в замке?

— Ну помимо нашей стражи, безусловно стража городских ворот, это как минимум, — ответил лейтенант Хоргот.

— Хоргот, быстро поднимай всех по боевой тревоге, пошли гонцов в город, все должны быть здесь через час, утрой стражу везде. Запри все дублирующие ворота и проходные двери. Никого не впускать и не выпускать без моего приказа, — иногда капитан соображал быстро и предпочитал действовать незамедлительно. Да, и узнай, где находится Нейл и его сыновья. Я буду в кабинете.

— Будет сделано, — Хоргот развернулся и побежал.

Через десять минут капитан гвардии и адъютант покойного императора входили в кабинет Торна, расположенного на самом верху замка, с выходом на площадь второго уровня. На месте Торна в кабинете сидел единственный сын императора и наследник престола Рональд. Высокий, молодой и широкоплечий, с волосами цвета пшеницы и большими голубыми глазами. Он сильно загорел в южных землях. Одет наследник и командующий южной армии был в грязную голубую тунику. Его ноги в еще более грязных сандалиях лежали на столе. Торн поморщился, такой бесцеремонности. Увидев Торна и Дворака, Рональд вскочил на ноги и схватил свой меч в кожаных ножнах, лежащий на столе.

— Отец освободился? — воскликнул он, — идемте!

— Постой, постой, Рональд. Сначала расскажи почему от тебя так долго не было вестей и как ты здесь оказался. Где гонцы, которых мы тебе отправляли?

— Гонцы?! Ничего не знаю про них. У нас были большие проблемы на дальних границах, требующие моего личного присутствия. И я случайно от купцов узнаю, что мой отец болен. Я взял двух человек, и запасных лошадей и вот я здесь! Несмотря, на то, что попал в засаду! При этих словах Торн и Дворак тревожно переглянулись. Да! Именно в засаду, — продолжил принц, — оба моих спутника мертвы. Я еле прорвался. И уверен, что это не разбойники. Знаков отличия не было, но это были солдаты. Причем имперские солдаты! Очень похожие на дядюшкиных. И они ждали меня, и знали кто я. Но у них нет таких лошадей, как у меня. Я их опередил на три-четыре часа. Идемте к отцу!

— Послушайте, Ваше высочество, Ваш отец только что скончался, простите.

Сказав это Торн, не стал останавливаться, времени было очень мало. Глядя прямо в расширившееся от удивления и боли глаза Рональда, он продолжил.

— И у нас проблемы, похоже, что Ваш дядя решил стать императором вместо Вас. Он в городе у него четыре полка пехоты, то есть более двух тысяч солдат и возможно резервы на подходе. А у меня семьсот гвардейцев. Думаю, что Ваша жизнь в опасности. Вас видели у ворот?

— Да, там копейщики центральной армии. Но мой отец, как, почему он умер?! — вскричал Рональд.

— Принц, все люди когда-нибудь умирают, просто пришло время императора, — мягко сказал Торн. Он прожил долгую и достойную жизнь. Он уже был старым, когда я был мальчиком, а мне сейчас сорок. Но время горевать будет потом, надо решить, что делать. Ваш дядя собрал большой совет, который будет в пять часов в городской ратуше. Думаю, там он объявит себя императором. И я предполагаю, что никто не возразит ему. Только быть может президент академии наук Милих, что-то скажет против. Но что он может со своими пробирками?

— Тогда пойдем туда! Я появлюсь, и этот предатель не посмеет перед всем народом и большим советом выставить себя узурпатором.

— Боюсь все не так просто, — сказал капитан, прислушиваясь к топоту за дверью.

Открылась дверь и в кабинет прошли семь из восьми лейтенантов гвардии. Все были вооружены, кроме одного тощего парня, который был и без доспехов. Но Торн спросил про другое.

— Ватенхелд, где он!?

— Мертв, — ответил Хоргот. Мы максимально быстро собрали всех людей, он был последним. Прямо за ним к воротам пожаловало две сотни солдат герцога. Мы могли закрыться сразу, но Ватенхелд решил выйти узнать, что им надо. Его подняли на копья. Мы не ожидали этого.

— Откровенно убили офицера императора, — мрачно переспросил капитан.

— Что происходит, — вскрикнул принц и оглядел всех.

— Мы блокированы? — спросил Торн.

— Почти, капитан, — ответил лейтенант Лорет, мы отогнали их стрелами. Но они разделились и встали напротив всех четырех ворот. Но нас больше и если мы захотим, мы порубим в капусту этих предателей, — с надеждой в голосе произнес лейтенант, надеясь отомстить за убийство товарища.

— Так что же мы ждем, — принц снова схватил меч и обвел всех взглядом.

— Рональд, тебе не кажется, что нам нужно оценить ситуацию понять, что нам делать прежде, чем бросаться очертя голову в драку. Еще раз повторюсь, у нас семьсот человек, а твоя южная армия очень далеко.

Рональд помрачнел и спросил.

— Твои предложения, капитан?

— Примите ванну, проститесь с отцом, поешьте. Соберемся здесь через два часа, в семь. А пока нужно больше информации.

Все согласились. Рональд ушел с Двораком. А Торн остался отдавать приказания. На душе у него было очень плохо. Закончилась целая эпоха. Капитан был совсем не дураком, кроме того, получил хорошее образование. Он здраво оценивал ситуацию. Если бы императором стал Рональд все бы шло по накатанной. Даже если бы он оказался плохим правителем, ухудшения были бы небольшими и постепенными. Но наличие узурпатора и наследника, это гражданская война. Торн задумался о последствиях. Но тут же понял, что Нейл все равно начнет войну ту или иную. Как понял из разговора императора с герцогом капитан, герцога в развязывании глобальных войн сдерживал только император.

И было очень интересно от чего же такого сбежали император и герцог, и почему герцог теперь считает это не таким плохим. Это должно быть что-то неординарное, что-то настолько разволновало старого императора, что сердце того не выдержало. Но теперь не узнать. Император умер, а Нейл при встрече постарается убить его и ничего не скажет, хотя есть еще Трох, но где он.

Одни вопросы. И как найти ответы. Нейла все знают, он герой. Солдат и соправитель императора. Второе лицо в государстве все эти годы. А Рональд хоть и командующий, но девятнадцатилетний мальчишка. Умный, умелый воин, но для остальных не конкурент Нейлу. Что же делать, как спасти его и себя и еще предотвратить войну. Последнее, наверное, не удастся, если удастся первое. Он усмехнулся про себя, когда раздался стук в дверь.

— Войдите.

— Здравствуйте, капитан, — в комнату вошел старый секретарь императора.

— Здравствуй, как тело императора?

— Дворецкие готовят его к погребению, но кажется мы на осадном положении, неизвестно когда удастся его похоронить, — развел руками секретарь. Мы все так его любили, — вздохнул он. Что будет дальше?

— Не знаю. Пока не знаю, — поправился Торн. Но Вы же не за этим пришли?

— Да, Вы проницательны. Я пришел передать тетрадь. Император просил передать ее Вам, капитан. Если с ним, что-то случится. Вот и случилось. Эх. Передать тетрадь, значит, и позаботиться о Рональде. Наверное, не думал он про брата....

Торн взял тетрадь. По сути, небольшую книжечку в кожаном чехле и с железными застежками. Он открыл ее посередине и удивился. Книга была покрыта убористым почерком, но капитан не узнавал ни язык, ни буквы.

— Что это? — спросил он секретаря.

— Думаю, шифр.

— А как расшифровать?!

— Если император, оставил ее Вам, значит предполагал, что Вы сможете, — пожал плечами секретарь.

Еще одна загадка, подумал капитан. И положил книжечку в карман мундира. Однако пора, уже собираться.

Докладывал Хоргот:

— Итак, у нас шестьсот пятьдесят три гвардейца. Около двухсот слуг и тридцать гостей императора, в том числе послы из Лоттлэнда. Герцога и его сыновей нет. Очевидно они уехали в рагушу, когда мы блокировали ворота. Напротив каждого ворот стоит около пятидесяти солдат герцога, однако это не заслоны от прорыва. Мы предполагаем, что их задача не пускать никого к нам. Полки герцога равномерно рассредоточены у стен. Мы забыли заблокировать кухонный люк, который выходит прямо на рынок, через него грузят продукты. Говоря это, лейтенант покраснел. Но противник тоже не знал про этот люк. Благодаря люку мы знаем новости из города и у нас есть последний выпуск «Столичного вестника». Если, коротко, то Нейл объявил, о смерти императора, о том, что христианцы начали войну с нами, подстерегли принца и убили его, — лейтенант бросил взгляд на Рональда. Наверное, он все-таки еще не знает о присутствии здесь принца. Временно не знает. Когда вернутся его подручные он поймет, что план провалился. И, — тут Хоргот выдержал паузу, — герцог объявил себя новым императором, распустил на время войны с христианами большой совет. Народ доволен и мечтает, что Нейл отомстит за принца.

Все сидели молча, обдумывая информацию.

— Как, только Нейл узнает, что в замке заперта не просто гвардия, а гвардия во главе с принцем, нам придется не сладко, — начал Торн. Очевидно, он начал готовить переворот еще до смерти императора, которая лишь ускорила события. Возможно, он готов был пойти даже на убийство. Но замок очень хорош для обороны, Хоргот сколько у нас продуктов?

— Если выгнать слуг, то хватит почти на год.

— То есть мы можем здесь сидеть год.

— Да.

— Пока мы будем сидеть, — поднялся Рональд и обвел присутствующих офицеров грозным взглядом, — дядя захватит всю страну и подчинит себе всех. В том числе южную армию. А потом придет сюда и убьет нас, если мы сами к тому времени не сдохнем от голода! Нам надо прорываться сейчас, пока он до конца не понимает ситуации, пока здесь нет его кавалерии для преследования и идти на юг.

— Я согласен, с принцем, — поддержал Торн. Но есть еще одна проблема.

— Какая? — спросил Рональд.

— Этическая. Господа, — обратился капитан, к офицерам вы слышали Хоргота. Императором объявлен узурпатор, но он сейчас все же император. То есть формально с той стороны мы можем выглядеть изменниками. Начинается гражданская война, назовем вещи своими именами. Я свой выбор сделал, но хочу чтобы вы тоже сделали выбор осознанно, с кем вы?

Офицеры переглянулись и все встали. Лорет, откашлялся:

— Капитан, принц. Скажу за всех, мы с вами. Мы любили Вашего отца, и мы его гвардия. Мы не бросим его наследника стервятнику.

— Спасибо, вам, — взволновано ответил Рональд. Я запомню вашу верность. А сейчас предлагаю обсудить наши планы. Дворак расстелите карту города, да, так. Спасибо. Смотрите, у герцога все силы рассредоточены вдоль стен. Нам, до них далеко. Перед воротами стоят патрули. Если мы выйдем в любом направлении, то они успеют у любых городских ворот собрать половину армии, тысячу бойцов. Возможно, мы их победили бы. Но

такой бой задержит нас и успеет подойти вторая половина их армии. Можно было бы сделать отвлекающий маневр, но не уверен, что он сработает. Моё предложение следующие, прорываться четырьмя группами к разным воротам, тогда они будут дезориентированы и возможно кому-то удастся прорваться. Что скажите?

Офицеры одобрительно заговорили, но всех прервал Торн.

— Вы замечательный стратег, принц. Но нам надо, чтобы прорвались воины во главе с вами, и как можно больше воинов. Я предлагаю скорректировать Ваш план. Пойдут шесть отрядов по сто человек. К северным, восточным и южным воротам, разными улицами. Враг подумает, что мы хотим прорываться через все ворота, как Вы и планировали. Но отряды, достигшие северных и южных ворот свернут и быстро вдоль стен пойдут к восточным воротам на соединение. Думаю, направление на замок герцога последнее, где нас будут ждать. Но мой расчет в том, что герцог консервативен. Как вы помните сразу после войны была образована академия наук. Первой разработкой был новый сплав, который позволил сильно облегчить вес доспехов и их качество. Герцог всю центральную армию заковал в броню, которая стала легче, но все же что-то весит. У нас же в гвардии только кольчуги из того же сплава. Кроме того, у нас изобретение, на которое герцог не обратил внимание в наше мирное время. Пять лет назад гвардию оснастили луками специальной конструкции, которые могут пробивать эту броню. В результате мы можем проиграть в прямом столкновении, но мы более мобильны, и лучники могут прикрывать наше передвижение. Поэтому я уверен, если отряды достигшие северных и южных ворот повернут от них к восточным, то под прикрытием стрелков обгонят преследователей и мы создадим временный численный перевес у восточных ворот.

Слова капитана были встречены восторженным ревом. Все поверили в успех. Выступить решили немедленно, тем более что уже спустилась темнота, благоприятствующая уроженцам города, которые отлично знали все улицы. Около тридцати слуг решили примкнуть к гвардейцам, после того как Торн еще раз выступил на площади первого яруса с предложением сделать выбор в пользу принца уже перед всеми осажденными. Три отряда возглавляемые Торном, Хорготом и Лоретом должны были скоро выдвинуться. Каждый отряд должен был пройти до своих городских ворот двумя параллельными улицами.

Торн возглавлял группу, которая шла напрямую с принцем, к восточным воротам. Рональда одели в форму гвардии, чтобы он не выделялся.

И вот наконец открыли ворота, и вниз на площадь устремились лучники. Они дали несколько залпов по строящимся солдатам герцога, которые представляли отличные мишени на фоне разведенных ими костров. А потом ударили щитоносцы. Спокойствие ночи было нарушено огнями, криками боли и суматохой. Торн ударил стоящего перед собой солдата щитом, тот упал и тут же ткнул мечом вбок солдату справа, который вступил в бой с принцем. Затем увернулся от удара слева и прикрываясь щитом просунул меч под пластину доспеха, прикрывающего живот пехотинца герцога, тот упал. Но капитан уже смотрел, как Рональд перепрыгивает, через своего врага навстречу пустой улице. Капитан оглянулся, чтобы оценить результат. Они прошли заслон герцога за минуту, неожиданность и лучники выиграли этот бой. Более половины солдат герцога лежало на земле, но ни одного красно-черного мундира. Оставшиеся солдаты стянулись к костру и не выражали желания преследовать вдесятеро превосходящего противника.

— Идем дальше, — крикнул капитан, и гвардейцы быстрым шагом устремились в темноту улиц.

6. Карел

Карел, Бьонни и Хорт сидели в срубe и слушали, как кто-то, судя по всему, огромный скребся в двери. Карел хотел, что-то сказать, но Хорт поднял палец к губам, показав, что нужно молчать. Через пару минут скрежет прекратился.

— Вот и все, — сказал Хорт. Оно ушло, чтобы это ни было, а сейчас спать.

Они улеглись и провалились в сон.

Когда Карел проснулся он увидел, что Хорт разогревает на костре их последнюю еду, сруб был наполнен дымом, который вытягивался через отверстие в крыше. В дальнем углу сидел угрюмый Бьонни.

— Проснулся? — задал риторический вопрос Хорт.

— Да, может нам выйти?

— Думаю, не стоит привлекать здесь внимание древних. Отдохнем и пойдем дальше. Расскажи, лучше, чему вас учат в университете помимо того, как устраивать пирушки.

— Пирушки устраивать не учат, как раз, — улыбнулся Карел и потянулся за своей порцией. Мы изучаем математику, литературу, инженерное дело, фехтование, а также историю и религию.

— Религию? — переспросил Хорт.

— Ага, например, мифы христианцев. Как их бог стоял на перекрестке четырех дорог, когда еще ничего не было, и вот он пошел сразу по четырем дорогам создавая мир и людей. Ну и так далее прочий бред.

— А почему ты думаешь, что это бред?

— Почему бред, — спросил Карел, не понимая зачем Хорт задает ему такие простые вопросы, но потом увидев заинтересованное лицо Бьонни понял, что разговор отвлекает того от мыслей о родне в деревне. Почему, бред?! Ну как можно идти сразу в четыре стороны? Или хорошо, он создал землю и нас, а древних тогда кто создал? Где они были, когда не было земли. Или потом как это он все создал из себя?

— Ты правильные вопросы, задаешь, — улыбнулся Хорт. Только тебя бы сожгли христианцы за ересь, если бы услышали. Думаю, что все это родилось из каких-то сказок с иносказательным смыслом, а потом просто все переврали несколько раз, как это обычно бывает со сказками. Хотя, например, пойти сразу в несколько сторон можно, но это я потом как-нибудь объясню. А сейчас надо понять какие у нас планы.

— Я хочу вернуться, — подал голос Бьонни.

— Бьонни сейчас это невозможно, к сожалению, — сказал Хорт. Надо дойти до Даргивилла и понять, что делать с вами. А я пойду дальше в Тьор.

— Ты кого то знаешь там, или у тебя там родственники? — спросил Карел.

Да, друзья — ответил Хорт. Давайте собираться.

Они убрали засов и вышли на воздух, было уже позднее утро. Хорт обратил внимание друзей на борозду в дереве длиной около двух метров и глубиной в полпальца.

— Кто такое мог сделать, — спросил Бьонни Хорта.

— Не знаю, и надеюсь никогда не узнать.

Затем они снова пошли лесом. Карел и Бьонни по-прежнему не могли понять, как Хорт находит дорогу. Они то пробирались через кусты, то шли по полянам. То попадались тропы проложенные неизвестно кем. И вот наконец лес поредел, и они вышли на дорогу ведущую в

Даргвилл. Слева расстилались поля, справа лес, вдоль которого и шла дорога.

Впереди скоро показалась деревня Цветочная, она была меньше, чем Улесье и занимались ее жители земледелием и бортничеством. Купцов и охотников, как в Улесье здесь не было. Но, с другой стороны, из Цветочной никто не уезжал в город. Путники еще издалека заметили сгоревшие и разрушенные остовы деревенских домов, селлинги не миновали и Цветочную. Над деревней роились стервятники, а когда друзья вошли в деревню, то услышали жужжание мух. Что было не удивительно, трупы лежали повсюду. У Бьонни сразу стошнило.

— Разве люди могут делать такое, — спросил он Хорта.

— Да, могут, иногда люди превращаются в зверей, даже хуже, чем в зверей, опьяненные своим превосходством и безнаказанностью. Они жестоко мстят, невиновным, таким же как они, за какие-то реальные или придуманные обиды, отделяя их от себя и рода человеческого другим племенем или другой религией, чтобы оправдать самих себя. Это и есть война сынок, мораль войны.

— И что все войны, такие?

— Да, все, — ответил Хорт.

— Тогда я не хочу войн, — истерично выкрикнул Бьонни.

Хорт и Карел промолчали и пошли дальше. У следующего дома на деревянном столе, врытом в землю, напротив крыльца лежало тело совсем молодой девушки без одежды. Ее голова отдельно стояла тут же рядом в траве, уставившись застывшими глазами на идущих мимо друзей.

— Милена, — прошептал Бьонни.

Теперь стошнило уже Карела. А Бьонни просто сел и заплакал. Непонятно, о чем он думал, то ли о Милене, то ли теперь мог красочно представить, что произошло у них в Улесье. Он встал, размазывая сопли кулаком по лицу.

— Я их догоню и убью всех.

Хорт положил руки на плечи ребят, и они пошли дальше. Трупов было слишком много, чтобы хоронить. В основном женщины и дети. Задерживаться в мертвой деревне никто не хотел. Шли молча, каждый по-своему переживал в себе последние события. Стало смеркаться, когда Хорт поднял руку, призывая остановиться и прислушался.

— Всадники, давайте в лес.

Карел напрягся и скорее почувствовал, чем услышал перестук копыт.

— Почему всадники?

— Солдаты, — ответил уже на бегу Хорт. Ни с чем не спутаешь, если много раз слышал.

Они улеглись в ста метрах от дороги, хорошо скрытые расцветшим кустарником и ворохом высохших прошлогодних листьев. По направлению от Даргвилла к Улесью показались два всадника на серых лошадях и в белых плащах. На плащах через некоторое время друзья увидели красные перекрестия. Доспехи у всадников были серые невзрачные, как лошади. На головах глухие шлемы без султанов, лишь прорези для глаз. Всадники замедлили скорость проезжая мимо укрытия друзей, а затем совсем придержали коней. Некоторое время они поворачивались, осматриваясь и ничего друг другу не говоря. Затем синхронно слезли с лошадей и направились в лес прямо к спрятавшимся.

— Значит так, — сказал Хорт. Вам двоим отойти и не вмешиваться, чтобы не случилось. Просто стойте на месте и рыпайтесь. Скорее всего вас они не тронут.

— Не понял, почему? — воскликнул Карел.

— Посмотри на их щиты, — ответил Хорт, вставая и обнажая меч. В бой не вступать!

Карел посмотрел на щиты, и его овеяло холодом, члены застыли. На щитах всадников были розы на сером фоне. Знаменитые воины ордена Розы. Ходячая смерть. Их отбирали из лучших кандидатов со всего света. Их было триста тридцать три. И следующий послушник поступал в орден только тогда, когда умирал кто-то из братьев. Считалось, что никто не сможет противостоять им в бою. В это время Хорт отошел вправо от ребят, на небольшую полянку, порытую коричневыми прошлогодними листьями, без кустарника и окруженную редкими деревьями. Он встал, широко расставив ноги, держа перед собой меч двумя руками. Карел и Бьонни тоже поднялись, не вытаскивая оружия, как и говорил им старый Хорт. Карел не знал, что делать, он был в растерянности прямо сейчас должны убить Хорта. Но почему? Почему только его? А так и было, судя по всему. Монахи разделились и пошли на Хорта с двух сторон, они еще не вынули мечей. Один из них прошел в двух шагах от Карела и Бьонни, лишь на мгновение повернув в их сторону голову. Карела снова обдало холодной волной, когда он заглянул в черные провалы глазных щелей. Монах прошел дальше, отвернувшись от ребят, но у Карела все равно было ощущение, что каким-то образом он продолжает за ними следить.

Крестيانцы дошли до Хорта и обнажили тусклые мечи, такие же, как и доспехи. Казалось, что металл поглощает свет. На мгновение они застыли, а потом одновременно накинулись на Хорта. То, что потом увидели Бьонни с Карелом иначе, как чудом назвать нельзя. Хорт один без щита сдерживал удары и выпады двух монахов. Ребята стояли разинув рот. Скорости соперников были такие, что они просто не видели мечей, более того иногда руки до локтевого сустава казались размытым пятном.

— Этого просто не может быть, — прошептал Бьонни. Карел, ущипни меня. Смотри! Хорт замедляется.

И действительно, в то время как монахи казались раскрутившимися мельницами, раненый и старый Хорт на глазах стал уставать, он не мог поддерживать такой темп. Но главное, как поняли ребята, один Хорт пока еще был равен по силам двум монахам. Они переглянулись и поняли друг друга без слов. Вдвоем они кинулись на спину ближайшего крестянца, того, который прошел мимо них. Но оказалось, что тот действительно следил каким-то образом за ребятами. Только проблема его была в том, то он не мог отвернуться от Хорта и повернуть меч. Карела встретил настолько мощный удар щитом, что он, потеряв дыхание, со сломанным носом отлетел метров на десять. А от Бьонни монах просто увернулся, продолжая фехтовать с Хортом. И тут Бьонни сделал то, что от него никто не ожидал. Он упал и схватил монаха за ноги, тот споткнулся и упал на колени, ему пришлось опереться рукой с мечом на землю, чтобы окончательно не завалиться. Этим тут же воспользовался Хорт, точным ударом пробив шлем крестянцу сквозь глазницу. Однако движение было чересчур долгим, второй монах успел вонзить меч в незащищенный доспехами бок Хорта. Хорт присел от боли у поверженного врага, из раны ручьем лилась кровь. И тут монах совершил ошибку, пока Хорт падал, он уже решил, что победил и немного расслабился, опустив руки. Этого оказалось достаточно. Ни Карел, ни Бьонни не видели движения Хорта. Они заметили нож, торчащий из глазницы шлема второго монаха, только когда тот начал складываться. Ребята подбежали к Хорту.

Тот лежал на спине в луже собственной крови и хрипел:

— Карел, возьми, — он протянул юноше свой спиральный талисман. Найди во дворце Тьора Торна и отдай ему. Скажите ему, чтобы позаботился о вас и лошадей этих не берите.

Глаза кузнеца остекленели. Карел стоял над телом старшего товарища, и слезы у него смешивались с кровью.

— Надо его похоронить, — сказал он Бьонни.

Вырыв с помощью мечей монахов могилу и похоронив в ней Хорта, ребята двинулись дальше в Даргвилл. Им не хотелось оставаться в лесу. Вся местность по дороге была разорена селлингами, очевидно, действительно шла война и селлинги пошли вглубь страны. Карел предложил Бьонни вернуться в Улесье раз селлинги ушли, но тот отказался. Сказал, что не успокоится пока хоть один селлинг ходит по их земле. Карел не стал спорить, ему не хотелось оставаться одному. Состояние было гнетущее. Во время пути они успели обсудить Хорта, понятно было что это не простой кузнец. Тем более, что христианцы подослали к нему убийц. Значит он скрывался от них в Улесье. Но почему, кто он. Бьонни высказал предположение, что Хорт сам беглый монах. Что нормальный человек не может так владеть оружием. Про чудесное владение мечом Карел согласился, но предположение, что Хорт христианин отменил. К тому же у Хорта были друзья в императорском дворце. Решение, что им делать дальше они отложили до момента, когда придут в Даргвилл.

Спустя два дня изголодавшиеся и грязные ребята подошли к Даргвиллу. Ворота бывшего форпоста на границе земли древних были открыты настежь. Друзья переглянулись и вошли в город. Стены и здания города строились во время войн с древними, на века. Всё было из камня, даже была мостовая, как в Тьоре. Мощенная улица, заставленная малоэтажными белыми домами с разноцветными ставнями, была пуста. Но Карел заметил, как в одном из домов заколыхались шторы. Ага люди есть, просто все сидят по домам. Он подтолкнул Бьонни и повел его в центр, в трактир, где всегда собиралось студенческое сообщество города.

Заведение называлось «Циркуль» и располагалось в подвале склада, в переулке выходящем на главную площадь. Почему было такое название никто уже не помнил, даже сам хозяин. Было несколько теорий. Самая популярная гласила, что раньше было принято определять степень опьянения студентов, тем насколько правильно они нарисуют окружность без циркуля. Судя по всему, трактир работал, что было очень хорошо, друзья не ели два дня. Карел и Бьонни вошли в полумрак трактира и Карел сразу заметил группу знакомых студентов в углу.

— Келвин, привет, — крикнул он. К вам можно присоединится?

— Конечно, Карел, — ответил Келвин и сделал знак, чтобы остальные подвинулись. А это что за милая мордашка рядом с таким уродцем? Ты, Карел, изображаешь енота в театральной постановке?

— Это Бьонни, мой друг из Улесья, — усаживаясь и смеясь сказал Карел. А мне сломали нос христианцы. Хозяин пива!

Карел после стычки с монахами кое-как на ощупь поправил кости сломанного носа, но это было всё что он мог сделать и сейчас сидя с приятелями он действительно смотрелся комично. Нос представлял собою распухшую сливу, а оба глаза были в окружении фиолетово-желтых синяков. И все это на фоне бледно белого лица Бьонни. Выпив по кружке пива, ребята заказали еды. Карел чувствовал, что его повело. Он впервые расслабился за эти несколько дней, слушая как Келвин рассказывает о событиях в городе.

— Когда они пришли никто не мог понять, что происходит. Но основная их часть, может тысяча, не знаю, прошла город насквозь маршем. Наверное, спешили куда-то. Осталось только двадцать или тридцать, но это хватило, чтобы разогнать стражу и повесить

мэра. С тех пор они здесь. Мы правда подсократили их количество на пару человек.

— Селлинги еще здесь?! — удивился Карел.

— Да, заперлись в ратуше, уроды, бояться выйти. Мы поймали двоих на рынке и прикончили, с тех пор они сидят в ратуше. Уже три дня, наверное, скоро друг друга начнут жрать.

— Их надо всех уничтожить! — заявил Бьонни.

— Я смотрю, любишь ты селлингов, парень, — перевел на него взгляд Келвин.

— Если бы ты видел, что они натворили, ты тоже бы хотел их перерезать, — вмешался Карел.

— Да, слышал, кое — что такое, — сказал Келвин. Но слушайте, мы ждем темноты, у них там все-таки есть лучники. К сегодняшнему вечеру мы соберем пятьсот человек. Все подступы к главной площади перекрыты. Мы не солдаты, но думаю справимся. Вы не налегайте на пиво, если хотите поучаствовать.

Вечером ребята со всеми остальными пошли к ратуше, народу было много, в основном студенты и молодежь. План был простой, к ратуше свезли телеги, набитые хворостом, подожгли и направили к дому. Хотели выкурить селлингов дымом. Как ни странно, план сработал быстро, может потому, что селлинги были голодные и сами хотели вырваться из здания. Двадцать селлингов, прикрываясь щитами, вышли из дверей ратуши. Их лучники дали залп и расчистили дорогу, по которой словно нож сквозь масло прошли селлинги. Хаотичная толпа, размахивающая разнообразным оружием, казалось, не могла оказать сопротивление закаленным бойцам.

— Они уходят, — Карел тревожно схватил Келвина за руку.

— Спокойно, всё идет по плану, мы их выкурили. Дали уйти, чтобы они снова не заперлись в ратуше. Вверх по улице баррикада. Идем.

Карел увидел, как вся толпа побежала за селлингами. Они с Бьонни влились в нее. Буквально через пять минут все остановились. Дома с двух сторон шли без промежутков, один переходил в другой. Впереди проход был перегорожен пятиметровой стеной из бревен. Факелы освещали прижавшуюся к бревнам двадцатку селлингов. Они сомкнули щиты и стояли с обнаженными мечами. Выглядели они грозно, как зверь, загнанный в угол. Никто не решался напасть первым. Повисла пауза. Казалось, так они простоят всю ночь. Но тут не выдержали нервы у арбалетчика селлингов. Он выпустил стрелу в толпу. Раздался крик.

— Кира убили! — завопил тоненький голос. Бей их!

И вся толпа кинулась вперед. Карел посторонился к стене. Люди хватили руками селлингов и буквально раздирали их на части. И впереди был Бьонни. Карел видел, как какой-то селлинг бросил оружие и встал на колени подняв руки и прося пощады. Но к нему тут же подскочил Бьонни, вырвал из рук какого-то студента дубину и начал молотить селлинга по голове, а оставил это занятие только когда голова воина превратилась в кровавую кашу. Через несколько минут все было кончено, нападавшие потеряли десяток человек убитыми и еще пару десятков были ранены. Селлинги как кровавые тряпки валялись на мостовой. Боевой азарт спал. Люди успокоились. Но тут на телегу, куда грузили раненных, вскочил Бьонни и закричал.

— Мы победили! Но селлинги еще на нашей земле, режут наших сестер и матерей, убивают наших детей. Догоним их и перебьем всех!

Затихшая было толпа взревела. Карел с удивлением смотрел на Бьонни. А тот подняв вверх окровавленную дубину повел людей к воротам города. Карел пошел за ними.

7. Колле

Яркое, яркое солнце на пронзительно голубом небе отражалось от вечных ледников на пиках гор и давало жизнь буйной зеленой растительности на их склонах, где иногда в геометрически правильных участках угадывались виноградники. Три всадника неторопливо ехали по долине между двумя рядами гор, по тропе протоптанной вдоль большого и быстрого ручья, или же его можно было назвать небольшой бурной горной речкой. Он искрился на солнце наполненный кристально чистой водой из растаявших на склонах снегов. Весна только пришла в этот край и все дышало свежестью и радостью.

От этого у всех трех всадников было хорошее настроение, и они предавались беспечной беседе. Слева на кобыле ехал широкоплечий крепыш с хитрым конопатым лицом, из-за его плеч торчали две рукоятки мечей. Справа на огромном мерине ехал настоящий великан, на фоне которого мерин казался не больше пони. Вид этого воина внушал спокойствие и уверенность. А то, что это воин не оставляла сомнений осанка и огромный заряженный арбалет, лежащий поперек седла. В центре, между ними, на небольшой лодке сидел изящный молодой человек, с голубыми глазами, который как мы знаем был совсем и не молодой человек, а беглая герцогиня Мос эн Гюр.

— Так вот, представьте себе, — рассказывал о своей профессии Колле, — вино в Леране гораздо лучше христианского, тут он метнул быстрый взгляд на Ханса и не получив возражений продолжил, но при этом в два раза дешевле. А что делают христианцы? Они облагают налогами леранское вино так, что оно становится дороже христианского. В результате выбор уже не столь очевиден, если ты хочешь сэкономить, то покупаешь местное вино. Но я купив вино в Леране оптом, продаю его в по другую сторону гор в два раза дороже. То есть каждую монету превращаю в две. При этом у меня его раскупают сразу, хотя бы в том же трактире, где мы были, — тут Колле помрачнел, но потом снова продолжил рассказ. И вот я с деньгами по ту сторону гор. Вы что думаете я поеду назад пустой? Ни за что. Христианцы делают очень хорошее оружие, но при этом у всех мастеров есть договоренность продавать его дорого по одной и той же цене. Никто не хочет нарушить договор. Если только никто не узнает, подмигнул и улыбнулся Колле.

— Как это? — рассмеялась Мос.

— А так, — я взял избыток готового оружия дешевле, никому ничего не сказав и уехал в Лерану, а там его продал дешевле официальной цены. И вот я заработал еще по полмонеты на каждую монету. Теперь я могу поесть, вышить и отложить, что-то на зиму, когда перевалы закрыты. Вот так и живу. Хотя становится все труднее, конкуренция, — он снова бросил взгляд на Ханса, но тот продолжал невозмутимо ехать.

— Как интересно, — ответила Мос. А я ничего такого и не знала. Наверное, чтобы все время прятаться от стражи, нужно быть очень смелым?

— Хрм, — не выдержал Ханс, — можно просто делиться со стражей.

Колле недовольно зыркнул на предателя, ему нравилась девушка и нравилось хвастаться перед ней, раздувая собственное эго.

— Эх, как, наверное, интересно быть контрабандистом. Приключения! А я просидела всю жизнь дома, меня учили вышивать и произносить напыщенные речи.

— Однако Вы научились великолепно владеть мечом, — польстил девушке Колле.

— Верно, — подхватила герцогиня. Мой покойный батюшка распорядился. Род у нас

богатый, — она вздохнула, — завистников много. А родилась дочь вместо сына. Вот он меня и учил, чтобы я могла за себя постоять. Но увы ни себя, ни землю защитить не удалось. И вот пришлось бежать.

— Не вините себя, — вступил в разговор христианин, — с Йоханом шутки плохи.

— Ты встречал его или знаешь только по слухам? — спросила Мос, но Ханс не ответил.

— Мы можем сразу сесть на корабль в Наллене, — перевел разговор на другую тему Колле, — если оттуда идут корабли к Лестервалю. Или же можем добраться сначала до Гаранжа, а потом пересечь. Что думает наш молчаливый друг, — снова обратился он к христианину, но там по обыкновению только пожал плечами.

Через неделю они спустились в низину Лераны, где лето было уже в самом расцвете. За время путешествия путники притерлись друг к другу. Для романтически настроенной молодой герцогини это была лучшая неделя в ее жизни после смерти родителей. А два суровых контрабандиста, не отдавая себе отчет в этом, тоже привязались к обаятельной и жизнерадостной девушке.

— Лерана, лучше место на свете, — щебетал Колле, — посмотрите какая у нас природа, сколько цветов?! Не то что серая земля христианцев.

— Подумать только, цветы?! Не ты ли говорил, что родился в Леранце? — вступил в спор обиженный Ханс. Более мерзкого города, заполненного нищими и помоями сыскать трудно. Не то что наши аккуратные и чистые города.

— Ты был в Леранце?! — воскликнул Колле, — и всё это время молчал...

— Хватит спорить, — вступила Мос. Лучше посмотрите какое прекрасное озеро.

Они выехали из леса между двумя холмами, и за поворотом им открылось небольшое лесное озеро, с протоптанными тропинками к воде. Очевидно, местные жители ходили сюда купаться.

— Смотрите, какая поляна у воды. Мне жарко, я устала, хочу искупаться. Сто лет не умывалась.

Контрабандисты молча переглянулись, но ничего не сказали, про то, что два часа утром проторчали на мельнице, пока герцогиня плескалась в бочке с водой, а потом завтракала на природе.

— Так, я остановлюсь здесь, а Вы поезжайте дальше, вот за те кусты, — скомандовала молодая герцогиня.

Колле и Ханс, не протестуя, поехали дальше, а девушка, проводив их взглядом привязала коня к дереву. Затем убедившись, что спутники отъехали уже достаточно далеко, сняла шпагу, доспехи и одежду. Чтобы она не бросалась в глаза, сложила всё в кусты. Затем выпрямилась и пошла в сторону воды. Ветерок приятно обдувал кожу, уставшую от одежды и доспехов. Подойдя к озеру, она потрогала ногой прохладную воду и вошла в нее. Ноги сразу погрузились в ил, берег был илистым. Она осмотрелась и увидела левее, с другой стороны озера пологий спуск, трава на нем был вытоптана. Недолго думая, молодая герцогиня нырнула вперед и медленно поплыла в ту сторону.

Контрабандисты отъехали метров на сто и расположились на отдых. Они устроились чуть вдалеке от озера, в тени деревьев. Ханс прислонился к дереву и как обычно молча сидел. Интересно, о чем он думает, задавался вопросом Колле. Леранец лежал на боку и пытался добросить камешки до озера. Скоро это занятие ему наскучило и Колле погрузился в дремоту, из которой его вывел крик. После секундной паузы, он сориентировался в пространстве и вскочил на ноги, как и Ханс. Кричать могла только Мос. Они бросились к

коням и через минуту были на том месте, где оставили девушку. Конь герцогини был привязан к дереву, а ее самой нигде не было видно, ни на берегу, ни на озере. Ханс спрыгнул на землю раздвинул кусты и показал одежду.

— Она не могла утонуть, — ответил Колее на не высказанный вопрос. Она говорила, что хорошо плавает. Кроме того, крик был не похож на крик тонущего, скорее это удивление. Мооос! — закричал он.

В ответ они ничего не услышали. Стрекот насекомых и щебетание птиц. Колле кивнул Хансу и тот быстро скатал одежду в узел. В это время Колее привел коня герцогини.

— Все деньги у нас, — сказал бесстрастно христианин и посмотрел на Колле.

— Не мели чепухи, поехали искать девчонку.

Ханс кивнул, и они поехали вдоль берега в обратную сторону от той, с которой приехали сами. Двигались медленно, чтобы найти следы. Ничего. Колле, периодически бросал взгляды на озеро. Может все-таки утонула. И затем отгонял от себя эти мысли. Через некоторое время дорогу им преградил ручей с крутыми берегами, впадающий в озеро. Не могло быть и речи переправить через него коней. Пришлось углубиться в лес, чтобы найти брод, а затем снова вернуться к озеру.

— Стоп, — сказал Ханс, и показал на тропинку, выходящую к озеру.

Очевидно, что это было известное и найденное местными жителями место. Не нужно было быть опытным следопытом, чтобы понять, что недавно здесь был отряд всадников. Земля и песок были взрыты копытами, кое где влажная земля еще не успела засохнуть. Лежал свежий конский навоз. Колле спрыгнул и наклонился, внимательно изучая следы.

— Похоже на боевых коней, одна лошадь большая с глубокими отпечатками. Рыцарь?! Или нагружена?!

Он посмотрел на Ханса, но тот уже разворачивался в сторону от озера. Колле тоже вскочил в седло, и они поскакали по тропинке, которая вывела их на крестьянские поля. Леранец, заметив коров и пастуха, поехал в его направлении.

— Доброго и хорошего дня, — поздоровался Колле с пастухом. Ты не видел случайно, недавно не проезжал отряд всадников?

Пастух с красной, выдубленной постоянным пребыванием на воздухе кожей, вынул изо рта изжеванную ветку, которую грыз до этого.

— Как же не видал, видал. Около часа назад пронеслись, с голой девкой через седло, — ответил он.

— Сколько их было и куда поехали, — спросил подъехавший Ханс.

— Было полтора десятка, а куда поехали, так туды, одна дорога, другой нет. В сторону Леранца. А вы кто будете ей?

Но ответа не последовало. Контрабандисты уже во весь опор неслись по тропинке, которая постепенно стала дорогой, и в нее вливались другие такие же тропинки. Проблема появилась через пару часов. Они выехали на развилку трех дорог. И все были перепаханы ногами и подковами. Колле на коленях прополз все три развилки, но не смог определить в какую сторону поехал отряд. Он сел на край дороги и задумался.

— Надо ехать в Леранц, — сказал Ханс. Вероятность, что они поехали в столицу велика.

— Это мог быть кто-то из местных.

— Не думаю, что местные будут такое делать у себя под носом, — не согласился Ханс.

— Знатный вельможа, может делать многое и где захочет. Есть одна деталь, о которой мы не подумали, — сказал Колле, которому в голову пришла мысль.

— Какая?

— Знать! Рыцари! Едем назад.

— Но зачем?

— Увидишь, — ответил Колле уже с коня. Главное чтобы пастух был на месте.

Пастух был на месте. Завидев друзей, снова направляющихся к нему, он встал с травы и пошел им на встречу.

— Послушай, — попросил его Колле, — опиши всадников?

— Всадники, как всадники, — ответил пастух. Воины какого-то рыцаря.

Ханс и Колле переглянулись, и последний продолжил расспрашивать пастуха.

— Как были одеты?

— Да как?! Обыкновенно. С мечами на конях. В коричневых плащах с зелеными полосами.

— Ага, — обрадовался Колле, — ну а щиты у них были, — и он многозначительно посмотрел на Ханса.

— Были, — ответил пастух.

— А что на них было нарисовано?

— Не знаю, кажись дерево какое-то.

— Какое?

— Дык, далеко было. Не знаю. Дерево, ствол и листья.

— А ты когда-нибудь видел такие щиты у местных?

— Нет, не видел, — задумавшись ответил пастух.

— Едем в Леранц, — сказал Колле Хансу и дал пастуху монету.

— Я это сказал еще час назад, — фыркнул Ханс. Сэкономили бы время, если бы ты меня слушал.

— И кого бы мы искали в Леранце, дубина.

— А кого искать, это надо было еще в первый раз спросить, — резонно заявил Ханс.

Колле примолк и они снова поскакали в Леранц.

Через неделю они грязные и небритые через южные ворота въехали в Леранц. Колле с непривычки, от долгой скачки, натер себе задницу и сидел в седле только усилием воли. Кристианец же казался железным человеком. Дорогу показывал Колле, как уроженец города. Город действительно был не только грязным, но и вонючим. Помои выбрасывали прямо из окон на обочину улицы, канализации, как в том же Тьоре, тоже не было. Город был крупнейшим торговым центром. Здесь жило огромное количество людей из самых разных стран, самых разных профессий и разного достатка. Узкими, темными улицами леранец довел их до какого-то постоянного двора самого низшего разряда.

— Я хорошо знаю хозяина, — заявил Колле.

— Эй, старина Эдвар, ты где дружище? — громко позвал Колле, сползая с лошади.

Из дверей постоянного двора показался морщинистый старик в фартуке. Хотя при ближайшем рассмотрении Ханс понял, что человек покрытый морщинами еще крепок, что он не столько стар, сколько потрепан жизнью.

— Эдвар, как я рад тебя видеть, — воскликнул Колле. Мне срочно нужен аптекарь.

— Тебе нужен гробовщик, — заявил Эдвар и ударом кулака сбил с ног контрабандиста.

Ханс положил руку на рукоять меча, но не вытащил его из ножен, наблюдая что будет дальше. Колле копошился в помоях, наконец ему удалось сесть.

— Это так ты встречаешь старого друга?

— Друга?! Ты не помнишь, как удирал отсюда, спасая свою шкуру, после того как мне стало известно, что ты крутишь шашни с моей женой.

Ханс посмотрел вокруг, стали собираться любопытные.

— Какая жена, о чем ты? Мы все знаем кто Изабелла по профессии, кроме того, уверен, что сейчас у нее другой так называемый муж. Что я не прав?

— Ну хорошо. Но в то время это была моя Изабелла.

— Так ничего не было, если бы ты мог выслушать объяснения. Но ты сначала даешь волю кулакам, потом думаешь. Когда ты встретишь не такого покладистого человека, как я, это не доведет тебя до добра.

— Ну ладно, — сказал Эдвар, оглядываясь на зевак. Эй, вам здесь не театр, а ну пошли прочь. Что принесло тебя старый плут Колле. Проходи, — сказал он, подумав. Но сразу умойся от тебя несет.

Колле встал и они с Хансом прошли в темное помещение трактира при постоялом дворе, отдав мальчишке поводья от трех коней. Зал был маленький, всего четыре столика и все пустые.

— А я смотрю, ты всё в таком же дерьме, как и раньше, — прокомментировал ситуацию Колле.

— Ты сначала отмойся от настоящего, а потом говори, — не остался в долгу Эдвар. Так что тебя принесло?

— Для начала мне нужен лекарь, я был в седле неделю и совершенно не могу сидеть, — Колле прошел в комнатку, где молодая девушка начала ему наливать воду в корыто. А вообще мы тут с приятелем ищем одного человека.

— Сколько он вам должен, спросил Эдвар.

— Это не он, это она. Девушка наняла нас охранять и ее похитили, — Колле забрался в корыто и удовлетворенно ухнул. И сейчас мы ищем похитителя.

— Тоже мне охрана. Кто похититель?

— Мы не знаем, знатный рыцарь. Знаем его герб.

— Сейчас в Ремонце нет знати.

— Куда ж они делись, — удивился Колле.

— Все в Ремонце, — Эдвар принес Хансу, сидевшему за столом жареного мяса и вина.

— В Ремонце?! — подал голос Колле.

— Ты где был всё это время. Да, в Ремонце. Были волнения, и король сбежал из города в свой замок. Сначала оставался Волкор с группой баронов. Наверное, хотел заменить короля Алена. Но Робенд набрал уже много людей в национальную гвардию и выгнал Волкора без боя. Тот просто испугался. И теперь они все Ремонце.

— Ну хорошо, знать вся там. А лекари куда делись, они еще остались в городе?

— Я послал за аптекарем, он скоро будет.

— Нам обязательно надо найти девушку, — вмешался в разговор Ханс. Если она еще жива. Всё что мы знаем это герб похитителя. Нам нужно как-то узнать кому он принадлежит?

Эдвар задумался.

— В городской архив вам надо, — выдал он через минуту. Там все есть и наверняка геральдика. Но он внутри стоянки национальной гвардии. Они заняли весь центр.

На следующее утро отдохнувшие друзья шли в сторону городского архива.

— Понимаешь, — объяснял Колле, — раньше бы нас туда не пустили, архив только для

знати. Но поскольку теперь это территория Робенда, то это упрощает дело. Однако национальная гвардия, это тоже еще те ублюдки.

У Ханса были очень смутные представления о политике в Леране, и он особенно не горел желанием пополнить знания на эту тему. Его всегда удивляла Лерана своим хаотическим существованием. В отличие от империи Перекрестия, где все подчинялось императору и во власти, как и в жизни, была четкая иерархия, в Леране были три силы: король и его рыцари, крупные бароны под предводительством двоюродного брата короля принца Волкора и парламент, имеющий собственную армию — национальную гвардию генерала Робенда. Коалиции, союзы, скандалы, заговоры — это была кипучая жизнь Лераны, разобраться в тонкостях которой могли только аборигены.

Пока Ханс размышлял они подошли к дворцовой площади, на которой был вход в архив, однако дорогу перекрывал патруль национальной гвардии.

— Стойте, руки вверх оружие не трогать — вдруг приказал им офицер, как только они приблизились.

Контрабандисты подняли руки и переглянулись.

8. Торн

Мимо речной галеры проплывали мирные поля и леса. На палубе вповалку лежали уставшие люди. Только цвета мундиров выдавали в них гвардейцев императора. Мундиры были порваны и грязны, люди небриты и вымотаны. Час назад они отплыли на четырех галерах из Харпина, что южнее Тьора. А до этого они почти не спали три дня. Торн прислонился к левому борту и сидел, ожидая пока Лорет выспится и сменит его. Больше было не на кого положиться. Рональд был ранен мечом в плечо и сидел забывшись рядом. Дворак чудом до сих пор жив, из его спины вырезали две стрелы. Бергон, предводитель дворцовых слуг, был изрублен на куски у городских ворот Тьора. Усталый мозг Торна наполнил калейдоскоп обрывков воспоминаний. Вот они прорвались и дошли до восточных ворот, вот у ворот выстроились щитоносцы Нейла. Вот бегом появилась группа Лорета, за ней попятая бежали солдаты герцога. Вот без всякого строя кинулись вперед. Битва распалась на поединки. Перед Торном мелькали противники. Он видел, как гибли его ребята. Они были умелыми, но неопытными, никто не участвовал в боях. Некоторые просто не понимали, что это всерьез, что надо рвать зубами плотки за свои жизни. Они потеряли больше ста человек у ворот. Они прорвались. Прорвались за счет того, что уровень фехтования гвардии был сильно выше, чем солдат герцога. Сказался отбор и постоянные тренировки. Сначала было трудно, а потом по всему фронту щитоносцы центральной армии поддались, они тоже не хотели умирать. И вот гвардия бегом потекла через ворота. У Рональда по руке текла кровь, Дворака несли на руках. Торн вздохнул, группа Хоргота не пришла, не пробилась, двести человек. Потом они сразу направились в порт Харпина, на корабли. Нужно было спуститься по реке к Южному форту. На корабли нужно было попасть прежде, чем их догонит и раздавит, в прямом смысле слова, тяжелая конница герцога. И вот три дня, с небольшими перерывами на отдых и сон, они бежали, шли и снова бежали. Когда пришли в Харпин оказалось, что весть о них уже достигла этих краев. Нейл разослал почтовых птиц, именуя гвардейцев изменниками. Но в небольшом торговом городе никто не осмелился оказать сопротивление тремстам вооруженным солдатам. Купцы безропотно молчали, когда Торн захватил четыре галеры. Рональда с замотанным кровавой тряпкой плечом к этому времени тоже уже несли. Купцы промолчали и тогда, когда Торн приказал пробить днища оставшихся кораблей. Он сказал гребцам, что отпустит их с кораблями в Южном Форте, и что в их интересах попасть туда быстрее. Когда корабли выходили в основной речной фарватер, капитан заметил своим острым зрением длинную ленту пыли на горизонте. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что это кавалерия. Они опередили погоню всего на два-три часа. Но главное, что успели опередить.

Торн еще раз огляделся вокруг. Придется как-то поднять боевой дух. Две недели на галерах дадутся не легко. Он посмотрел на ровные ряды поднимающихся над водой весел. Нет, от гребцов с нижней палубы он не ждал подвоха. Они были уже в курсе происшедшего от солдат, в курсе переворота. Они видели, что Рональд жив и гвардия его охраняет. Они, конечно, боялись, потому что не понимали как и зачем всё это происходит. Но были не опасны. Опасно было моральное состояние гвардии, нужен был какой-то понятный всем план действий, а его пока не было. Кроме как соединиться с южной армией. Торн задумался. У многих в Тьоре остались семьи. Лорета ждала жена и годовалая дочь. Значит целью должно стать быстрое возвращение в Тьор и реставрация Рональда. Но смогут ли

они?! Центральная армия раза в четыре превосходит южную по численности. А сам Рональд? Сможет ли стать лидером, задался вопросом Торн. Словно в ответ на его мысли Рональд беспокойной пошевелился во сне. Капитан вздохнул.

Через две недели галеры входили в порт Южного Форта. Южный Форт был форпостом империи на юге. Его основали недавно и он означал расширение государства. Поскольку Форт был основан в мирное время, он не имел стен. В Форте жило более десяти тысяч жителей, которые занимались в основном либо обслуживанием стоянки южной армии, либо торговлей с южными странами. Галеры заходили в специально прорытый из устья реки канал. Их уже заметили и к причалу выдвинулся десяток солдат. Нечасто прибывают сразу четыре корабля, нужно проверить кто и откуда.

За две недели капитан привел своё небольшое войско в порядок. Все были выбриты и чисты, а главное понимали, что в их интересах вернуть Рональда на престол и как можно быстрее. Сам Рональд стоял вместе с Торном на носу первой галеры.

На берегу выстроился десяток воинов стражи. Они рассматривали галеры, вернее тех кто на них, поскольку сами галеры были знакомы и не раз заходили в Форт. Вот командир, что-то сказал одному из солдат и тот побежал к ряду палаток, стоявших рядом с городом. В это время галеры причаливали, а Рональд ловко спрыгнул на землю. За ним последовали Торн и еще несколько гвардейцев.

Солдаты, завидев сына императора вытянулись по струнке, но Рональд смотрел не на них, а на приближающуюся от лагеря группу солдат. Те спешили к пристани, впереди выделялись два командира с пышными плюмажами на шлемах. Это были два полковника южной армии. Рональд тотчас узнал их.

— Ваше высочество, — приветствовали они его удивленно, — а из Тьора нам прислали сообщение, что Вы попали в засаду и убиты.

— Как видите, я жив, — заявил командующий южанами. Но где остальные?

Полковники переглянулись.

— Пришло письмо, — заявил один из полковников, которого звали Вернон. Письмо из Тьора, от Нейла. Никто не усомнился. Было написано, что Вы погибли в засаде крестيانцев и еще был приказ отправить армию на южные границы. Большая часть уже ушла. Осталось только два полка и катапульти.

— Только два полка? — задал риторический вопрос Рональд.

Полковники снова переглянулись и развели руки.

— Мы бы тоже ушли, но надо было собирать катапульти. И мы остались помочь. Завтра бы ушли, все катапульти готовы и разложены по телегам. Но что произошло?! Мы рады, что с Вами всё в порядке, принц Рональд. Но почему тогда Нейл император?

— Он узурпировал власть и хотел убить Рональда, началась гражданская война, — сказал подошедший Торн. Вам надо бы определиться с кем Вы.

Полковники переглянулись в третий раз. Они были совсем обескуражены.

— Конечно мы за законного наследника, Рональда, — ответил Хинтвелл, второй полковник с длинными усами на лице. Но я не представляю, что теперь делать.

— Всё просто, пойдём на Тьор, — заявил Рональд. Народ увидит, что я жив и поднимется против узурпатора.

— Нейл, может объявить Вас самозванцем, раз уже разрезвонил на весь мир, что Вы мертвы, — заметил Хинтвелл.

— Кроме того, — вступил в разговор Торн, — люди лучше знают герцога и не известно

кого они поддержат.

Рональд недовольно посмотрел на Торна.

— И что по твоему делать надо?

— Пока не знаю, — пожал плечами капитан гвардии, — предлагаю разместиться, отдохнуть, а завтра соберемся и решим.

— Давайте, я займусь размещением ваших солдат, — сказал Вернон.

— Ну, хорошо, — нехотя согласился Торн.

Рональду и Торну выделили двухэтажный особняк в центре города, поэтому они пошли в сторону от палаток, их сопровождал один десяток солдат. Лорет, оставив караул у галер, которые вопреки обещанию пока не отпустили, повел остальных вместе с Верноном в палаточный лагерь.

Наследник империи шел по ничем не замощенной дороге Южного Форта, справа и слева были похожие друг на друга белые глинобитные дома, одно и двухэтажные. По городу уже прошел слух и люди собирались вдоль дороги посмотреть на вернувшегося Рональда. На их лицах читалось сострадание, многие любили императора и его сына. Но при этом было тягостное молчание, ситуация была странная. Страна слишком долго была в одних руках, люди были растеряны. Они потеряли ориентиры со смертью императора.

Торн, расставив караул, прошел в гостиную, где в кресле расположился Рональд.

— Ну что, спросил? — он Торна.

— Что будем делать? — переспросил капитан.

— Да, что будем делать, — уточнил принц.

— Надо укрепиться, собрать всю армию, послать послов в Корсу, Лоттлэнд. А потом уже идти в Тьор.

— Это долго.

— Но у Нейла огромное преимущество, у него только конницы больше, чем у вас сейчас солдат.

— Торн, я чувствую, что нужно действовать быстро, нельзя ждать. Нам надо напасть на Нейла сейчас, пока он не готов и не ожидает этого.

— Предлагаю, это обсудить завтра. Вы устали, все мы устали. Мы хотели найти здесь армию, а нашли два полка. Нам нужно иметь свежие головы, чтобы принять верное решение. Спешка ни к чему хорошему не приведет.

— Ну, хорошо иди спать, а мне прикажи принести вина, — завил Рональд, смотря в окно мимо капитана.

Торн пожал плечами и вышел.

Бум, бум, бум. Торн вскочил с постели пытаясь понять, что стучит, где стучит. Явь это или сон. В окно пробивался рассвет, солнце еще не взошло. Бум, бум. Снова загрохотали удары в дверь. Ага, наконец капитан проснулся и встал с кровати, беря в руку меч.

— Кто там?

— Это мы, — раздался голос одного из гвардейцев, полковник Вернон прислал гонца, срочно просит вас к себе.

— Сейчас? — спросил Торн.

— Да, сейчас, вас и Рональда.

Через полчаса, когда из-за горизонта уже поднялось солнце, Рональд и Торн входили в палатку Вернона. В ней помимо самого Вернона, сидели Хинтвелл, Лорет и еще один незнакомец, загорелый в неплохой одежде, с виду зажиточный фермер. Правда волосы его

были включены, а одежда вся в пыли.

— Это Самаран, он фермер. Его ферма около дна пути на запад отсюда. Самаран, расскажи еще раз этим господам, то что и нам.

— Так значит вот, — прокашлялся фермер, — еду я вчера вечером от ручья домой, стало быть, гляжу огни в степи. Много, много огней. Причем вдоль тракта. Я отродясь такого не видел. Решил посмотреть. Стреножил коня, стало быть, и потихоньку пошел, мало ли что. И вот, стало быть, что я вижу. Армия. Сначала думал наши. А потом часовые стали перекликаться. Совсем рядом. Я их и не заметил оказывается, стало быть. Так вот это не наши. Я уже дальше ползком подполз, и смотрю это христианцы, стало быть. Я потом назад вернулся, обошел кругом лагерь. Они пришли с запада, стало быть, и на ночлег встали, а идут по тракту сюда, больше некуда. Я на ферму заскочил, предупредил своих, чтобы в степи если что спрятались, а сам быстро сюда, стало быть. Всю ночь скакал.

— Много их? — прервал Рональд

— Не знаю, не считал, — замялся фермер, я ж сразу сюда предупредить, стало быть. Но, думаю, тыщ десять самое малое.

Рональд и Торн переглянулись.

— И конные есть, и с копьями есть и с арбалетами, — продолжал Самаран. Армия целая, одним словом. Если поутру вышли, то здесь аккурат после обеда нагрянут, стало быть.

— Спасибо, Самаран. Ступай, тебя покормят, отпустил фермера Вернон, а нам поговорить надо.

— Что делает христианская армия глубоко на нашей территории?! — возбужденно воскликнул Рональд. Что?!

— Боюсь ничего хорошего, — ответил за всех Торн. Предположу, что это вторжение. Это может быть связано со смертью императора.

— Десять тысяч, — проговорил цифру Рональд, когда фермер вышел. А у нас?

— У нас два полка по пятьсот пехотинцев, три сотни ваших гвардейцев, две сотни obsługi катапульта и может наберем тысячу ополчения, — ответил Хинтвелл.

— Итого две с половиной тысячи против десяти.

— Или пятнадцати или двадцати, мы не знаем — сказал Торн. А вот Нейл знал о вторжении или предполагал, что оно будет. Перед смертью Ваш отец, Рональд, император, упрекнул Нейла в том, что тот ослабил границу, заменив пограничные отряды ветеранами-стариками.

Все замолчали, помимо измены императору, Торн сейчас объявил о том, что герцог изменил и стране, впуслав армию христианцев. Тем временем Торн продолжил.

— Всё было спланировано, после ухода южной армии, христианцы отрезали бы от нее Тьор, императора и его наследника. А затем, — Торн обвел всех взглядом, если бы император не умер, Нейл бы сам всех устранил без помех.

— Мы в ловушке, — нарушил общее молчание Лорет.

— По сути, да — поддержал его Хинтвелл, нам придется дать им бой, чтобы дать время жителям переправиться на другой берег. У Форта нет стен, за которыми можно было бы укрыться.

— Бой так бой! — громко воскликнул Рональд, — они пожалеют, что сюда пришли.

— Вернон, за сколько времени можно переправить людей, — спросил Торн.

— С вашими галерами, до заката успеем, — пожал плечами полковник.

— А фермер сказал, что христианцы будут до обеда. Что с катапультами?

— Я уже приказал собирать и пристреливать на берегу у гавани, — ответил Хинтвелл.

— У нас почти нет лучников, — воскликнул Рональд, но у нас есть катапульти. Тридцать катапульти. У нас нет стен, но мы поставим вокруг катапульти телеги. И мы посмотрим, как они смогут пройти.

— Хороший план, — одобрил Торн, — но пора бы подумать о людях, время идет.

— Хинтвелл, готовьте полки и ставьте телеги, пристреляйте катапульти. Вернон, организуйте эвакуацию, сначала мужчин, неизвестно, что на том берегу и на Вас набор добровольцев, — начал командовать Рональд.

Все же, что-то есть в нем есть от отца подумал Торн и вышел из палатки вслед за Рональдом. Все приступили к работе. Надо было отдать должное обоим полковникам, они были прирожденными организаторами. Работа кипела. Через два часа вернулись разведчики, которых выслали после приезда фермера. Они подтвердили, что на них идет армия от десяти до пятнадцати тысяч солдат, из них сотни три — четыре конницы. Еще через два часа на фоне ярко синего южного неба, и еще не успевшей обгореть до полной желтизны степной травы, появились столбы пыли. К этому времени первая часть жителей Южного Форта была перевезена на восточный берег плотами, лодками и галерами. Грузилась вторая часть жителей, третья и последняя расположилась у воды вокруг гавани. Дальше от берега стояли катапульти, вокруг которых суетилась прислуга, подвозили и раскладывали ядра. Третьей линией полукругом стояли все телеги, которые удалось собрать. Поскольку их не хватало, местами заткнули дыры, демонтировав в городе заборы и ограды. На телегах и за ними расположились воины двух полков. Один полк состоял из копейщиков, второй из легких меченосцев. Поэтому Рональд распорядился расставить вдоль линии обороны четверки. Один копейщик с меченосцем и к ним двух ополченцев с баграми и топорами. Около телег заранее разместили ведра с водой на случай зажигательных стрел. Гвардейцев Торн разделил на два отряда, под командованием Лорета и бледного, как смерть Дворака. Эти отряды должны были блокировать возможные прорывы линии обороны.

Рональд, Торн и оба полковника стояли на телеге прикрытые досками чьего-то забора. Они наблюдали за тем, как подходит и разворачивается на расстоянии полукилометра армия противника. Первыми они увидели конницу, алые кресты на голубом фоне.

— Граф Адлер, — прокомментировал Торн.

Отряд из двух сотен всадников разделился пополам. Первая часть, поднимая клубы летний пыли помчалась в город. Вторая, развернувшись цепью застыла напротив центра обороны Рональда. Над всадниками развивался стяг с орлом, гербом дома Адлеров. За всадниками стала подтягиваться пехота. В центре рассредоточивались копейщики в желтых пыльных плащах. За ними виднелись арбалетчики в зеленых камзолах. Торн опознал в солдатах императорскую армию Перекрестия. А вот на левый фланг выдвинулись меченосцы с голубыми крестами на белых щитах. Селлинги! На правом фланге тоже появилась тяжелая пехота, но никто не смог определить их принадлежность. Торн прикинул численность. Четыре тысячи копейщиков, по три тысячи меченосцев на флангах и две тысячи арбалетчиков. Двенадцать тысяч пехоты против, полутора тысяч солдат и тысячи городских ополченцев. Шанс только один, продержаться до темноты и уйти на другой берег. Победить было бы чудом. А вот и расступились всадники Адлера и в пыльном облаке, пышущие практически видимым жаром, появились кони и всадники, полностью закованные в металл. Цвет рыцарства Перекрестия, две сотни всадников. Вооруженные и закованные в броню с головы до ног или вернее копыт лошадей. Ударная мощь просто огромна, как огромны и

сильны кони, поднимающие помимо всадника полторы сотни килограммов брони. Вот воины остановились и вперед выехал рыцарь с поднятым забралом, в шлеме с белым плюмажем с простым белым щитом, на котором было простое черное перекрестие.

— Император Крестиандр, — снова прокомментировал Торн.

Но все это поняли и без него. Вождя противника мгновенно опознали все. Солдаты южной армии подались вперед, а ополченцы сильнее стиснули потными ладонями древки топоров, кос и багров. Из города прискакал гонец и что-то докладывал императору крестианцев. Очевидно объяснял, что город пустой и засады нет. Торн оглянулся на лодки со второй партией жителей, они уже отчалили в сторону восточного берега. Когда он снова повернулся к армии противника, то увидел, как Кресиандр опускает правую руку в железной перчатке и указывает в их сторону. Все войско крестианцев всколыхнулось волной звенящего железа и двинулось на них.

9. Йохан

Рыжий и совершенно бледный молодой человек в черном бархатном костюме с кружевным воротником стоял в нише стрельчатого окна большой каменной залы, обогреваемой одиноким камином, где и сейчас, летом, потрескивал огонь. Этот огонь согревал старые стены, увешенные гобеленами и почти столь же старую кровь императрицы Катильды.

— Йохан! Ты меня не слушаешь, — воскликнула старая императрица, сидящая в большом деревянном кресле, оббитом парчой. Ее голова со стянутыми на затылок седыми волосами качнулась, а морщинистое лицо приняло угрожающий вид.

— Ну что Вы, мама, — перевел на нее свои бесцветные глаза молодой человек, я весь во внимании. Но Вы опять расхваливаете моего братца, а это я слышал уже много раз.

— Твой брат, укрепляет наш престол, наше положение, — топнула ногой мать, как раз сейчас он борется с самым грозным нашим врагом, пока ты развлекаешься в своем замке...

Глаза молодого Йохана сузились.

— Мама, вы верите всяким сплетням обо мне. Что вы хотите? Отправить меня на войну?

— Нет, — императрица мать откинулась на спинку кресла, — я всего лишь хочу, чтобы ты перестал развлекаться и занялся государственными делами пока брат на войне.

— Ну, хорошо, хорошо. Раз Вы настаиваете, я встречу с Горбахом. А сейчас извините, но я еще намереваюсь поговорить с Богаром.

— Ступай, но будь с ним осторожнее, он себе на уме.

— Ах мама, я уже не маленький, не забывайте, — сказал герцог Йохан, выходя из залы.

— Герман, — окликнул Йохан Мясник, слугу, который ждал его за дверью, — лошади готовы? А то смотри, ты живо отправишься в мой подвал, — сказал герцог и заразительно и заливисто засмеялся, совершенно не к месту.

— Все, готово Ваше Высочество, — заверил его Герман побледнев, он прекрасно представлял себе подвал герцога, и понимал, что слова Йохана совсем не шутка, а констатация факта.

— Эта сучка Мариэта, женошка моего воинственного братца, опять меня проигнорировала, — пожаловался Герману Йохан, пока они шли по коридору. А у нее такая нежная кожа. И детей от меня прячет, — нахмурился герцог.

— Это она совершенно зря, — поддакнул слуга.

— Именно. Кстати ты разослал письма о награде за поимку Мос? Да. Молодец. Когда я ее поймаю и женюсь, то сразу сдеру с нее всю кожу. Хотя нет, не сразу. Сначала пушу пауков, чтобы выели ее дерзкие глаза. Не бойся, я шучу, Герман, — сказал герцог и снова заливисто засмеялся.

Они вышли в мощный крупным булыжником внутренний двор императорского замка в Хаубурге. Их ждали два оседланных коня и десяток всадников охраны. Йохан ловким движением вспорхнул в седло, ударил лошадь каблуками и кавалькада, распространяя по замку эхо перестука копыт, двинулась к воротам. Дорога предстояла долгая, в замок Розы к магистру Богару.

— А, ты Герман считаешь Богара себе на уме? — шутливо поинтересовался Йохан у слуги.

— Не знаю, что и ответить Ваше Высочество, не имею чести быть с ним знакомым, но наслышан, что умный и опасный человек.

— Да, опасный, — согласился герцог. Но только я еще опаснее. Вперед.

После продолжительного путешествия по северу страны, путники выехали к замку Розы. Поездка продлилась дольше, чем планировалась потому, что Йохан часто останавливался в трактирах требовал вино и девушек. Весть о его приближении опережала всадников и деревни на их пути пустели. Однако герцог был в хорошем расположении духа и его это забавляло. В противном случае, он мог бы устроить самую настоящую охоту за крестьянами.

Наконец показался замок, его серые камни были видны издалека. Он стоял на одиноком утесе, окруженном со всех сторон лесом. Построен замок был давно и уже несколько сотен лет служил пристанищем монахам ордена Розы, которые считались лучшими в мире воинами.

— Очень, странно — заметил Йохан, когда они въехали в лес.

— Что именно, — спросил Герман.

— Не вижу стражи или постов, мы на подъезде к замку, а по территории может гулять, кто хочет.

— Не думаю, что кто-то хочет здесь гулять или жить. Вокруг замка предпочитают не селиться. Разные слухи ходят, — сказал Герман и замолчал.

Далее они поднимались в тишине. Копыта коней взрыхлили черную землю тропы, усыпанную иголками сосен. Судя по всему, ездили здесь редко. Лес был не очень густой, но давил тяжестью влажных ветвей больших и древних деревьев. Воздух тоже пах влагой, солнце спряталось, а природа застыла в ожидании дождя. Умолкли птицы и насекомые, отряд продвигался в полной тишине пока не достиг ворот замка. Замок был сложен из серого неотесанного камня разной величины, деревянным воротам было, наверное, более ста лет. Вряд они бы выдержали штурм замка. Но замок Розы никто никогда не штурмовал, даже в прошлую войну. Во время вторжения в империю монахи просто не стали воевать, а пересидели лихие времена.

Странно, что братец не отомстил им, — подумал Йохан. Я бы выжег это гнездо предателей. Но зачем всё же магистр хочет со мной встретиться, — размышлял он. Это интригует.

Когда отряд достиг ворот, те неожиданно бесшумно распахнулись, хотя нигде не было заметно признаков жизни. Йохан и Герман посмотрели друг на друга, и христианский принц первым въехал в замок. За воротами была привычная арка, через которую можно было заливать сверху кипящей смолой атакующих. Далее располагался узкий двор. Значит стены замка были толще, чем казались снаружи. Внутри них были помещения. В арке гостей встретили два пеших рыцаря ордена. Их количество, как бы говорило о том, что они совершенно не боятся десятка вооруженных всадников и могут с ними справиться. Что возможно было правдой.

— Кто из вас герцог Йохан? — скорее для этикета спросил один из монахов. Идите со мной. Остальных разместит на отдых мой брат.

Йохан поехал за проводником по внутреннему двору, здесь уже было оживленно, в отличие от внешней территории. Перестуком молотов звучала замковая кузня, а из ее труб поднимался дымок. Несколько женщин разгружали телеги с овощами и очевидно относили их на кухню. Все они были беременны, к удивлению, отметил герцог. А монахи то не прочь пошалить, улыбнулся он про себя. Подумав, что хозяйева замка тоже имеют свои слабости,

его настроение сразу улучшилось. Он спрыгнул с коня и отдал поводья еще одной женщине. Сопровождающий монах знаком показал следовать за ним. Они вошли в башню и стали подниматься по очень темной и крутой винтовой лестнице. Йохану пришлось напрячься, чтобы не отстать от проводника и не споткнуться в сумраке. Когда они достигли верхней площадки герцог совсем запыхался, в то время как его провожатый в шлеме и полных доспехах был совершенно свеж и даже, казалось, вообще не дышал.

Монах постучал в дверь, и получив разрешение открыл ее, уступая Йохану дорогу. Герцог прошел и дверь за ним закрылась. Он очутился в просторной круглой комнате. Обстановка была проста. Каменные стены, деревянные пол и потолок. Каменный камин с облупившимися и уже не узнаваемыми гербами над ним. Около расширенной бойницы стоял простой деревянный стол с двумя лавками. В бойницу открывался прекрасный вид на лес, озеро за ним и крестьянские поля, разделенные на участки. На одной скамье сидел рыцарь в доспехах и глухом сером шлеме, как и у всех остальных монахов.

Интересно они, когда-нибудь снимают шлем, — подумал Йохан, и вообще, как они едят. Он никогда не видел монахов без шлемов, и сейчас подумал, что вообще никогда не видел их лиц. Сидящий монах жестом показал герцогу на противоположную от себя скамью, приглашая садиться.

— Прошу Вас, Ваше высочество, устраивайтесь. К сожалению, не могу Вам предложить мягких кресел, но мы монахи живем аскетично.

— Магистр Богар?! Что Вы хотели со мной обсудить? Зачем позвали меня. Я был недалеко и решил заехать, оставив свои дела.

— Я знаю о Ваших делах, — сказал магистр и герцог попытался уловить тон издевки, но не смог. И тем не менее Вы их оставили и приехали. Вы здесь. Значит Вам интересно.

— Не скрою интересно. А кому бы не было интересно. Таинственный орден Розы, овеянный легендами и сказками. Пристанище лучших бойцов со всего мира. Много ли людей посетило этот замок? Не надо отвечать. Никто, из тех кого я знаю. Итак, мне интересно. И я спрашиваю зачем я здесь?

— Вы здесь потому, что началась эпоха перемен.

— Не понял, — перебил герцог.

— Не торопитесь. Я сейчас всё объясню. Вы же образованный человек и знаете, что до нынешней эпохи, эпохи доминирования человеческих государств, была эпоха Древних. А до них была эпоха додревних, о которой мы ничего не знаем, кроме того, что она была. И если с древними мы воевали и загнали остатки их народа в лес, то от додревних остались лишь отдельные артефакты. Например, тот же императорский замок Тьора. Так вот мы считаем, что сейчас начинается еще одна, новая эпоха.

— Какая? Если следовать вашей логике, должна появиться раса Новых, — герцог улыбнулся, и уничтожить нас, людей. Кто же угрожает нам сейчас и причем здесь я?. Вы недоговариваете магистр.

— Мы не знаем еще кто это может быть. Мы лишь знаем, не спрашивайте откуда, о том, что начинаются перемены. Всё это приведет к кровопролитным войнам и неизвестно останутся ли люди на этой земле.

— Всё равно я Вас не понимаю, выразитесь яснее?

— Мы считаем, что есть силы, которые начали формироваться в нашем мире, возможно проникая в него извне.

— Извне? — снова перебил герцог. Что за чушь? Мы все знаем, что мир создан богом,

который пошел сразу в четыре стороны, творя землю и живых тварей и пожертвовав собой создал мир. Откуда извне, никакого извне нету.

— Мы предполагаем, — монах сделал паузу, — что есть преисподняя, и возможно сейчас открылись врата туда.

— Как это? — совсем растерялся Йохан.

— Как это, мы не знаем. Вы же не знаете, как можно пойти сразу на четыре стороны, но верите этому, — нетерпеливо возразил Богар. Есть неоспоримый факт, что мы, люди, и Древние не появились в одном мире. Это невозможно. Мы очень разные. Значит была какая-то граница, как между государствами, потом ее не стало. А сейчас она снова есть. И мы предполагаем, что с додревними тоже самое, иначе куда они делись. Может быть вокруг много границ. Мы сотни лет занимаемся вопросами познания окружающего мира, это делает нас мудрее и сильнее. И сейчас мы чувствуем присутствие в мире чужеродного. Что если одна из границ нарушена. Мы чувствуем присутствие центров неведомых сил. Мы ведем их поиски.

— Допустим, я поверю во весь этот бред. Но при чем здесь я и какие Ваши цели? — Йохан перевел разговор в плоскость реальности.

— Мы хотим взять эпоху изменения под контроль, при этом не только выжить, но и стать сильнее, за счет новых знаний — подумав ответил магистр. Но реализовать нам это должен помочь кто-то из сильных мира сего.

— Тогда Вы не по адресу, Вам нужен мой брат, император.

— Но Вас же тяготит Ваше положение и Ваш брат, — скорее утвердительно сказал, а не спросил Богар. Вы потенциальный властитель, а в мире так много случайностей, тем более Ваш брат на войне.

— Вы выступили на скользкую почву магистр.

— Я всего лишь предполагаю. Кроме того, если бы ваш брат не был на войне, может быть, я говорил бы с ним.

— Так что Вы хотите конкретно? — спросил герцог.

— Я хочу, чтобы Вы мне помогли с поисками очагов внешних сил, найти их завладеть и понять, что это такое.

— У меня нет таких возможностей, — отрезал Йохан.

— Они будут. Я уверен. И я не прошу просто так. Скоро, очень скоро Вам понадобится помощь нашего ордена. И я вам ее предоставлю. А в обмен Вы потом поможете мне достать то, что нужно мне.

Йохан, задумался и решил, что он ничего не теряет тем более, что сейчас ему была не нужна ничья помощь. Однако иметь в союзниках могущественного магистра могло пригодиться. Он не очень поверил в рассказы про границы мира. Скорее всего Богар, хочет меня запутать, чтобы я не понял, что он хочет в действительности, — подумал герцог. И я действительно этого не понимаю, признался он себе. Вот ведь хитрец, ничего я с тобой еще разберусь. Однако вслух Йохан сказал.

— Хорошо, магистр. Я готов буду сделать всё, что в моих силах и помочь в ваших поисках. В будущем.

— Договорились, — ответил магистр и герцогу почудилась насмешка в словах Боагара, однако не видя лицо было сложно понять подтекст. Вы сегодня отдохнете, — продолжил магистр, а завтра получите почтовую птицу. Когда Вам потребуется моя помощь, просто отпустите ее и мы придем к Вам. А сейчас прошу извинить меня, я задерживаюсь на

молитву, — сказал магистр, вставая.

На следующий день, выехав из замка Розы, Йохан был мрачнее тучи. Он понимал, что его хотят использовать, но зачем не понимал. А значит он не понимал ценность сделки, которую сейчас заключил. Его настроение не улучшила пирушка на ночлеге в трактире. И на следующее утро он остановил коня прямо на дороге и первый раз за день обратился к Герману.

— Ты видел у фермы, которую мы проехали полчаса назад, крестьянку с рыжими волосами, как у меня, — спросил герцог. Нет? А я видел! Возьми двух человек и привези ее ко мне. Я хочу забрать на память ее роскошные волосы.

— Но... — попытался что-то сказать Герман.

Езжай и привези, — взвизгнул герцог, доставая нож. Иначе я сниму скальп с тебя.

10. Карел

Они шли всю ночь, а под утро остановились на разграбленном хуторе. Все устали и выбились из сил. Стражу, конечно, никто не догадался поставить, и если бы в этот момент на них напали селлинги, то вырезали бы всех спящими. Спали вповалку, кто в доме, а кто прямо на улице, прижавшись друг к другу, благо было уже почти лето. Просыпаться стали к полудню.

Карел, проснувшись, пошел к колодцу, умылся и напился. Еды не было. Похоже придется к этому привыкать, — подумал он и отправился искать Бьонни. Он нашел друга еще спящим, прямо в поле, в обнимку с двумя девицами. С ними из города вышел целый табор, который вместо еды запасся вином и пивом. Бьонни зашевелился и открыл глаза.

— Привет, — сказал ему Карел. Как спалось?

— Хорошо, — ответил Бьонни, вставая и отцепляясь от девушек, те тоже стали просыпаться.

— Что будем, делать? — спросил Карел. Пойдем ко мне домой, может?

— Куда?

— В Даргвилл, у меня нет другого дома.

— Нет, — заявил Бьонни хмуро. Мы пойдем дальше, расправимся с селлингами.

— Но, послушай, надо подождать армию. Это их дело.

— Зачем, ты видел, вчера мы сами справились, без армии, — ответил Бьонни, проснувшиеся девушки восторженно смотрели на героя вчерашней ночи.

— Дружище, там было двадцать воинов, а дальше их будет тысяча. Мы не сможем с ними справиться.

— Сможем, потому что правда на нашей стороне, — сказал Бьонни и пошел умываться.

Карел только вздохнул и проводил взглядом девушек, хвостом увязавшихся за его приятелем. К обеду проснулись уже все, и поскольку еды не было, решили долго не задерживаться и идти дальше по следам селлингов. Нестройной толпой молодежь вышла на дорогу и потянулась дальше, распевая песни и смеясь. Карелу ничего не оставалось, как идти с ними, чтобы присмотреть за своим потерявшим голову другом.

Через четыре дня они подошли к пересечению северного тракта и центрального. За четыре дня их количество поубавилось вдвое, часть народа отстало. Но Бьонни и его новые друзья были настроены решительно. Их подвиги в Даргвилле уже раздулись до невероятных размеров, а настроение было шапкозакидательским. Масла в огонь подливали две подружки Бьонни не сводивших с него широко открытых глаз с длинными ресницами. Карел предположил, что ранее у Бьонни не было девушки.

Им повезло. Они первыми встретили не селлигов, а пехотный полк центральной армии, который шел из Новгорода разобраться с селлингами. Полковника шокировала толпа в полтысячи человек, из которых треть была женского пола. Но все его попытки отправить молодежь домой не увенчались успехом. А тут еще наконец нашлись селлинги, которые разбили лагерь на расстоянии трех километров.

Студенты тут же загорелись напасть. С солдатами они почувствовали себя просто непобедимыми. Но полковник заявил, что будет ждать подкрепления с севера. Должна была подойти сама Амелара, чтобы перекрыть пути отступления селлингам.

Так они просидели еще два дня. Солдаты привезли с собой обоз провианта и накормили

изголодавшуюся молодежь. Часть девушек из лагеря студентов переселилась в солдатский лагерь. Настроение было патриотическое, поэтому полковник на всё зарыл глаза.

На третий день наступила расплата. Селлинги проведали, что рядом появились тьорцы и решили не выжидать. Разведчики вовремя предупредили и солдаты со студентами отошли к ближайшему холму, чтобы занять более выгодную позицию. Амелару ожидали с часу на час.

Ангезмунд вывел из леса в поле своих меченосцев. Он уже успел заскучать после такого энергичного начала компании. На холме он увидел тьорцев. Один полк пехоты, пятьсот мечей и толпа оборванцев, которая вообще ничего не стоит. Хорошее соотношение, два к одному в его пользу. Он отдал приказ, и его воины сами привычно выстроились клином, впереди Ангезмунд с тяжеловооруженными воинами, арбалетчики на флангах. Селлинги легким бегом двинулись вперед.

Карел, отдал должное полковнику, тот поставил студентов справа от себя, то есть между лесом откуда появились селлинги и молодежью стоял его полк. Селлинги появились из леса, мгновенно перестроились и побежали вперед. Выглядело это очень внушительно и грозно. Но, наверное, так оказалось только Карелу. Студенты, поняв, что могут пропустить вечеринку, нестройной толпой кинулись вперед сквозь строй солдат, приготовившихся встретить клин неприятеля щитами. Бьонни бежал одним из первых, размахивая дубинкой в праведном гневе, девушки без оружия бежали за ним в десяти шагах. Идиоты, подумал Карел, и обнажая меч, кинулся за ними. Что подумал полковник неизвестно, но ему пришлось оставить хорошую позицию и двинуться за студентами в атаку. Ангезмунд же обрадовался, увидев, что для начала можно размяться.

Селлинги прошли через студентов, как сквозь воду, лишь слегка замедлившись, в стороны полетели окровавленные тела. У них даже не сбился ритм бега. Карел потерял Бьонни из вида. Он отбил удар одного селлинга, увернулся от другого, попытался ударить третьего. И, всё, они пробежали мимо! Он обернулся и увидел, как клин ударил в строй солдат, на мгновение задержался, словно, пружина, накапливая энергию, а затем прорвал строй. Солдаты рассыпались, и волна селлингов накрыла их. Карел побежал на помощь.

Вдруг раздался громкий звук рога и из леса, откуда пришли селлинги, показалась еще одна колонна, в зеленных мундирах с красными плюмажами. Гвардия Амелары. Карел оценил их в семь или восемь хорошо вооруженных сотен.

Карела, снова поразили селлинги эти убийцы и насильники среагировали мгновенно. Они бросили добивать солдат и за минуту построились в карэ. Солдаты и гвардейцы Амелары, среди которых был Карел и еще несколько студентов окружили селлингов. Но прорвать их плотный строй никак не могли, казалось это не люди, а монолит, ошестинившейся стальной смертью. Ситуация складывалась патовая, когда неожиданно тьорцам пришла помощь. Нарастающий гул превратился в тяжелый кавалерийский полк, во главе которого был всадник в золотых доспехах. Пятьсот копий, и одетые в броню кони. Также, как ранее селлинги, всадники построились клином. Пехота расступилась, и кавалерия смяла селлингов. Минуту назад, казавшиеся несокрушимыми воины побежали к лесу. Кавалерия преследовала их, убивая одного за другим.

Но Карел уже не смотрел на эту бойню, а искал Бьонни. Он нашел своего друга на траве, голова его была рассечена надвое ударом меча. Карел лишь надеялся, что его друг умер быстро. Недалеко от Бьонни лежали и его две подруги смотря в небо широко открытыми глазами с длинными ресницами. Карел встал, отвернулся и пошел к солдатам вытирая слезы.

Наверху кипела работа. Всадники вернулись и привели с десятков пленников, всех кто

остался от славного отряда, высадившегося не так давно в Улесье. Солдаты сходили в деревню, принесли доски и теперь сколачивали висельницы. Одним из захваченных, был Ангезмунд, глаза его заплыли от синяков, одна нога была сломана из нее торчала кость, бок был разодран копьем. Ничто не напоминало в нем великого воина.

Карел, опустился на траву и сел смотреть, что будет дальше. От студентов осталось едва ли половина, все были мрачные, многие ранены. Теперь они навсегда поймут, что такое война, — подумал Карел. Недалеко от него остановились два всадника, командир кавалерии в золотых доспехах и изящная дама с черными волосами и огромными черными глазами на точеном лице. Карел уже знал, что это были сам герцог Нейл и его сестра Амелара.

— Вовремя, ты братец, — мелодичным голосом сказала герцогиня.

— Спешил, к тебе навстречу, дорогая.

— Мы давно не виделись, ты стал лучше выглядеть, — сказала она вопросительно.

— Ты тоже выглядишь отлично, — ответил Нейл, они посмотрели друг на друга и рассмеялись чему — то непонятному для Карела.

— Значит, ты теперь император, — спросила она, Карел удивленно напряг слух.

— Да, и я был бы рад видеть тебя при дворе.

— Ну нет, ты же знаешь мне там будет скучно. А он?

— Что он? Он сам умер. При моем дворе тебе скучно не будет.

— Я подумаю, — ответила, герцогиня, улыбнулась и провела ладонью в перчатке по лицу герцога совсем не как сестра.

Карел сидел и смотрел с разинутым ртом. Тут Нейла позвали, и он поехал в сторону виселиц. А герцогиня перевела взгляд прямо на Карела.

— Ты подслушивал, — нахмурилась она.

Карел промолчал.

— А ты красавчик, — продолжила она уже другим, сладким тоном. И спросила, — как тебя зовут?

— Карел, — ответил он.

— До встречи Карел, — улыбнулась герцогиня и поехала прочь.

Ошарашенный Карел так и остался сидеть.

К вечеру следующего дня они похоронили всех павших. Селленгов просто сожгли на костре. Студенты мрачные и не разговорчивые, не в пример походу до битвы, стали собираться назад в Даргвилл. Полчаса назад пехота и конница центральной армии под командой Нейла, прошла мимо раскачивающихся на веревках разбойников Ангезмунда и направилась в Новгород или Тьор. Гвардия Амелары ушла еще с утра, не дожидаясь казни.

Карел медленно шел за всеми студентами также не разговаривая. Хорт, Бьонни, он потерял друзей. Особенно ему было обидно за Бьонни, который совсем не успел пожить. Бесхитростный и иногда наивный, такие и гибнут первыми, думал Карел. Почему люди так себя ведут, почему не могут обойтись без насилия. Казалось бы, им дан разум и язык, чтобы договариваться друг с другом, а иногда ведут себя хуже зверей.

Его размышления прервал топот копыт. Их догоняли два всадника гражданского вида, без оружия. Когда они поравнялись с ним, один из них спросил, не знает ли он Карела.

— Это я, — ответил он.

— Хорошо, — сказал второй за его спиной.

На голову Карела накинули мешок, и свет померк в его глазах.

11. Торн

Наверное, они никогда не сталкивались с телегами, хорошая задумка Рональда, — подумал Торн. Лавина конницы уперлась в баррикады и тут катапульти дали залп. Звук был очень необычный, когда энергию каменных ядер гасили тела в железных доспехах. За пару минут в кавалерии противника появилось несколько просек. Начался хаос, всадники давили собственных упавших товарищей. Прозвучал рог, призывающий к отступлению. Первая атака христианцев захлебнулась очень быстро. Защитники Форта не потеряли ни одного человека. А перед баррикадами валялись и корчились несколько десятков воинов перекрестия и их лошадей.

Но вот снова призывно звучит рог. Наученный опытом противник, теперь послал пехоту. Первым рядом, прикрывшись щитами шла стена копейщиков за ними арбалетчики, затем меченосцы. Торн подумал, что Кресиандр мог быть посообразительнее. Он опять выстроил солдат очень плотно. И вот со свистом навстречу наступающим понеслись каменные ядра. Бум. Бум. Они врезались в строй, выбивая сразу по несколько солдат, как кегли. Но вдруг копейщики опустили на колени.

— Ложись, закричал кто-то.

Поздно. Неожиданный арбалетный залп застал врасплох защитников Форта, которые разглядывали поле боя, как представление. Рядом с Торном захрипев упал мечник со стрелой в горле. Капитан быстро прикрывшись щитом и почувствовал два мощных удара в него. Третий пробил щит, но арбалетный болт застрял в нем. Рядом молча упал ополченец, так и не выпустив топор из рук, стрела торчала из глазницы. Торн снова повернулся к полю боя. Под прикрытием арбалетчиков, копейщики пробежали достаточно много, и, хотя катапульти снова собрали свою жатву, остановить пехоту не удалось. А в отличие от конницы, стрелять по низкой пехоте уже было нельзя, можно было задеть своих на телегах.

И вот христианские копейщики, подбежав к телегам были встречены копьями защитников. Сверху было удобнее разить копьями. Однако арбалетчики не давали поднять головы. Тогда Рональд распорядился, чтобы ополченцы с баграми, топорами и ножами залезли под телеги и целились нападающим в ноги. Это переломило ситуацию. Следить одновременно и за ногами, и за верхним уровнем копейщики не смогли. Они побежали, увлекая за собой арбалетчиков и мечников. Защитники, с радостными криками устремились в погоню, но Рональд всех остановил окриками. Молодец, правильно — подумал Торн, они бы увязли на поле и христианцы быстро перебили бы всех, имея такое численное преимущество.

Снова заработали катапульти выбивая прорехи среди бегущих. Торн оглянулся. Лодок не было видно, значит они уже на другом берегу и скоро поплывут назад.

Христианцы не пошли сразу в новую, атаку. Остались зализывать раны. У них собрался совет и часть конницы ускакала в город. А затем туда ушло пара тысяч пехотинцев.

Рональд тоже собрал совет.

— Все молодцы сказал он. Мы потеряли меньше двух сотен людей. А они в два раза больше. Но главное мы держимся. Нужно так и продолжать.

— Есть проблема, сказал Вернон. У нас осталось ядер для катапульти, только на одну атаку.

Тут вновь протяжно зазвучал рог неприятеля, сигнализирующий, что начинается новая

атака. Все побежали на свои места.

Торн забрался на телегу и увидел, что теперь христианцы не идут плотным строем и катапульти уже не наносят такого ущерба как раньше. Вперед пошли меченосцы христианцев, которые тащили лестницы и настилы, их опять прикрывали арбалетчики.

Атакующие достаточно бодро добежали до телег и полезли наверх по настилам. Началась самая настоящая рукопашная. Торн поднял щит, который снова принял на себя две стрелы. Появилась трещина прямо по центру щита. Затем он косым движением снес голову противнику, взбирающемуся на телегу. И увидел, как копейщик рядом сбил еще одного противника. Тут он успел оглядеться и с удивлением понял, что практически везде противник вошел в рукопашную схватку на баррикадах, а вокруг него все ополченцы уже убиты. А потом просто перестал думать. Не успевал. Налево удар. Спереди противник, блокировал щитом. Щит разлетелся. Отбросил в сторону. Ударил противника в живот, пробил доспех. Выдернул меч, одновременно увернулся от удара справа. Меченосца селлинга проткнул копейщик, но копьё вынуть не успел и два новых селлинга, взгромоздившиеся на телегу изрубили его в куски. Торн остался один из четверки и ринулся вперед. Ткнул острием меча в лицо первому селлингу, тот отшатнулся и упал назад с телеги, пригнулся и круговым движением подрубил ногу второму, а затем пнув его, тоже отправил вниз. Арбалетный болт по касательной ударил его в голову и сбил шлем. На телегу снова залезли сразу два противника. Но тут один из них получил стрелу в горло, а на другого накинута гвардеец.

Это вступил в бой резерв. Гвардейцы и катапультиеры. Свежие силы переломили ход схватки и выбили христианцев с баррикад. Те отошли, но уже не бегом. Арбалетчики, видя, что катапульти замолчали, далеко отходить не стали. Вступили в перестрелку с лучниками гвардейцев.

Лодки погрузили последних жителей и уплыли. Теперь на западном остались только солдаты. Рональд собрал снова совет. Хинтвелл, Вернон, Лорет.

— Где Дворак, — спросил Торн.

— Убит, — ответил Вернон. Мы потеряли больше половины. Ополченцы погибли почти все. Маловероятно, что мы еще одну атаку отобьем. Нас мало, — он вздохнул.

— У нас нет выбора, сказал Рональд, он был без шлема, на лице была маска смеси пота, пыли и крови. Остальные выглядели не лучше.

— Надо драться, пока не придут галеры, — продолжил Рональд, других вариантов просто нет.

Торн, кивнул и пошел выпить воды и умыться. Но тут снова прозвучал рог. Он кинулся на баррикаду.

На этот раз опять шла цепь копейщиков, за ними арбалетчики и меченосцы. Ядер не было и остановить атаку было уже не кому. Враги достаточно легко забрались на баррикады и опять началась свалка.

У Торна рука уже не поднималась, он убил или ранил троих. Но его тоже ткнул в бок копейщик, кольчугу не пробил. Но теперь при каждом движении была боль. Возможно, сломаны ребра, — подумал капитан.

Через какое-то время он понял, то их выбили с баррикад. Защитники Форта медленно отступали к воде. Торн увидел, как Хинтвелл последним покинул баррикаду прикрывая своих солдат. Он спрыгнул и побежал их догонять. На баррикаду влезли сразу несколько арбалетчиков. Они прицелились. Залп. Хинтвелла подбросило в воздух, и через секунду он

уже упал, из спины торчало три болта.

Но Торну самому уже было не до него, капитан с гвардейцами отбивался от наступающих копейщиков. Те выстроились щит к щиту и теснили их к воде. Он отрубил одному наконецник копья, и хотел зарубить копейщика, но был уже не так быстр и христианин отбросил Торна ударом щита. Торн упал на спину. Сразу сел и увидел, как его обидчика зарубил Лорет. Лейтенанту это стоило жизни, тут же сразу два христианина подняли его на копья, и уже поникшего, как тряпку перебросили через строй.

Торн поднялся, подобрал меч и попятился. Христианцы перегруппировались. Казалось их бесчисленное количество. Они заполнили всё пространство, от баррикад до канала. Кишели как муравьи. Между ними и водой оставался только полукруг из пары сотен грязных и окровавленных защитников. А галер всё еще не было. Торн, слышал, как Рональд подбадривает людей, предлагая взять с собой на тот свет как можно больше врагов. Но им уже овладевало безразличие. Голова была тяжелая, в ушах гудело. Сил не было. Пальцы с трудом держали меч.

Копейщики врага сомкнулись в круг. Тьорцы встали плечом к плечу, потом залп арбалетчиков положил сразу треть защитников. Копья двинулись вперед. Торн вспомнил своих родителей, которых он потерял в детстве и приготовился умереть.

Тут прозвучал рог, смысл которого уставший капитан сначала не воспринял. Но христианцы развернулись и стали отступать. Торн посмотрел на Рональда, вся одежда которого была изодрана, из разреза на лбу текла кровь, из бедра торчала стрела. Рональд встретился взглядом с капитаном своей гвардии и пожал плечами, как бы говоря, сам ничего не понимаю.

Их осталось меньше ста, а из гвардейцев, что привели они из Тьора полтора десятка и все были ранены. Вокруг вповалку лежали трупы, раненые, части тел, отрубленные руки, ноги всё заливала кровь.

Рональд стоял над Верноном, у того был вспорот живот и внутренности лежали рядом. Но он был жив и в сознании, его серые глаза с мольбой смотрели на принца, слезы катились по лицу. Рональд ударил полковника мечом точно в сердце и прекратил страдания. Торн отвернулся. Стоит ли любая власть всего этого, — подумалось ему.

На горизонте появились галеры. Но нужно было понять, что случилось. Торн, Рональд и все остальные, кто мог ходить снова полезли на баррикады, чтобы понять почему им оставили жизнь.

На поле, на расстоянии полета стрелы выстраивалось войско христианцев. Копейщики, за ними арбалетчики, на флангах меченосцы и кавалерия. Не такой уж сильный урон нанесли они христианцам, — мелькнуло в голове Торна. Но самое удивительное было в том, что христианцы выстраивались спиной к ним. Торн перевел взгляд дальше в степь. На фоне кровавого заката, еще дальше от их баррикад, красным цветом отсвечивало море стали кавалерийских полков центральной армии Тьора.

12. Колле

Когда гвардейцы под прицелом лука поставили их с Хансом к стене, Колле стал судорожно вспоминать за какие такие старые делишки его могли схватить. А судя по взгляду, который бросил на него Ханс, у христианина мелькнула похожая мысль. У них отобрали оружие и развернули лицом.

— Так, так, — вышел вперед офицер. Кто тут у нас?! Шпионы короля! Ну что же мы вас ждали с нетерпением и гостеприимно построили вам виселицы на площади.

— Послушайте генерал, — выдохнул с облегчением Колле, когда понял в чем дело. Мы не королевские шпионы, мы шли записываться в армию к великому Робенду.

— Да, да, — перебил его офицер, — все вы поете одну и ту же песню.

— Но не я, меня зовут Колле, я сын жестянщика с восточного рынка. А это христианин. Разве мы можем быть королевскими шпионами.

— Я слышал про Колле сына жестянщика, — сказал один из солдат.

— Ну хорошо, хорошо, — недовольно ответил офицер. Вот ты тогда и проводишь их до штаба и проследишь, чтобы они не создали проблем.

Им отдали оружие и солдат повел их в штаб записываться в гвардию. На площади мощеной камнем они увидели помост, уставленный свежесрубленными виселицами. На двух из них болтались люди. Очевидно, никто не смог подтвердить, что они не королевские шпионы. Ханс перекрестился. Штаб представлял собой особняк какого-то сбежавшего барона, с изящными колоннами и художественной решеткой. Внутри был розовый сад, уже изрядно вытоптаный солдатами, которых было достаточно много. Они ходили туда-сюда по каким-то делам, спали по углам, а в главной гостиной среди скульптур обнаженных девушек варили обед.

Старый, однорукий солдат, старательно слюнявя грифель записал их в отряд лейтенанта Короже и выдал красные плащи гвардейцев, а также красные, деревянные щиты с синей полосой, символизирующей свободное небо.

— Вашего отряда нет, сегодня он дежурит на стенах, вы можете подождать его здесь и поесть, если голодны, — однорукий кивнул на котел в гостиной.

— Спасибо, старина, — поблагодарил его Колле.

Друзья надели красные плащи, чтобы не привлекать внимание и вышли. Архив был через одно здание на площади, в сторону королевского дворца. Когда они подошли к нему, то оказалось, что резная деревянная дверь закрыта. Но Колле достал нож и через минуту контрабандисты попали внутрь. Колле нашарил лампу на столе привратника и зажег ее.

Из гостиной они прошли в большой зал уставленный длинными рядами полок с книгами и свитками.

— И как мы найдем здесь то, что нам нужно? — спросил Ханс.

— А что вам нужно? — неожиданно раздался сзади из темноты голос от которого друзья подпрыгнули, а Колле чуть не выронил фонарь.

В круг света вошел маленький сгорбленный старичок. Он подошел поближе и близоруко щурясь осмотрел друзей.

— Национальная гвардия, пришли взять бумаги для растопки котла, — язвительно заявил он.

— Да, то есть нет, — ответил Колле. Да мы сейчас гвардейцы, но нам нужно всего лишь

узнать кое-что из этих книг, и мы уйдем.

— Знание, это хорошо, это самое главное, — сказал старик. Значит сразу уйдете?! Так что же вы хотите узнать?

— Мы хотим узнать кому принадлежит герб — дерево с зеленой листвой и коричневые ливреи с зелеными полосами.

— О это просто, — заявил старик смотритель. Идите за мной. Он подошел к одной из полок и достал большой фолиант, который положил на стол и открыл. Ханс и Колле склонились над ним.

— Так, — смотритель стал листать книгу. Деревья. Вот ага. Гербы включающее растения. Так, так. Какие цвета там. Коричневый и зеленый. Ага. Вот.

Старик повернул книгу друзьям, которые смотрели в нее и молчали. Смотритель издал смешок.

— Вы не умеете читать? Как же хотели узнать про герб? — удивился он.

— Ну, — стыдливо протянул Колле, мы забрали бы книгу с картинками гербов с собой.

— Это барон Безер, один из двенадцати баронов Запада.

— Я знаю, где это, — воскликнул Колле. Пошли Ханс. Спасибо, тебе, старик.

Через несколько минут, на выходе с площади, Колле и Ханс были снова остановлены тем же офицером.

— Куда же вы, уже покидаете нас?

— Мы записаны к лейтенанту Короже, идем к нему на стену, чтобы приступить к службе, — заявил Колле, и солдаты расступились, пропустив их.

Контрабандисты попрощались и рассчитались с Эдваром. Оставили плащи и щиты, сели на лошадей и через некоторое время выехали через западные ворота, охраняемые отрядом Короже.

По дороге Колле рассказал крестянку, что двенадцать баронов, это бароны побережья от Аквила до Свободной Республики. И самое северное баронство, через которое как раз и проходит дорога в Свободную Республику принадлежит Безеру.

— Я даже видел когда-то в Леранце этого мерзавца, — говорил Колле. Но герб не запомнил. Зачем было бы мне запоминать его герб. Да, у всех этих баронов примерно равные земли, как-будто специально кто-то нарезал. Нет, почему так я не знаю. Кто-то, возможно, знает. Я не слышал этой истории.

Когда они приблизились к землям барона, то начали обсуждать план действий. Колле рассказал, что на дороге в Свободную Республику всегда существует поток моряков и наемников. Поэтому он предложил поселиться в ближайшем к замку Безера постоялом дворе и выдать себя за наемников, которые ждут товарищей. Друзья даже в мыслях не допускали, что Мос умерла. Они решили действовать до конца, чтобы спасти ее.

Как и было запланировано контрабандисты поселились на постоялом дворе, и никто не стал задавать вопросов. Посидев день в трактире, чтобы не привлекать внимание, они на следующий день выехали на разведку в сторону замка барона.

Жилище этого феодала представляло собой прямоугольное двухэтажное здание, сложенное из серого камня. Окна верхнего этажа были построены как бойницы, окна нижнего были забраны железными решетками. Здание венчала треугольная черепичная крыша, черепица местами отвалилась. Перед домом раскинулась большая лужайка в окружении деревьев. К входу в замок вела дорога, вдоль которой росли зеленые кусты. Кусты были подстрижены. Левее замка виднелись несколько хозяйственных пристроек. Туда и

направились друзья, чтобы расспросить прислугу.

От колодца в сторону пристроек шла босая в грязном платке и платье крестьянка. Шла, сгорбившись под коромыслом с двумя огромными ведрами воды. Всадники быстро ее догнали.

— Пойдите, пожалуйста, — обратился к ней Колле, не подскажите доме ли нынче барон?

Крестьянка, посмотрела на друзей, что-то замычала и с грохотом уронила ведра. Колле и Ханс переглянулись. А потом когда пришло узнавание, соскочили с лошадей и бросились в объятья Мос. Девушка одновременно смеялась от радости и плакала. Слезы радости текли по грязному лицу, покрытому ссадинами и синяками. Когда она улыбнулась, Колле увидел, что у нее выбиты несколько верхних зубов.

Друзья отвели никак не успокаивающуюся девушку в сторону от дороги. Ханс взял ведра и сходил за водой. Они умыли ее и завернули в плащ Ханса, ее платье было вонючей и драной тряпкой, которую просто выбросили. Когда девушка переодевалась, уже не смущаясь друзей, они отметили кровавые полосы кнута на ее исхудавшей спине.

— Я убью его, — сказал Колле.

— Нет, мы сначала поедим с Мос за ее одеждой и лошадь в трактир, а потом бароном займусь я, — непреклонно возразил Ханс, заряжая арбалет.

Они вернулись в трактир, где девушка одела свою одежду и прицепила на бок шпагу. По дороге она рассказала незамысловатую историю своего плена. Ее схватили, когда она плескалась на другом берегу озера. Отряд барона возвращался с юга в замок, сначала она пыталась отбиваться, но барон не стеснялся в применении силы. В замке жили несколько девушек, как она, но все простолюдинки, с которыми она не смогла найти общего языка и которые тоже периодически ее колотили, вымещая на ней свою боль. Рассказывая об этом, она постоянно плакала.

Колле и Мос спрятались в придорожных кустах с лошадь Ханса, а Ханс взял. на плечо арбалет пошел к роще, которая окружала замок барона. От Мос он знал, что скоро начнется обед барона, а обедал он на улице. Хорошо бы не хватились Мос, — думал Ханс направляясь к деревьям. Он осторожно подошел к крайнему дереву, из-за которого открывался вид на лужайку перед входом в замок. Всё было спокойно. Ханс залег за дерево и стал ждать. Через полчаса показались слуги и крестьяне, они стали оживленно ходить по лужайке, притащили стол и стулья. Затем повара стали носить и расставлять еду. Ханс лежал и наблюдал. Вот появились солдаты, четверо. Они прошли по лужайке, оглядели всё внимательно. И стали поодаль от стола, между столом и Хансом, спиной к нему и лицом к входу. Дураки, — подумал христианин. Затем наконец появился барон с женой и выводком детей. Барон был высок и благообразен, недостаток волос на голове он компенсировал пышной, но короткой бородой во все стороны. Белый кафтан прикрывал легкую припухлость живота, рядом с ним в сером платье шла дородная матрона с пятью подбородками на жирном красном лице, затененном нелепого вида чепцом. Следом шли три мальчика от десяти до четырех лет и девочка лет пяти или шести. Барон был плодовит. Он подошел к торцу стола и слуга подвину ему кресло. После чего барон сделал знак, сели все остальные и двое слуг занялись наполнением тарелок знатного семейства.

Ханс хорошо видел барона, но было очень далеко даже для его арбалета, поэтому он был вынужден поползти вперед. Медленно и осторожно. Когда он решил, что достаточно, подул ветер. Христианин выругался про себя. На таком расстоянии он не мог рассчитать поправку

по ветру, для точного выстрела. А выстрел будет только один, он это понимал. Как и понимал то, что стоит кому посмотреть сейчас в поле и он как на ладони. Но всё внимание прислуги и солдат было приковано к столу. У контрабандиста сначала мелькнула мысль, что негоже убивать даже негодяя на виду ее детей. Но он вспомнил Мос и других девушек и отбросил сомнения. Он лежал, спокойно прицелившись и терпеливо ждал, как на охоте. И вот ветер резко пропал. Щелчок. Арбалетный болт в глазу барона. Он повалился на спину вместе со стулом. Сначала никто не понял, что произошло, все кинулись к хозяину. Но вот раздался дикий женский вой. Ханс обернулся, он уже практически дошел до деревьев. То, что он увидел, ему не понравилось. За ним никто не погнался. Два солдата наблюдали за ним, а два бежали к пристройке. По описанию герцогини крестянец знал, что там конюшня и казарма.

Ханс садился в седло, когда они увидели погоню, около двадцати всадников. А выскочили преследователи не с той стороны, с которой их ожидали друзья.

— Дьявол, — выругался Колле, — они нам перекрыли дорогу в Лерану. Разворачиваемся и уходим в Республику.

Друзья быстро развернулись и три всадника понеслись в сторону Свободной Республики, за ними на расстоянии около трехсот метров погоня. Через несколько минут кустарник и деревья кончились, лошади вынесли беглецов на каменистый берег. Они увидели океан, разбивающий свою лазурную мощь ярко белыми брызгами о берег и стену Свободного города. Свежесть, ветром, резко ударила в лицо.

Город Свободная Республика или просто Республика был расположен на каменистой отмели, уходящей в океан и ограничен удобной бухтой с другой стороны. Это был миниатюрный полуостров, соединенный с континентом небольшим перешейком, который сейчас перекрывала стена. Именно благодаря этому удобству обороны и был обязан возникновением этот уникальный город. Во время прибрежных войн Лераны и Глондара, которые длились без малого двести лет, с большей или меньшей активностью, на отмели разбили лагерь наемники. Эти солдаты удачи продавали мечи то одной то другой стороне, которая в определенный момент времени была богаче. Поскольку у наемников всегда водились деньги, к ним начали прибывать купцы. Удобная бухта и расположение на морском пути из Лоттленда в Глондар предрешили образование города, который не подчинялся королям Лераны и Глондара. Кроме того, он был удобен для проведения коммерческих сделок во время войн и конфликтов, случающихся с постоянством на этих землях. Сейчас это был богатый город, управляемый верховным советом вождей. Вождями были богатые купцы и командиры отрядов наемников, которых город поставлял всем в большом количестве. Бойцы города ценились, это были свободные люди, сделавшие войну своей профессией и тренировавшиеся с малолетства.

И вот, по каменистой дороге перешейка, между океаном и бухтой, мчались верхом три беглеца. А за ними, постепенно нагоняя, отряд из двух десятков солдат уже покойного барона Безера, в коричневых плащах с зеленой окантовкой. Колле обернулся и прикинув оставшееся расстояние понял, что их должны нагнать у самых ворот. Он беспокойно посмотрел на лошадь Ханса, она была уже в мыле и могла пасть в любой момент, Ханс отставал. Через некоторое время, когда они уже приблизились к воротам, Колле услышал крики — их заметили. До ворот оставалось метров сто, он оглянулся, и до погони столько же. Ворота стали открываться. Мос скакала чуть впереди, Ханс сбоку, Колле вздохнул с облегчением. Они успевали. Но тут пала лошадь Ханса и тот полетел кувыркком на землю.

13. Карел

Голова жутко болела. Рука нащупала на затылке большую шишку сквозь ткань. Ткань?! Рука сорвала мешок с головы. Тусклый свет падал на каменные стены. Где я, — подумал Карел. Он сел и огляделся. Свет проникал из-за решетки от факела закрепленного на противоположной каменной стене. Карел оглянулся, вокруг него были три каменных стены, четвертой нет — решетка. В углу кровать, стол и два стула, но сидел он на холодном каменном полу. Оружие исчезло, как и все остальное, он был абсолютно гол. Карел снова потрогал шишку, больно, невольно издал стон.

— Очнулся, — раздался шепот.

Карел подумал, что это шумит в голове, но голос продолжил говорить, хотя и не понятно откуда.

— Добро пожаловать в подземелья Ставра, — голос хихикнул. Тебя опоили или как обычно по голове?

— Кто ты? — спросил Карел.

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос, — голос опять хихикнул.

Карел покрутил головой и напряг слух, чтобы понять откуда же говорит голос. Но так и не смог определиться. Может это я брежу, — подумал он, и мне кажется и тюрьма и голос. Хотя холод под задом совершенно реальный, он встал на ноги.

— Думаешь, ты сошел с ума? Не можешь понять, что происходит? — словно подслушал его мысли голос. Напрасно, сойти с ума у тебя еще будет время, — голос опять захихикал.

— Где ты?

— Я тут, рядом с тобой.

— Где? — Карелу начало казаться, что голос идет от стены противоположной решетке.

— Ты в гостевой камере, а я постоянной, — голос снова захихикал.

— Что всё это значит где я и почему, кто ты?

— Слишком много вопросов красавчик, но я же сказал тебе ты в Ставре.

— Ты меня видишь? — спросил Карел.

— Нет, между камерами стена, но есть щель в кладке поэтому можно говорить и слушать, но не видеть.

— Тогда, почему я красавчик?

— Потому что иначе тебя бы не было в камере, — голос снова хихикнул.

— Но почему я здесь, почему в Ставре? Это же замок Амелары, так?

— Именно, ее и именно из-за нее ты и здесь. Что последнее ты помнишь?

— Подъехали два всадника и спросили меня, назвали мое имя, а потом я здесь уже.

— Это Борлак и Люкар, постоянные фавориты герцогини, меня тоже они добыли.

— Что значит добыли?

— Ты еще не понял, ты понравился Амеларе. Знаешь бывает иногда, что знатный господин берет силой крестьянку. Здесь тоже самое, только наоборот. Ты будешь игрушкой у герцогини и ее фаворитов, как был я, пока не надоел. И как был тот, до меня, — тут голос замолчал.

— А где, тот кто до тебя?

— Не знаю, не знаю, — голос сорвался в истерике и замолчал.

— Ты знаешь, — через мгновение снова продолжил он, — я боюсь. Боюсь, потому что

не знаю где он, мой предшественник. Но тише кто-то идет.

— Я ничего не слышу.

— Ты еще сможешь.

Раздалось эхо шагов. Через какое-то время тени за решеткой поменяли очертания и шаги остановились. За решеткой стояли два солдата в зеленой униформе, один с факелом, другой со связкой ключей. Последний повернул ключ в замке и со скрипом отодвинул решетку.

— Идем, — сказал солдат.

— Куда, — спросил Карел, но солдат в ответ только обнажил меч.

— В таком виде?! — снова спросил Карел.

— Хватит болтать, — солдат уколол Карела в живот, тот попятился.

— Хорошо, хорошо, иду — сказал он, и ему показалось, что за стеной раздался смешок.

Они шли навверх по темным и холодным коридорам и лестницам. Карел продрог и уже не чувствовал пальцы ног. Он пытался вспомнить, что знает о замке Амелары из лекций по географии. Это самая северная и самая восточная точка континента, замок расположен в бухте на скале. Тут они прошли окно, вернее бойницу. Карел чуть сбавил шаг и посмотрел. Да, точно внизу, в нескольких десятках метрах серая вода и корабли. Небо тусклое, хотя и здесь сейчас лето. Очнулся он от укола мечом в мягкое место и пошел дальше. Скоро его привели в приемную, где на серых стенах висели шкуры убитых зверей и головы охотничьих трофеев. У оформленной серебряными узорами двустворчатой двери стояла стража. При появлении Карела стражники распахнули двери и солдат подтолкнул его вперед. Двери захлопнулись. Он прошел вперед глаза привыкали к свету. Окно было напротив входа, свет бил ему в лицо. На троне в центре квадратной комнаты сидела герцогиня Амелара, сестра покойного императора. У ее ног на табуретках сидели два женоподобных молодых мужчины. Он узнал в них своих похитителей, очевидно, Борлак и Люкар, как сказал голос. Амелара пристально смотрела на него, руки Карела стыдливо сомкнулись внизу живота. Но главное, что в зале было тепло, очень хорошо натоплено, хотя каминов не было. Центральное отопление, — отметил студент.

— Хорош? — обратилась герцогиня к сидевшему справа фавориту.

— Хорош, — ответил тот ей и улыбнулся Карелу.

— Ну здравствуй, я же говорила, что мы встретимся, Карел, — обратилась уже к нему Амелара, ее черные глаза казалось пытались проникнуть глубоко в Карела. Вот видишь, я запомнила твоё имя, — она улыбнулась.

— Зачем я здесь? — спросил Карел, а затем не придумав ничего лучше сказал, — отпустите меня, пожалуйста.

Герцогиня звонко рассмеялась, открыв два ряда превосходных белых зубов на фоне полных ярко алых губ. Фавориты тоже заулыбались.

— Я тебе не нравлюсь? — спросила она, перестав смеяться. Ты так быстро хочешь покинуть меня, не насладившись моим, — она сделала паузу и снова улыбнулась, гостеприимством?

Ничего себе гостеприимство, — подумал Карел и от этой мысли шишка на голове у него запульсировала тупой болью. Он пытался придумать что бы такого сказать. Но герцогиня повернула разговор в другое русло.

— Но об этом у нас еще будет время поговорить, — продолжила женщина, — а сейчас скажи мне, откуда у тебя это?

И она белоснежной рукой достала талисман Хорта, который последнее время висел на шее у Карела и про который он совсем забыл. Он подумал и решил, что лучше сказать правду, поскольку не понимает суть происходящего, а Хорт мертв и ему ни что не повредит.

— Это талисман, — ответил Карел.

Талисман?! — переспросила Амелара. А как он к тебе попал?

— Мне его дал перед смертью один человек, кузнец.

— Как его звали? — прищурилась герцогиня.

— Звали просто Хорт, — пожал плечами Карел.

— Опиши мне его, — Амелара подалась вперед, ее глаза смотрели внимательно и жестко.

— Просто кузнец, среднего роста, как я, сухощавый, уже с сединой.

Она очень опасна и жестока, понял Карел. Под внешностью розы живет коварный скорпион, в любой момент готовый ужалить, надо скорее бежать отсюда, думал он, описывая Хорта.

— От чего умер этот, как его, Хорт? — спросила она.

— Его убил воин ордена Розы, — сказал Карел.

— Что?! — глаза герцогини расширились.

— То есть Хорт сначала убил их обоих, а потом сам умер от полученных ран.

— Монахи ордена, — сама себе сказала Амелара, отведя глаза от Карела и откинувшись на деревянном троне, покрытом шкурами. Это интересно, им то что нужно, неужели они могут догадываться.

В комнате повисла тишина. Герцогиня думала, а фавориты не смели нарушить молчание. Наконец она повернулась на лево.

— Люрак! Срочно отправь послание Нейлу курьером, что я нашла Троха и он мертв, а первая спираль у меня. Борлак распорядись отмыть Карела и привести в порядок для, для дальнейшего использования, — она снова улыбнулась Карелу. Иди милый, до новой встречи.

Карел стоял, как громом пораженный Трох, так это был сам Трох. Ну, конечно, имя наоборот, какие же они идиоты с Бьонни. Теперь всё вставало на свои места. Их учил фехтованию легендарный Трох, герой войны с христианами, соратник императора. Но тут он похолодел, Хорт велел ему передать талисман капитану императорской гвардии, а он отдал его этой скверной женщине. Нет не отдал, успокоил он себя, она сама взяла, тем более это просто талисман. Надо думать о себе. Его снова вели по лестнице вниз. Карел понимал, что если он сам не уйдет отсюда, то живым его не выпустят. Предварительно позабавившись вволю. Он шел и думал, идей не было. И тут он дошел до бойницы. Карел специально отключил мозг на мгновение, чтобы тот не помешал ему действовать. Он бросился к бойнице и выпрыгнул из нее ногами вниз. На секунду у него захватило дух, и он успел подумать, как разобьется пред тем, как стрелой вошел в холодную воду. Сразу сработал инстинкт, и он задвигал руками, чтобы выплыть на поверхность, что ему удалось. Он огляделся и понял, что его быстро несет то ли течением то ли отливом прочь от замка в открытое море вернее прямо в корабль веллингов, который шел на веслах из гавани.

— Эй, на корабле — закричал Карел. Помогите!

Сегодня мой день, подумал он когда, услышал команду сушить весла. Ему кинули канат и вытянули из воду. Он стоял на палубе и дрожал от холода и нервного напряжения. Его окружили бородатые веллинги. Один из них огромный и пузатый с рыжей бородой и двумя косами вышел вперед.

— Ты кто такой и почему в таком срамном виде? — поинтересовался он.

— Я студент, изучаю науки, а в таком виде потому, что посетил жену капитана замковой стражи, когда тот вернулся домой, пришлось выпрыгнуть из окна. Вы же меня не выдадите ему после того как спасли? — находчиво соврал Карел.

Веллинги расхохотались. Рыжебородый смеялся до слез. Он посмотрел на берег, было видно, что в замке суэта со смотровой площадки махали сигнальным флагом, призывая корабль вернуться. Веллинг задумался на секунду, затем хлопнул Карела по плечу.

— Нет мы веллинги не такие бессердечные, чтобы выдавать таких пострелов, — и он снова рассмеялся. Надо было капитану, лучше смотреть за женушкой.

— Я отработаю на веслах, — сказал Карел.

— Ладно, — дайте ему одежду, — а то вид не ахти, добро пожаловать в команду, как зовут то?

— Карел.

— А меня Ронкар Рыжий. Будешь гребцом.

— А куда идете?

— Мы взяли товар, зайдем домой, потом в Лерану.

Это вполне устраивало Карела. На островах веллингов он мог найти попутный корабль в Улесье, а оттуда снова в Даргвилл, но на этот раз уже без Бьонни. Карелу принесли одежду. Одевшись, он помог поставить парус и корабль пошел вдоль берега на запад. Карел уже бывал на корабле селлингов и с интересом решил посмотреть отличается ли от него корабль веллингов. Отличия были незначительны, корпус корабля также состоял из досок шириной в два пальца, селлинги применяли железные гвозди, а их более бедные родственники с островов, веллинги, деревянные, тоже самое касалось конопачения — просмоленный шнур против моха. Парус тоже был не цельный, а сшит из кусков. Но тем не менее на ходовых качествах корабля это никак не сказывалось. Пока студент занимался изысканиями, корабль вышел в открытое море, вернее в океан и берег пропал из виду.

Карел сел у борта, его тянуло в сон, он устал от пережитых приключений за этот день. Однако отдохнуть ему было не суждено.

— Корабль на горизонте, — крикнул кто — то.

Сразу началась суэта. Через какое-то время Карел понял, что корабль разворачивается в сторону берега. Раздалась команда, все на весла. Карел тоже сел, куда ему указали.

— Что случилось? — спросил он сидящего рядом веллинга.

— Глондарский военный корабль, — ответил веллинг. Отрезал нас от островов, теперь одна надежда успеть на берег или на мелководе.

— Но разве у нас военный корабль, — удивился Карел. И разве веллинги воюют сейчас с глондарцами?!

— Нет не военный, и не воюют, но они думают, что мы пираты.

— Но мы же не пираты! Надо им сказать об этом!

— Сейчас не пираты, — ответил веллинг и как-то странно улыбнулся в бороду.

Карел всё понял, несмотря на то что сейчас был торговый рейс веллинги вполне могли в другой раз пограбить суда или побережье Глондара. И сейчас они наткнулись на военный патрульный корабль, который как раз отлавливал веллингов в море на упреждение.

— И что они нам могут сделать? — спросил Карел снова.

— Если не уйдем, протаранят нас, у них корабль большой и крепкий, нос специально обшит железом, — с фатализмом пожал плечами веллинг.

Несмотря на все усилия веллингов берега еще не было видно, а глондарцы догоняли. Карел видел огромный парусник высотой в три раза выше их борта, а носовая часть была как в доспехах обшита железом. Было видно снующих по судну глондарских солдат морской пехоты в красных мундирах. Теперь всё зависело от умения рулевого на судне веллингов, чтобы не поставить борт глондарцам. У руля столпились сразу несколько крупных веллингов с Ронкаром во главе. Они кричали, советовали и ругались друг на друга, пытаясь понять по ветру лучше идти или против. Но даже Карел знал, что у глондарцев очень умная и сложная система управления парусами. С помощью этой системы корабли могут идти не только по ветру, но и практически против ветра, как это не парадоксально. Именно это сейчас и делал вражеский корабль. Его капитан просчитал ситуацию лучше Ронкара Рыжего. Корабль веллингов все же оказался бортом напротив носа противника.

— Сушить весла левый борт, правый быстрее! — заорал Ронкар, но было уже поздно.

Глондарский парусник с треском надел на левый борт. Карел, который сидел по правому борту не дожидаясь прыгнул в воду. Так же поступили многие веллинги. Раздался еще более сильный хруст и скрежет, который отдавался болью в зубах и корабль веллингов развалился на части. А глондарское судно, не удосужившись спасти или добить моряков, поплыл дальше патрулировать море.

Карел поплыл к одному из обломков корпуса и привязал себя к нему поясом. Мимо лицом вниз покачиваясь проплыл Ронкар Рыжий, его туловище представляло собой кашу. Он был раздавлен. Кое где Карел видел веллингов, которые перекликаясь также привязывались к обломкам. Их всех разносило всё дальше друг от друга. На море опускался туман.

14. Торн

Кавалерия Тьора перестраивалась на ходу. С марша сразу в бой. Они выстраивались в некий запланированный порядок, два полка в ширину, три полка в глубину. Шесть тысяч копий. Шесть полков из восьми привел сюда кто? Торн искал взглядом Нейла и не находил его. Затем его глаза зацепились за знакомую фигуру, которая металась вдоль фронта. Скарт! Вот кто привел кавалерию. Но какой во всем этом смысл. Поймать Рональда, разбить христианцев, или и то и другое.

— Ты говорил, что Нейл договорился с христианами и пропустил их сюда, — сказал рядом Рональд.

— Да, я так думал, — ответил Торн. Сейчас уже ничего не понимаю.

— Я тоже, отец бы разобрался. Я нет, увы, не могу, — Рональд бросил горестный взгляд назад на побоище.

В это время затрубили сигнальные рога и тьорская кавалерия пошла в атаку. Удар был нацелен в центр христианской рати. Христианская кавалерия была на флангах. Сейчас она начала выдвигаться вперед. Хотят взять в клещи, — подумал Торн, — идиоты. Христиандр ничего не сможет противопоставить Скарту, но он этого еще не понимает. Вообще надо быть глупцом, чтобы вообще полезть с войной в Тьор, — размышлял капитан.

В это время неудержимая лавина стали и смерти обрушилась на центр христианского войска и ни на секунду не задержавшись разрезала его пополам. Два первых полка кавалерии пройдя строй врага развернулись в цепи и атаковали с тыла, точно также сделали два последних полка развернувшись вдоль всего фронта христианцев. Вся армия империи перекрестия оказалась в двух котлах, в парализованном и недееспособном виде. Сколько из христианцев выживет теперь полностью зависело от милости тьорских кавалеристов. Победа за пять минут.

— Надо уходить, — сказал Торн Рональду. Сейчас начнется бойня, а потом вспомнят про нас. А Вам нужен врач, принц.

Они погрузились на галеры и поплыли на другой берег, не дожидаясь исхода битвы. Врачи были на галерах, и они начали сразу оказывать помощь. Ранены были практически все. Несколько человек умерло во время переправы. Когда уже в темноте корабли причалили к восточному берегу, среди женщин, ожидавших своих мужей и сыновей, пошедших в ополчение, поднялся вой. Ни один ополченец не вернулся. Рыдания неслись отовсюду и уносились к холодным, безразличным звездам, выступившим на небе. А приплывшие солдаты повалились прямо на землю и уснули, не обращая на плачь никакого внимания. Они просто устали, чтобы сострадать. Их мозг выключил в голове функцию сострадания, чтобы просто выжить.

С утра, когда Торн проснулся, Рональд уже был на ногах. Хромая он ходил туда сюда и раздавал указания.

— Я хочу чтобы они здесь разбили лагерь, под охраной солдат южной армии, — пояснил он капитану. У кавалеристов с той стороны нет кораблей, они не смогут переправиться. Поэтому полсотни оставшихся солдат хватит, правда всего один офицер остался, катапультёр. Но он малый способный, справится. А мы с гвардейцами поедем искать оставшуюся часть южной армии.

— И что потом? — спросил Торн.

— Не знаю, — отвел глаза Рональд, пока не знаю. С христианами всё понятно, выбора у нас не было. Но я тоже, как и ты не хочу гражданской войны. Вот только я ли управляю ситуацией или она мною?! — добавил принц, встал и пошел дальше раздавать указания.

Торн устроил смотр своим гвардейцам. Четырнадцать человек, из которых три лучника. Моральный дух на нуле. Глаза пустые.

— Послушайте меня, — громко сказал им Торн. Смерти наших товарищей не бессмысленны. Мы спасли мирное население, людей, женщин, детей. Понятно? — он обвел всех взглядом. Это наш долг. И наши братья отдали жизни, чтобы сдержать врага, пока не подошли основные силы. Иначе и быть не может.

— Что дальше? — спросил кто-то.

— Дальше? Дальше наша задача охранять принца и довести его до южной армии. Что потом пока сказать не могу. Предлагаю пока добраться до армии, а там решим.

Солдаты устало разбрелись, а Торн отправился в палаточный город готовить лошадей. Население Южного Форта теперь жило в палатках двух погибших полков Южной Армии Тьора. В основном остались старики, женщины и дети. Все мужчины сложили головы на западном берегу. Торн был не уверен, что пятидесяти солдат достаточно для охраны и, что им надо идти дальше. Но он был обязан повиноваться императору, которым стал принц после смерти отца.

И вот шестнадцать всадников едут по степи. Рональд ехал впереди в плохом настроении. Он хотел попрощаться с подданными, но никто не вышел провожать его. Более того они не скрывали радости, что Рональд уезжает. Они считали, что он привез им беду. Что он виноват в смерти их родных. Торн ехал и думал о том, что начало правления у Рональда не задалось, и капитан пока не видел путей это поправить. Отряду нужно было пересечь дружественную Корсу и нейтральную Рыдону. После этого пройти через перевал на земли Южного континента, где уже искать Южную Армию, гонящуюся за нулгами.

Они выехали с утра. До Корсы было два дня пути. Но уже к полудню солдаты наткнулись на отдыхающий и обедающий в овраге патрульный отряд бляшников из десяти человек. Бляшники были полуразбойничим кочевым народом, организовавшим в степи свое небольшое государство. В основном они разводили лошадей и кочевали в поисках корма для скота. Когда гвардейцы показались бляшникам, те без разговоров на них напали. Бляшники были вооружены легко, они не носили доспехов. Ходили в свободных рубахах и штанах яркого цвета, на голове носили меховые шапки с пришитыми сверху красными колпаками. Вооружены были кривыми саблями и небольшими деревянными щитами. Достойного сопротивления они оказать не смогли. Гвардейцы потеряли в стычке одного убитым и одного тяжело раненным. Бляшников убили всех кроме одного. Торну было интересно почему они напали на них. Форму гвардии императора знали во всех концах земли.

Оказалось, они охотились на Рональда. Нейл прислал сообщение атаману бляшников, где пригрозил истребить всё его племя, если они не поймают Рональда. Вся степь кишела отрядами бляшников.

Торн предложил переночевать здесь, в овраге и обдумать ситуацию. Двигаться в степи было опасно. Они похоронили убитых и, не гнушаясь, съели обед бляшников. Гвардейцы, выставив караул, стали устаиваться на отдых. К вечеру умер раненый гвардеец. Торн пытался несколько раз переговорить с Рональдом, но тот был мрачен, задумчив и неразговорчив.

Утро принесло новые сюрпризы. Проснувшись Торн, сел и сразу понял, что что-то не так. Лошадей не было, вернее было мало. Он увидел гвардейца сидящего у потухшего костра.

— Что случилось, где остальные? — спросил Торн.

— Они ушли, — ответил гвардеец. Совсем ушли. У них семьи в Тьоре. Бляшника взяли проводником.

— Так! — протяжно сказал Торн, хотя он ожидал нечто подобное. А что же ты не пошел?

— У меня нет семьи, — сказал солдат пожав плечами. А здесь ничем не хуже, чем в Тьоре. Я люблю путешествовать. Кроме того, мне нравится молодой император, в нем есть стержень. Когда он снова сядет на трон, сделает меня полковником.

Торн разбудил Рональда и сообщил о том, что солдаты ушли.

— Предатели, — Рональд сплюнул.

— Просто люди, — ответил ему Торн. У них семьи.

— Все равно это подло бросить своего императора и командира в степи.

— Хорошо, что они нам глотки не перерезали во сне.

— Как зовут оставшегося? — спросил Рональд.

— Змей, — ответил сам гвардеец.

— Змей?! — переспросил молодой император.

— Это кличка, за успехи в борьбе без оружия, за ловкость, — сказал Торн. Змей один из лучших солдат.

— И честных, — добавил принц. Спасибо тебе Змей, я запомню твою верность.

Они поменяли план. Идти втроем через степь, наполненную патрулями бляшников было бы безумием. Поэтому они решили снова перебраться на западный берег реки, где их искать не станут, и идти в Фолворст, баронство, где вырос Торн. Капитан был дальним родственником барона. Оттуда в Лоттленд, чтобы нанять корабль и попасть на Южный Континент морем.

15. Йохан

Йохан быстро шел по коридору, масляные лампы освещали каменные стены, оставляя полумрак в центре коридора. Причудливые тени играли на портретах предыдущих правителей, предков герцога. Казалось их глаза следят за ним, провожают взглядом укоризны, словно читая мысли, словно проговаривая про себя, что он не достоин быть их потомком. Бледное лицо Йохана, как обычно оттенял черный бархатный костюм с кружевным воротником. Он шел по коридору и эхо его шагов нарушало строгую тишину замка.

Ну ничего, думал Йохан, скоро я вас соберу со стен и разожгу большой костер, недолго осталось ждать, они считают меня выродком, но я им устрою. Он представил себе костер в котором весело трещат рамы и краска закипая слезает с высокомерных лиц мертвых христианских императоров. Это показалось герцогу забавным и он залиvisto рассмеялся до слез, на бледном лице появился румянец.

Он дошел до покоев Мариэты, жены брата. В небольшой зале стоял стол с зеркалом, а у дверей покоев навтыяжку стояли два стражника в прямоугольных шлемах и оранжевых плащах, гарнизон императорского замка. Йохан подумал, что бравый вид они приняли только увидев его. Ничего всё впереди, он еще успеет их выдрессировать. Не постучавшись, он распахнул обе створки и ворвался в комнату. Императрица сидела за столом у кровати, спиной к герцогу, но при звуке открывающейся двери она повернулась. Лицо этой достаточно молодой и слегка полной женщины было залито слезами, глаза были красными.

— Ага, — воскликнул Йохан, Вы уже знаете, значит мне будет проще.

— Почему Вы врываетесь без стука, — воскликнула императрица.

Йохан не удостоил вопрос ответом, он обвел помещение взглядом выбирая стул поудобнее, подошел к нему и уселся, закинув ногу на ногу, напротив императрицы.

— Что такое Вы себе позволяете герцог!

— Значит, — Йохан снова проигнорировал вопрос женщины, — Вы в курсе что Ваш муж погиб смертью героя на поле брани?

— Это еще не известно!

— Известно, — взвизгнул герцог. Что же вы плачете? А еще Ваш муженек угробил всю армию. И как же теперь сражаться с Тьором, когда они сюда пожалуют.

— Мы откупимся от них.

— Фу, тоже мне идея. Нет я соберу новую армию.

— Но...

— И буду регентом! А если Вы перестанете реветь, может быть женюсь на Вас, где кстати Ваши дети?

У императрицы от этих заявлений перестали течь слезы, открылся рот. Затем ее губы и руки затряслись в гневе.

— Вон отсюда поддонок.

Герцог поправил складки своего платья и поднял глаза на женщину.

— Хотя мне не нужна, пожалуй, жена, которая так вопит, — заявил он и прислушался к чему-то за дверью. Герман зайди сюда.

Дверь открылась и в нее зашли Герман и Гарих — командир императорской стражи. Йохан перевел взгляд с лица Германа на Гариха и улыбнулся.

— Отлично, я вижу, что вы уже обо всем договорились. Итак где ваши дети? — переспросил Йохан, снова поворачиваясь к императрице, где наследник.

Герцогиня побледнела и стояла молча. Тут дверь снова открылась, все повернулись и увидели старую императрицу.

— Что здесь происходит, Йохан что ты делаешь?

— Ах, мама, я пришел защитить детей Мариэты в этот трудный час, но она ведет себя очень неразумно.

— Он собирается сам стать императором и женить меня на себе, при том, что еще нет известия о смерти моего мужа.

— Йохан... — начала было мать.

— Ну ладно, мне всё это уже надоело — вздохнул Йохан. Герман, возьми мою мать и запри ее где-нибудь у меня в подвале.

Все замолчали и уставились на Йохана, не веря тому, что он сказал, вернее не верили женщины.

— Да, она меня уже достала, всегда заботится только о братце и его семье. Пора поговорить с ней на эту тему. Герман, ну что ты встал, как истукан. Я слышал у тебя красавица дочь на выданье, — продолжил вкрадчиво герцог, может ты хочешь познакомить ее со мной? Нет? Тогда вперед!

Герман сначала побледнел, потом покраснел, сжал пальцы в кулаки и сделал шаг вперед, затем перевел мечущийся взгляд на императрицу-мать и взял ее под локоть. Она попыталась вырваться, но сил у нее не было. Йохан расхохотался.

— Что матушка силенки уже не те? Не то что раньше, когда вы свели в могилу моего драгоценного папочку. Ничего мы еще увидим сколько у Вас осталось сил. Увести ее!

— Что ты задумал, очнись опомнись, сын, — закричала Катильда, которую Герман тащил к дверям, но Йохан демонстративно отвернулся.

— Гарих, ты тоже выйди сказал — герцог.

Когда двери закрылись, Йохан снова повернулся к бледной императрице.

— Ты чудовище, — прошептала она.

— Где дети? — снова спросил Йохан, доставая клинок из ножен.

Он поиграл им у лица императрицы, заставив отступить ее к стене, затем чуть опустил и сказал, — Мы с тобой будем долго забавляться, ты еще будешь умолять меня выслушать тебя, а я еще подумаю об том слушать или нет.

Внезапно женщина сделала резкий шаг вперед, схватив лезвие меча руками, удерживая его. Меч обагрился кровью, но не только из ладоней, он прошел через живот Мариэты. Она навалилась на него всем весом.

— Дьявол, — воскликнул герцог, выдергивая меч.

Но было уже поздно, у императрицы подкосились колени, она сползла и начала снова заваливаться вперед на Йохана, который со злости пнул ее сапогом в лицо. Женщина упала, она уже была мертва.

— Вот же тварь, — выругался Мясник оглядываясь.

Он увидел дверь в смежную комнату и вошел в нее внимательно оглядываясь и не убирая меч в ножны.

Смежная комната представляла собой детскую. В ней стояли две кровати с парчовыми пологам на мозаичном полу лежали игрушки. Деревянная лошадь и всадник соседствовали с тряпичными куклами в бальных нарядах. Йохан подошел, наклонился, поднял куклу и

осмотрел ее. Он был зол, очень зол. Ему очень захотелось оторвать кукле голову, но не время. Он переборол себя и бросил куклу на пол. Еще раз оглянулся.

— Где же они, — прошептал он и вышел.

Через несколько минут панель у камина отъехала в сторону и открылась. Из-за нее показалась светлая головка с косичками.

— Ну что там, Ани — раздался голос из ниши.

— Тсс, не шуми Герд, — ответила девочка.

— Он ушел?

— Да, — ответила Ани.

Она полностью вышла из ниши, поправила своё голубое до колен платье и подала руку брату. Девочке было одиннадцать лет, её брату и наследнику престола недавно исполнилось восемь. Дети тихонько на цыпочках прошли комнату, и девочка заглянула в следующий зал. Она никого не увидела и потянула за собой мальчика. Они пошли вперед пока не увидели лежащую у стола императрицу.

— Мама, — бросилась к ней Ани.

Она перевернула мать за плечи и отскочила, увидев безжизненный взгляд Мариэты, девочка опустила глаза на свои руки. Они были все в крови. На глаза навернулись слезы.

— Что там с мамой? — спросил сзади мальчик.

Ани обернулась и обняла Герда поглаживая по кудрям.

— Пошли отсюда, — сказала она, глотая комок в горле.

— Она умерла, да? — серьезно, не по-детски спросил он.

— Да, пошли, она сказала, если что-то случится надо идти на конюшню к старому Ларсу.

Она выглянула из дверей, стражи не было и, не оборачиваясь назад, повела Герда по коридору в сторону конюшен.

Вечером того же дня Ларс возвращался в замок. Возле ворот его остановила стража. Он кряхтя, слез с козел кареты и пошел за офицером наверх. Они поднялись на два пролета лестницы и вышли на стену. Кучер был совсем стар и глуховат, колени уже плохо сгибались. Император был к нему привязан с детства и никак не хотел расставаться, он хорошо относился к старику, и Ларс был ему за это признателен. От подъема он не мог отдышаться, остаток седых волос был включен. Сначала старик подумал, что какая-то ошибка и на стене никого нет. Но затем из тени появились Йохан и Гарих, у командира стражи рука покоилась на рукояти меча. Меч пока был в ножнах.

— Ларс, Ларс, добрый старина Ларс, — заговорил Йохан, — помнишь, когда мы были маленькие ты возил нас с братом на рыбалку? Учил нас, как выбирать наживку. Я тогда думал, наверное, так ведут себя отцы с детьми. Своего же у меня не было, говорят мамаша постаралась.

Йохан приблизился к Ларсу, тот стоял и молчал, только седые волосы непослушно продолжали торчать в стороны. Герцог молча обошел кучера и повернулся к нему спиной, встав к стене и устремив взгляд на город.

— Ты где был старина? — спросил тихонько герцог. Куда ты отвез детишек? Ты слышал, что их родители умерли? Мой брат погиб, как герой. А невестка не выдержала горя. Мне теперь надо позаботиться о них. Они стали сиротами. Что скажешь, Ларс? — спросил поворачиваясь Йохан.

Но старый кучер, вместо ответа, бросился мимо герцога и головой вниз полетел на

мостовую. Раздался глухой стук. Йохан посмотрел вниз и заскрипел зубами.

— Что за день, сегодня, — обратился он к молчаливому Гарику, — кругом одни самоубийцы. Послать кого-нибудь к Ноймарту, он мог отвезти детей только туда. Ну ничего, — добавил он, — надеюсь мамаша ждет меня в подвале, — и улыбнулся.

16. Сервет

— Хочу пить!

— Тише, тише, нужно подождать!

— Чего ждать, он не вернется. Прошла ночь, и сейчас уже полдень. А он обещал вернуться еще вчера. Сколько можно здесь сидеть.

— Но Герд, нам больше ничего не остается. Если ты будешь плакать, от этого будет только хуже.

— Но я хочу пить! Нужно выйти из этого сарая и пойти напиться.

— Но мама нам говорила, что теперь нужно прятаться, теперь, когда папы нет, нас не кому защищать, а дядя Йохан захочет нас убить.

— Да, — насупился Герд, — между ним и тронем только я. Я помню она так сказала. Но я хочу пить!

Ани оглянулась пытаясь придумать, что делать. Они уже сутки сидели в сарае, в углу, засыпанном сеном. Здесь в сарае постоянного двора недалеко от Хаубурга их оставил Ларс. Ларс вывез их из замка и города в императорской карете, но, чтобы потом не напали на их след, решил вернуть карету на место. Наверное, его действительно поймали и нечего ждать. Но Ани не знала, что делать дальше. Ах если бы господь помог им, ведь он же помогает несчастным, попавшим в беду. С улицы раздался вопль боли и Ани пригнула голову брата, поскольку около двери сарая раздался крик.

— Я тебе задам, бездельник! Ты от меня не спрячешься!

Дверь сарая открылась и сразу же закрылась, кто-то быстро прошмыгнул внутрь. Ани прижала к себе кудрявую голову брата и затихла. Через минуту чей-то голос сказал.

— Эй, кто здесь я слышу, как ты шевелишься в сене.

Голос был мальчишеский. Ани решила показаться. Может это и есть тот посланник господя, та помощь, о которой она молила.

— Здесь только мы с братом, — ответила девочка, выводя за руку Герда.

Напротив нее стоял худой подросток, с черными горящими глазами, спутанной шевелюрой и неумытым лицом. Он был на два-три года старше Ани.

— А что вы тут делаете? — спросил он удивленно.

— А ты, что делаешь? — переспросила девочка.

— Мы прячемся, нашу маму убили, и я хочу пить, — встрял Герд.

Ани сжала его руку ладонью, чтобы он совсем их не выдал. Но увидела, что лицо мальчика расслабилось и на нем проступило сочувствие.

— Понятно, мою маму тоже убили крестианцы. А спрячусь я от хозяина таверны. Во, видели, — парень повернулся и дети увидели кроваво красную полосу на белой рубахе не первой свежести, идущую поперек спины. Это его кнут оставил, — продолжил он. Я работаю на него уже несколько дней, а он мне так и не заплатил еще ничего, а сегодня я попросил денег и вместо денег получил это. Наверное, уйду от него сегодня. Не хочу работать только за обеды.

— А куда ты уйдешь? — встрепенулась Ани.

— Не знаю, — пожал плечами мальчик.

— А я хочу пить, — опять встрял Герд.

— Я сейчас не пойду туда, — мальчик кивнул на дверь. Чтобы еще не схлопотать.

— Но послушай, — спросила Ани, — может мы пойдём с тобой?

— Вот ещё! Нужна мне всякая мелюзга!

— Мы тебе заплатим.

— Ха, я больше не покупаюсь на враки.

Ани сунула руку за пояса, достала три монеты, протянула вперед кулачок и разжала его. Парень сначала замолчал, а потом сосредоточенно засопел. Он, конечно, видел золотые и раньше, но только издалека, когда купцы расплачивались на рынке. Представить, что такое богатство есть у какой-то девчонки, пусть и опрятно одетой он не мог. Но вот же монеты, перед ним.

— Но я пока не знаю куда пойду, — сказал он, не отводя глаз от монет. А вы сами куда шли?

— Мы шли к дяде Ноймарту, — ответила Ани, снова пряча монеты.

— А где живет ваш дядя?

— Старый Ларс говорил, что нужно идти в сторону моря, ты знаешь где это?

— Знаю, — соврал мальчик, он решил, что дорогу к морю будет отыскать не сложно. И ты отдашь мне три монеты, если я провожу вас к дяде?

— И еще принесешь попить и поесть, — сказал Герд.

— Хорошо по рукам, как вас зовут?

— Меня зовут Ани, а это Герд.

— Герд, что за дурацкое имя, почти девчачье?

— Имя как имя, — озлобился Герд. Не хуже твоего, наверное, смотри, а то получишь не только от хозяина, но и от меня.

— Что ты сказал малявка?

— Мальчики! Хватит! Вы оба как маленькие, — громко заявила Ани. Мы тебя нанимаем. Но сначала принеси нам поесть. Как тебя зовут?

— Сервет. Хорошо, сейчас сгоняю на кухню, поищу может чего осталось.

Он осторожно приоткрыл дверь сарая осмотрелся, и видимо довольный увиденным, обернулся, посмотрел на детей и выскользнул наружу. Ани и Герд молча уселись в сено его ждать. Ани снова молилась про себя, чтобы этот мальчик Сервет вернулся и не бросил их. И, судя по всему, ее молитва была услышана, через полчаса отворилась дверь и появился Сервет с миской объедков и кувшином воды. Дети с жадностью накинулись на еду и воду, они никогда не ели такую плохую пищу, но после дня голода, она им казалась самой вкусной.

— Мне пришлось подождать, пока хозяин не выйдет к гостям, — говорил тем временем Сервет, слушая в ответ громкое чавканье.

На самом деле мальчик задержался еще потому, что выводывал у кухарки дорогу к морю.

— Послушай, Ани, — продолжал Сервет, а если бы я просто схватил тебя и отнял деньги, ты не боишься?

Ани, продолжая грызть куриную кость, другой рукой залезла за пазуху и вытащила небольшой и узкий, но от этого не менее опасный стилет. Парень только хмыкнул.

— Ну ладно поели, теперь пошли, — через некоторое время сказал Сервет.

Дети вышли из сарая, обошли трактир и постоялый двор. Через десять минут дома кончились и вокруг начались не убранные поля. Сервет свернул с дороги в поле.

— Куда направился? — забеспокоилась Ани. Хочешь сбежать?

— Нет. Да и деньги то у тебя еще, — ответил Сервет. Просто надо идти не по дороге, а

рядом. Это значительно безопаснее для нас. Можно или убежать или спрятаться. Я так и шел из Восточной Империи до сюда.

— Ты тьорец?! — воскликнул Герд.

— Да, и что?

— Значит, ты не веришь в святое перекрестие, и служишь дьяволу, — в ужасе прошептала Ани.

— Вы что дурман травы объелись? — спросил Сервет. Какой дьявол? Дьявола нет, как и вашего бога.

Дети переглянулись.

— Твоя душа в опасности, — заявила Ани. Но я займусь ее спасением.

— Ну- ну, — сказал мальчик. Это кто кого еще спасает. Идемте.

Они вышли в поле и, стараясь не выпускать из виду дорогу, да и самим не показываться, пустились в путь. Их путь их лежал в сторону далекую от моря. Кухаркины познания в географии были исключительно от жены купца, которая, как и кухарка, никогда не выезжала за пределы деревни.

17. Торн

Замок стоял на возвышенности. Так строилось большинство замков. Они возникали на местах древних поселений, на возвышенности легче было отражать атаки врагов, да и просто видимость была дальше. Сложенный из больших необработанных камней, замок производил впечатление тяжелой мощи. Он был как основание, как центр, раскинувшийся вокруг зеленой долины. Впечатление усугубляли дороги, ведущие к замку, и концентрически раскиданные вокруг него домики. Две круглых сторожевых башни этого замка венчали зубцы бойниц смотровых площадок. Деревянные ворота, окованные железом, были раскрыты, подвесной мост опущен. Через мост двигались повозки крестьян. Возможно, они везли продукты для жильцов расположенной внутри стен жилой башни с остроконечной крышей, покрытой красной черепицей.

— Замок барона Фолверст, — сказал Торн своим путникам, когда те въехали в долину.

— Ты здесь родился? — спросил Рональд.

— Да я здесь жил до шестнадцати лет, а потом переехал в Тьор и поступил в военную академию.

Через час трое путников въезжали в замок по мосту, через илистый, но еще наполненный водой ров. Подкованные копыта лошадей гулко стучали по дереву. Над жилой башней замка развевалось красно зеленое знамя барона с белым перекрестием. У ворот стояла стража, одетая в цвета флага.

— Кто такие, и зачем едете к барону? — спросил их начальник.

— Симон, я смотрю ты меня не узнаешь?

— О! Торн! Смотри-ка какой! А сколько я тебя не видел. Ты же говорят стал шишкой при дворе. А кто это с тобой?

— Они мои друзья. А барон дома?

— Да все дома, пойдем я тебя провожу.

— Там в столице жизнь кипит, не радостные новости доходят до нашей глухомани, — сказал Симон по дороге.

— Да, — ответил ему Торн, — мир нарушен, война Восточной империи и империи Перекрестия.

Симон неодобрительно покачал головой. Они вошли в жилую башню, прошли приемный зал на первом этаже, а затем Симон проводил их на второй этаж в библиотеку, где барон обычно проводил свободное время. Он открыл дверь и доложил.

— Торн, сколько лет я тебя не видел, — барон Фолверст, бросился на встречу и сердечно обнял гостя.

Барону было около шестидесяти, борода и слегка вьющиеся волосы были практически седыми, хотя и угадывалось, что раньше они были черные как смоль. Голубые глаза его смотрели живо и радостно, осанка и движения выдавали в бароне воина.

— Но я думал, что ты в Тьоре. Что привело тебя на родину и кто твои друзья?

— Барон мы здесь проездом, это мой гвардеец, а это Рональд наследник империи.

Радость мгновенно пропала из глаз барона, они стали жесткими и внимательными, он перевел взгляд с Торна на принца.

— Но он же мертв? Так все говорят. Мой управляющий приехал из Тьора. Он сказал, что император умер, а принца убили христианцы. Часть гвардии устроила восстание, захватили

императорский дворец, о тебе он ничего не смог узнать.

— Гвардия во дворце? — переспросил Торн.

— Да они блокированы и их осаждают.

— Хоргот жив, — облегченно сказал Торн.

— Это неверные новости, — перебил их Рональд. Я жив, хотя брат отца, Нейл, устроил на меня покушение. Он запустил в империю крестيانцев, чтобы всё свалить на них. Но у него не получилось. Теперь на Троне сидит узурпатор. Мы движемся на юг, в мою армию и просим вас на пару дней оказать гостеприимство.

— Для меня это будет большая честь, — ответил барон. Хотя не скрою, что лучше бы вы проехали мимо. Номинально я вассал императора Перекрестия, хотя моё и соседние баронства уже давно самостоятельны и мы больше ведем сейчас дела с лоттами, чем с империей. Располагайтесь, умойтесь, Симон вас разместит. Затем милости прошу к нам на обед.

Змей ушел с Симоном на кухню. А Торн и Рональд, приняв ванну в бочке, и наскоро с помощью слуг почистив одежду, спустились на первый этаж, где слуги накрыли обеденный зал. Все уже были на месте и ждали только их. Барон сделал приглашающий садится жест, и начал представление.

— Перед вами принц Восточной империи Рональд, с ним капитан гвардии Тьора Торн, которого некоторые возможно помнят. Это еще один наш гость баронет Варант, сын барона Шварцвальда. Это моя баронесса Селия, это моя дочь Полина и наш управляющий Пьер.

Все гости за столом с любопытством рассматривали Рональда, а тот, как заметил Торн, вперил взгляд в красавицу дочь барона. Полина слегка покраснела от такого внимания и отвела взгляд, пригладив рукой прядь белокурых волос, которые очевидно достались ей от матери. Баронесса выглядела молодо и их с дочерью можно было принять за сестер с разницей в десяток лет. Управляющий Пьер представлял собой образ жизнерадостного толстяка, злоупотребляющего вином и едой. Другой гость был юноша лет восемнадцати, темный пушок, еще не превратившийся в настоящие усы, покрывал его верхнюю губу, а черные глаза перебегали с Торна на Рональда и обратно. На поясе баронета висел меч, даже за обедом. Когда все расселись и принялись за еду, слуги разлили вино.

— Значит, Вы собираетесь в южную армию, — спросила Рональда баронесса. И что же Вы хотите делать потом?

— Я думаю восстановить справедливость и наказать предателя.

— Но получится ли у Вас?

— Мне ничего другого не остается. Хотя будет трудно, особенно после того, как дядя разбил армию Крестиандра.

— Как, — вскричал Варант, армия уничтожена. Не может быть?

— Может, — ответил Торн. Полностью уничтожена возле Южного Форта тьорской кавалерией. Мы участвовали в битве, потеряли два полка пехоты.

— Вот как! — воскликнул барон. Но что же с Крестиандром?

— Мы не стали ждать, не видели — сказал Рональд.

— Но если он погиб, — продолжил барон, то кто же станет императором. Сын еще маленький, а брат безумец.

— Мне больше интересно, что будет с моей империей, — прервал его Рональд.

Все замолчали и в дальнейшем беседа уже не клеилась. Только Торн расспросил Пьера про гвардию. Оказалось, что гвардейцы, забрав семьи заперлись во дворце, а Нейл решил не

штурмовать его. Он один раз это делал в прошлом и понимал, какими потерями чреват штурм. С другой стороны, Торн помнил, что во дворце очень много продовольствия, а ртов стало меньше. И он временно успокоился на счет Хоргота, вполне возможно, что они с Рональдом успеют освободить ребят. Но его начинал беспокоить Рональд, который смотрел на Полину так, что она не могла поднять глаза. Когда обед закончился и все отправились в свои покои, Торн решил поговорить с принцем.

— Послушайте, принц. Здесь не столица, здесь нравы проще, но строже.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я про то как Вы смотрели на дочь барона.

— А. Но какая красавица, Торн! Я никогда не видел такой девушки.

— Это всё замечательно, но нам нужно через два дня двигаться дальше на юг.

— Всё будет нормально, я помню об этом, — сказал Рональд и пошел дальше, Торну оставалось лишь пожать плечами.

Но ничего нормально не было. Прошли два дня, затем еще два дня. Они никуда не уезжали. Рональд проводил всё время с Полиной, которой нравилось такое внимание. Да и Рональд тоже, очевидно, нравился. Кончилось это тем, что барон Фолверст позвал Торна для беседы.

— Что будем делать, — спросил он Торна.

— А что надо делать? — притворился что не понял Торн.

— Перестань, ты прекрасно знаешь о чем я говорю, твой приятель ведет себя слишком настойчиво. Что будет дальше? А ты знаешь, что баронет приехал свататься и попросил у меня руки моей дочери.

— То-то он такой кислый ходит последние пару дней.

— Не смешно, он сын моего соседа. Богатый сильный род.

— Но принц не менее знатен.

— Во-первых он не просил у меня ее руки, во-вторых, он принц без королевства. Уж извини меня.

— Хорошо, я поговорю с ним, — сказал капитан.

— Я хочу, чтобы вы уехали!

— Но они нравятся друг другу.

— В этом и проблема.

— Ладно, — сказал Торн, вставая из кресла.

Но быстро поговорить не удалось, не было подходящего случая. Рональд постоянно был около дочки барона, они днем ездили на верховые прогулки. Вечером, когда выступали первые звезды беседовали на крепостной стене. Наконец как-то одним вечером Торн, который специально боролся со сном, услышал, как хлопнула дверь комнаты Рональда. Принц вернулся. Он быстро вскочил, прицепил меч, и пошел к тому в комнату.

Рональд уже собирался спать, он обернулся.

— А Торн, что тебе нужно старина? — спросил он, а Торн отметил блуждающий взгляд принца.

— У меня важный разговор, — начал издали капитан.

— Проходи садись.

— Вы обещали мне, что мы уедем, — сказал, усаживаясь Торн.

— И что?

— А то, что вместо того, чтобы ехать в армию, Вы бегае за дочкой барона, —

откровенно сказа Торн. Он не доволен.

— Это он просил тебя поговорить со мной?

— Да, он хочет, чтобы мы уехали.

Рональд задумался и замолчал. Но Торн, который хорошо знал принца, видел, что тот не может сосредоточиться на вопросе. Что мысли его блуждают далеко.

— А Вы знаете, что баронет приехал свататься и барон хочет выдать за него дочь? — добавил капитан. Нам надо уезжать.

— Ха, но он не нравится Полине, и он, наверное, это понял сам! Давно его не видел.

— Принц.

— Что? Я решил. Я сделаю ей предложение.

— И что? — спросил уже раздраженный таким поведением Торн. Дальше что? У вас нет ни империи, ни королевства, ни даже баронства.

— У меня есть армия.

— Армия есть у Тьора, — отрезал капитан. И пока мы здесь сидим, эмиссары Нейла едут в так называемую Вашу армию.

— Мне кажется, ты забываешься капитан!

Вдруг внизу раздались крики и топот. Торн и Рональд посмотрели друг на друга. Что это!? В дверь раздался громкий стук. Торн открыл. В комнату ввалился раскрасневшийся и тяжело дышащий Пьер.

— Там... Там... внизу тьорцы...они ищут его, — управляющий показал на Рональда.

— Но откуда?!

— Симон ранен, он мне рассказал. Их привел Варант, ему открыли, и они напали на стражу. В замке максимум тридцать воинов. А этих много, не знаю... Вам надо бежать. Есть подземный ход из башни. Ты его должен знать, — сказал Пьер Торну.

— Идем, — сказал Торн.

— А как же Полина?!

— Эй, что вы тут делаете разбойники?! — вдруг раздалось снизу.

Торн, Рональд и Пьер подбежали к окну во двор. Во дворе, в свете факелов, стоял старый барон в белой рубаше и с мечом в руке. Весь двор был заполнен солдатами, которые добивали баронскую стражу. На возглас Фолверста обернулось несколько нападавших.

— Нет! — раздался крик, Торн узнал в кричавшем баронета Варанта.

Но поздно, кто-то метнул копьё, и оно пробило насквозь не защищенную грудь барона. Он покачнулся разжал руку и меч со звоном упал на булыжник, которым был замощен двор.

— О боже, барон погиб, — прошептал Пьер.

Они увидели, как во дворе зарубили баронессу, которая также в белой рубаше, очевидно после сна, с воплем кинулась к мертвому мужу.

Торн развернулся и они втроем выбежали из комнаты в коридор.

— Нам нужно спустится по боковой лестнице снова на первый этаж, — сказал Пьер.

Но Рональд бросился к главной лестнице и взлетел на следующий, четвертый этаж.

Оттуда уже одетая шла Полина.

— Что случилось? — спросила она в беспокойстве. На нас напали?

— Да, нужно уходить, госпожа — сказал Пьер, губы его дрожали от страха. Быстрее.

— А мама с папой?

— Мы их не видели, — соврал Торн и предупредительно посмотрел на остальных.

Пьер наконец схватил за руку юную баронессу и потащил за собой. В это же время с

центральной лестницы показались два нападающих, Торн и Рональд обнажили мечи и стали отступать, прикрывая Пьера и Полину. Скоро в коридор набилось около десятка солдат. Но поскольку коридор был узкий принц и капитан их успешно сдерживали. Так они достигли боковой лестницы, которая круто спускалась на первый этаж в погреб, минуя гостиную. Лампы на лестнице не горели и девушка оступившись подвернула ногу, вскрикнула и скатилась на пролет вниз. Рональд толкнул вниз Торна.

— Возьми ее, я прикрою, — крикнул он, и тут же отрубил наконечник копья первому из сунувшихся на лестницу солдат.

Они начали спускаться, впереди Пьер, за ним Торн, который на руках нес Полину. Замыкал Рональд, который пару раз вскрикнул на лестнице. Очевидно его достали.

Так они спустились в низ. Перед погребом на стене висел подсвечник. Пьер потянул за него кусок стены отъехал и показалась дыра вниз. Это был подземный ход за пределы замка. Если враг захватывал стены, защитники могли отступить в центральную жилую башню, где был запас продуктов для осады. Если нельзя было удержать центральную башню, то можно было уйти потайным ходом, который вел далеко за пределы замка. Они зашли в ход и дверь закрылась. Погоня осталась позади. Беглецы оказались в полной темноте.

— Сейчас, сейчас — сказал Пьер. Где — то здесь должно быть. Ага вот он чиркнул огнем и осветил узкий коридор, стены и потолок которого были из сырых бревен.

Пригибаясь, они пошли по ходу, который уходил сначала вниз. Пьер освещал путь, за ним хромала баронесса, которую сзади поддерживал капитан. Рональд замыкал группу. Шли они долго, хотя в темном туннеле восприятие времени было другим. Всем хотелось поскорее покинуть это место. Наконец ход пошел вверх. Пьер уперся в люк напрягся, сдвинул его и они вышли в небольшой овраг. Рядом журчал ручей, вокруг рос небольшой подлесок. Уже начинало светать. Ход заканчивался круглым деревянным люком, замаскированным сухими ветками. Пьер поставил крышку назад. Торн и Полина устало сели на камни возле ручья, Рональд пошел напиться.

— Как же там папа с мамой? — снова спросила девушка и посмотрела на Пьера, тот отвел глаза, и она всё поняла. Нет! Нет! Не может быть! — зашептала она.

В это время раздался плеск. Торн обернулся, Рональд прямо лицом упал в ручей.

— Пьер помоги мне, он может захлебнуться, — крикнул Торн.

Мужчины кинулись к Рональду. Вошли в ручей по колено, взяли по мышки принца и вытянули на берег. Когда его перевернули Пьер ахнул, а стоявшая позади Полина вскрикнула. Поперек лица принца шла рубленая рана, части носа не было и один глаз вытек. Но не это главное. В животе зияла огромная рана от копья. Вся одежда спереди и штаны были залиты кровью огромным количеством крови. Торн сидел в оцепенении. Полина, не в силах отвести взгляд, красными глазами смотрела на изуродованное лицо своего возлюбленного. На красавца принца, с которым она провела последние дни, ее голова тряслась от горя. Рональд был мертв. Торн вообще не мог понять, как с такими ранами можно было пройти весь подземный ход. Полину наконец прорвало и она с громкими рыданиями, побежала в лес. Пьер сначала постоял с минуту, он не знал, как утешить девушку, потом всё же пошел ее искать.

Торн закрыл единственный мертвый глаз принца. Он не уберег сына своего императора, нет ему прощения. Он привел врагов в дом барона Фолверста, который был ему как отец и погубил его семью. Торну было очень плохо, но потом рука его сжалась в кулак. Нечего себя винить, это не он наносил смертельные удары, их на носили чужие руки. А этими руками

управлял один человек. Нейл. Теперь его целью будет Нейл, он не успокоится пока не заставит горько пожалеть герцога о содеянном.

Он наклонился над Рональдом, пригладил его волосы. Снял спиралевидный талисман и повесил себе на шею, на память. Обернулся чтобы поискать Пьера, но не увидел того. Поднялся, нашел меч, и молча стал рыть им рыхлую землю. Когда он закончил и бросил последний взгляд на импровизированный холмик, он снова вспомнил про управляющего и девушку. Капитан направился в лес.

— Пьер, Полина, — звал Торн, шагая через лес.

— Торн, — раздался через какое-то время голос Пьера. Я здесь.

Торн пошел на голос. Выйдя на полянку он увидел Пьера, который сидел на поваленном дереве. На грязном лице управляющего блестели только глаза и две дорожки от слез.

— Ты не нашел Полину? — спросил Торн.

— Нашел, — ответил Пьер и кивнул в бок.

Ноги девушки были полусогнуты. Пояс привязан к нижней толстой ветке дерева. Глаза выкатились, посиневший язык торчал наружу. Она удавилась на собственном поясе. Торн стоял и смотрел на еще одно обезображенное смертью молодое лицо. Вот она настоящая цена власти и положения, страдания и смерть. Он вздохнул.

— Давай копать, Пьер.

18. Нейл

За столом сидели четверо. На ужин была рыба, овощи и лоттское вино. Император Нейл отложил нож с вилкой и взял бокал, чтобы сделать глоток вина. Одетый в красную тунику императора с золотой окантовкой, он задумчиво обвел взглядом сыновей. Вот рядом, справа, сидит Глемил, со стороны бы показалось, что они одного возраста с отцом, но отец был подтянут и похож на притаившегося засаде хищника. Глемил же был тощ, с длинным носом и упрямым подбородком. Теперь он был наследником престола. Но справился бы он с управлением страны, если бы Нейла не стало. Герцог думал, что нет, спесивый характер сына угробил бы империю за один год. Он перевел взгляд на среднего, Антара, этот старательный и терпеливый. Но ему тоже не быть правителем, слишком честный и не инициативный. Он бы смог удержать в руках империю дольше Глемила, но не более того. Слева сидел Никон, младший. Император вздохнул, здесь природа отдохнула, хотя силой и быстротой Никон уступал, только отцу, ни одной мысли в его глазах не читалось. К тому же он был чрезмерно жесток, не для дела, а ради самой жестокости. Да, наградила его женушка наследниками. Хорошо, что не он только не собирался умирать, но еще и пережить своё потомство.

Вот Рональд, тот молодец, он уже трижды ускользнул из рук Нейла, хороший сын, достойный враг. Но против него, Нейла, он всё равно ничто, поэтому новоиспеченный император и не напрягался на эту тему. Рано или поздно он поймает Рональда, а пока тот за границей, то совершенно не опасен. Тем более, что он уже взял под контроль южную армию, сменив всех офицеров на своих.

Давно пора было заняться делом, больше тридцати лет он пробездельничал, потакая гуманизму предыдущего императора. Надо было начать всё гораздо раньше, — думал Нейл. Взять власть над всем этим миром. Это единственное достойное занятие. Не разгонять же скуку способами Амелары, бывшей подружки Троха. Трох поэтому и сбежал от нее в глушь. Но Амелара будет полезной, это его единственный союзник, понимающий его полностью, стремящийся к тем же целям, но лишенный властолюбия. Пусть развлекается. Важно то, что она добыла первый ключ. Но где же второй, без второго первый бесполезен.

Нейл встал, пора заняться делом. Кивнув на прощание сыновьям, он пошел в свой кабинет. Там он должен был встретиться с Горбахом, главой церкви перекрестия, который инкогнито прибыл в Тьор. Нейл улыбнулся, комичность ситуации заключалась в том, что встреча пройдет в дворце тьорского главы церкви перекрестия. Бывший император из гуманистических побуждений оставил религию в империи. Ну а он Нейл, сразу выгнал этого бездельника. Кроме того, ему нужно было где-то поселиться, и он счел дворец тьорского епископа подходящим. Императорский дворец был занят восставшей гвардией. Этого он не учел, не учел того, что Рональд прорвется во дворец. Но штурмовать дворец он не будет, гвардия популярна в народе, поэтому не нужно в самом начале правления делать из них жертв. Только это останавливало его, а не то, как думало большинство, что при штурме погибло бы много солдат. Он положил бы столько людей ради любой цели, сколько было бы нужно.

До встречи с Горбахом оставалось еще полчаса, поэтому он зашел в кабинет взял ручной шлюз и спустился в подвал. Открыв дверь ключом и подсвечивая себе лампой, он вошел внутрь. В подвале были прикованы к стене три молодых парня. Кто они Нейл не знал, может

быть, пленные христианцы или гвардейцы, а может крестьяне, которым не повезло. Пленники были обнажены, у них были прикованы руки и ноги к стене, рты закрывал кляп. Они зашевелились, когда он вошел. Начали, что-то мычать требовать, или хотели узнать зачем они здесь. Сейчас узнают, подумал Нейл, и им это не понравится. Он поставил фонарь на бочку, защелкнул шлюз на руке. Подошел к ближайшему пленнику, посмотрел в умоляющие глаза и напряг руку. Император сразу почувствовал два укола в предплечье, это вошли иглы в руку. В тоже время вперед в направлении кисти и пальцев выдвинулись еще две иглы. Нейл вонзил их в тело жертвы, у которой уже не осталось сомнений, что она жертва. Нейл продолжал смотреть в расширившиеся от страха глаза. Да, бояться было чего. Он забирал жизнь. Через ручной биологический шлюз производил восстановление своего организма на клеточном уровне, за счет более молодого организма. Это нет было невыносимо больно для жертвы, всего лишь нападала усталость и желание спать. Однако коэффициент полезного действия у шлюза был маленький, он в буквальном смысле высасывал все жизненные соки донора за полчаса. Императору казалось, что он ощущает, как его тело распирает энергия, как оно молодеет и это чувство усиливал контраст затухания жизни в глазах жертвы. Когда-то Нейла это смущало, но постепенно ему даже стало нравиться смотреть в них во время процедуры, так он это называл.

Наконец пленник безжизненно повис в цепях, а двое остальных в ужасе затихли и перестали шевелиться.

— Вы на обед в следующий раз, — сказал император и вышел.

Он бодро поднимался по лестнице. Предыдущий император, полный идиот, он мог бы сейчас жить, если бы не его предрассудки. Нейл начал пользоваться шлюзом около десяти лет назад, когда заметил, что теряет былую скорость реакции. Он сказал себе, что это только для восстановления нужного боевого уровня. Но сейчас он уже не занимался самообманом и понимал, что он подсел, и больше не сможет отказаться от омоложения. Так же он знал, что чем дальше, тем больше процедур ему будет нужно. Амелара, судя по ее виду, вообще не прекращала пользоваться шлюзом, поэтому и сбежала с глаз долой на край света, чтобы старый император ее не видел и не знал, чем она занимается.

Когда Нейл поднялся в кабинет, Горбах уже был там. Он беспокойно ходил из угла в угол. Это был осанистый, сушеный старик, с большой окладистой бородой и маленькими бегающими глазками.

— Герцог, я погиб, Вы мне должны помочь, — с ходу начал тараторить Горбах.

— Я не герцог, а император, и я никому ничего не должен.

— Извините Ваше Высочество, — бросил взгляд Горбах на Нейла и тут же отвел глаза в сторону. Я к тому, что всё получилось не так, всё получилось плохо.

— Что же плохого, Нейл сел в кресло, — и начал следить за бегающим из угла в угол священником. Мы заманили армию Кристиандра и уничтожили ее, сам он у меня в тюрьме сидит. Разве не этого вы хотели?

— Как сидит в тюрьме, — Горбах даже остановился. Он же должен быть мертв?

— Я решил его оставить, на всякий случай, — пожал плечами император. Так чем вы недовольны?

— Регентом должна была стать Мариэта, моя прихожанка. Но этот поддонок просто зарезал ее и куда-то дел детей. Он всем управляет, при том, что он сам не управляемый. Теперь каждый в Хаубурге ходит по острию меча, он же может схватить кого угодно. А вы знаете слухи о его подвалах? Знаете? Это вовсе не слухи, — заявил Горбах опять начал

бегать из угла в угол.

— Я здесь причем? Я всё сделал. А Йохан Ваша проблема, — пожал плечами Нейл.

— Я не могу справиться с этой проблемой, никто не может, — признался священник.

Его можно уговорить только военным путем.

— Вы что же предлагаете мне напасть на вашу страну, — улыбнувшись спросил Нейл, разговор шел по нужному ему руслу.

— Нет, то есть да, — запнувшись ответил Горбах.

— Но мне что с того, с войны с Йоханом?

— Вы можете получить часть земель, например, графство Адлера, — предложил священник.

— Я и так его могу взять когда захочу, — ответил император. Мне это всё не интересно.

— Но Вы должны, — всплеснул руками Горбах.

— Повторяю, я ничего не должен, — ответил Нейл и налил себе бокал вина, не предложив гостю. Это вашей жизни грозит опасность, а не моей.

— Ну хорошо, — Горбах снова остановился в центре комнаты. А что Вы скажете, если я предложу вторую империю?

— Тогда я скажу, — ответил Нейл, — мне это интересно.

— Когда?

— Подготовьте мне пути и настройте народ против Мясника, я думаю это будет не сложно. И я приведу армию. Сколько это займет времени?

— Месяц, не больше. Я разошлю весть всем деревенским священникам, чтобы объявили Йохана дьяволом. А Вы готовьте армию, — Горбах кивнул на прощание и вышел.

Император сидел в кресле, потягивая вино, и строил планы. Он и так хотел вторгнуться в империю перекрестия, а тут такое совпадение. Очень хорошо, что Мясник влез на престол и стал опасен церковной верхушке. Когда перед любой религиозной организацией, а вернее перед ее вождями, встает вопрос либо она либо страна, то естественно судьба страны отходит на второй план. Горбах подготовит идеологическую почву для вторжения. Например, спасение империи от дьявола Мясника. Это сэкономит Нейлу время и ресурсы, а также заложит базу под объединение империй. А потом от культа перекрестия можно и нужно будет избавиться, чтобы не повторить судьбу Йохана. Он отпил вина.

19. Карел

Когда Карел пришел в себя он понял, что его ужасно тошнит. Он встал на колени и оторвал соленую воду с желчью. Руки тряслись от слабости, кроме того, было просто прохладно. Он повернул голову и увидел, что лежит на песчаном пляже, его выбросило на берег. Кусок корабля, к которому он был привязан исчез. Раздались какие-то звуки Карел с трудом повернул голову налево. Он увидел троих веллингов, тоже выброшенных на берег. Они пришли в себя раньше Карела и теперь ожесточено о чем-то спорили. Юноша усилием воли встал на ноги и шатаясь побрел к морякам.

Он шел по песку, прибой периодической пенными барашками накатывался на его ноги. Левее, шагах в ста начиналась полоса травы, а еще дальше был виден лес. Но сейчас его внимание было приковано к веллингам и к тому, чтобы просто не упасть. Пасмурное небо молча смотрело на его усилия.

Когда он приблизился к веллингам, те уже замолчали. Очевидно договорились. Карел вспомнил как зовут одного из них.

— Йорик, где остальные и где мы?

— Остальных, наверное, забрали боги пучины и сейчас они пируют в подводных залах с хвостоногими девами.

— С хвостоногими? — переспросил Карел, голова плохо соображала.

— Да, это когда вместо ног рыбий хвост, — сказал один из веллингов.

— А где мы? — спросил снова Карел, не акцентируя внимание на противоречии.

— А ты сам, что не видишь, — Йорик показал рукой на лес.

Карел повернул голову и наконец всё понял. Тот же цвет, те же ощущения. Лес древних. Он уже видел его. Точно такая же стена чуждых растений, как и прошлый раз. И это тянулось на многие мили вперед и назад.

— И что вы решили?

— Мы разошлись во мнении к чему мы ближе к восточной империи или к селлингам. И решили, что мы примерно по середине, пойдем к селлингам, украдем лодку и поплывем к себе на острова.

При слове поплывем Карела передернуло, за последние сутки он наплавался на всю жизнь. Ему было с веллингами не по пути. Ему надо в другую сторону, в Улесье, а оттуда на юг в Даргвилл. По той же дороге, по которой он шел уже с покойными Бьонни и Хортом.

— А как долго идти? — спросил он Йорика.

— Не знаем, неделю или две. Мы не ходили ни разу, всегда только плавали мимо. Но туда ходить нельзя, он показал на лес. Ты с нами?

— Нет мне в другую сторону, — помотал головой Карел.

— Ну как знаешь, удачи тебе, — веллинги попрощались с Карелом и пошли на запад.

А Карел сел на сухой песок и задумался, глядя вслед уходящим веллингам, как он две недели без оружия и еды будет идти по берегу. Он просидел полчаса, но так ничего и не придумал. Поэтому встал и просто пошел вперед, надеясь, что умные мысли придут ему в голову потом.

Он очень хотел пить. К вечеру, когда это чувство стало сводить с ума, Карел наконец наткнулся на ручей, вытекавший из леса древних и впадавший в океан. Он отошел поближе к лесу, чтобы найти место, где пресная вода не смешивается с соленой. Потом просто упал и

долго, долго пил прохладную чистую воду. Напившись, он обратил внимание на небольших, но многочисленных рыбок в воде. Карел зашел по пояс и попытался ловить их руками. Но не имея навыка, а он знал, что есть люди умеющие это делать, он ничего не смог поймать. Придется ложиться на голодный желудок подумал он и устроился около ручья, чтобы утром снова можно было напиться. От усталости, не взирая на голод, заснул он мгновенно и спал без сновидений.

Утром Карел умылся и напился. Перебравшись через ручей на другой берег, он вдруг обнаружил странную тропу. Вернее две узких тропы, которые шли параллельно вдоль ручья к лесу. Кто мог здесь ходить кроме древних? Никто. Интересно, как они выглядят и почему тропы две. О древних ходили самые разные легенды, но все легенды утверждали, что древние это монстры, не похожие на людей, и что у них есть несколько разновидностей.

Карел уже хотел пойти дальше, как вдруг почувствовал, что ноги стали заметно тяжелее. Идти уже никуда не хотелось, периферийное зрение выхватило силуэт, который приближался к Карелу со стороны леса. Он с усилием повернул голову, но ничего не увидел. В глазах расплывалось, он крепко зажмурился и резко открыл глаза. К нему приближалось темное расплывчатое пятно. Затем пятно начало таять и постепенно опять растворилось в воздухе. Но Карел на уровне инстинктов ощущал, что кто-то очень опасный находится рядом. Весь опыт его, накопленный на уровне генов, кричал — беги, беги отсюда. Но он, наоборот, сел и не мог подняться. Виски зажало жуткой болью, в которую словно сверло ввинчивался крик.

— Ээээй, эгей!

Вдруг давление на виски пропало. Постепенно проходила боль в голове и восстанавливалось зрение. Он повернулся в сторону звуков и увидел дракон веллингов или селлингов, стоящий у берега. Несколько человек спешили к нему бегом. Он посмотрел в сторону леса, но никого не увидел. Наконец люди подбежали к нему. По разношерстной одежде с большой примесью кожи и мехов, а не обработанной ткани, Карел определил в них веллингов. Их предводитель, белокурый великан с косичкой, обратился к нему.

— Ну как ты цел? Вовремя мы успели!

— Цел? Не понимаю, о чём вы, — спросил Карел вставая с песка и отряхиваясь.

— Так ты не веллинг? — спросила рыжая женщина лет двадцати пяти. Хотя носишь нашу одежду.

— Нет, не веллинг а одежду мне подарили на драконе Рокнара Рыжего, он спас меня от смерти. А потом нас потопил глондарский корабль и вот я здесь на берегу.

— Рокнар Рыжий погиб! — воскликнул блондин. Вот горе! Проклятье небес на Глондар!

— Но о чем вы говорили, когда подошли? — переспросил Карел.

— Когда мы причалили к берегу, то увидели, что ты, а мы приняли тебя за своего, сидишь на песке. А к тебе подкрадывался мерзкий лесной тролль.

— Кто? Я никого не видел.

— Они славятся умением отвести глаза. Если бы не мы, он тебя бы схватил.

— Вы увидели меня с моря?

— Нет мы всегда здесь останавливаемся по дороге на острова. Запасаемся питьевой водой. Дальше на восток ее больше нигде нет, до самого Улесья. Да и тот сожгли селлинги.

— Как вас зовут? — спросил Карел.

— Меня Саванна, а это Сигурд, — кивнула она на великана. А ты куда теперь?

— Спасибо Саванна и Сигурд, опять меня спасли веллинги. Я думал, что смогу дойти до Улесья. Но теперь понимаю, что ошибался. Получается, что единственный выход, если вы возьмете меня с собой?

— Конечно возьмем, — больно хлопнул его по плечу Сигурд. Зря мы что ли спасли тебя от тролля.

— Думаю, что на расстоянии двух-трех дней пути отсюда на восток мы сможем подобрать троих оставшихся от команды Рокнара.

— Так чего же мы ждем, — спросил Сигурд.

Они погрузились на корабль. Опять я в море, — подумал Карел, но это лучше, чем попасть в лапы, или что там у него вместо лап, древнего.

Они проплыли довольно далеко вдоль берега, внимательно его оглядывая. Но следов Йорика и его двух спутников так и не нашли.

— Наверное их забрали тролли, — скрестив пальцы, сказала Саванна.

— Идем домой, командовал Сигурд.

— Уходи! — крикнул Колле остановившейся было Мос, а сам натянув поводья развернул свою лошадь так, чтобы она оказалась между Хансом и погоней. Он бросил взгляд на крестянца и понял, что самостоятельно тому не подняться. Лошадь придавила ногу. Совсем чуть — чуть, но этого достаточно. Ханс пытался упереться второй ногой в спину лошади, чтобы спихнуть тушу, но у него ничего не получалось. Колле это уже не интересовало, контрабандист выхватил меч и решительно смотрел на приближающуюся погоню. Однако солдаты начали сдерживать коней. А затем совсем остановились, не доехав до беглецов. От них отделился один, который почти подъехал к Колле, но крикнул почему-то ему за спину.

— Моррет, это преступники, уйди с дороги. Отдай их нам.

Колле обернулся и увидел, что из открытых ворот города к ним приближается отряд стражи, ошестинившийся копьями и арбалетами.

— Жак, я тебя предупреждал, что если ты или твоя банда снова окажется на нашей земле, то я всем отрежу уши? — ответил, очевидно, Моррет, лысый франт в богатом костюме, но поджарый и с опасного вида шпагой в руке.

— Да, ну и что? — спесиво ответил Жак, но Колле ухватил в его голосе отзвуки нерешительности. Это преступники! Они убили барона!

— А то, что ты стоишь прямо на черте, Жак. На той черте, переступив которую, у тебя начнется новая жизнь — загробная! Твоего барона давно пора было повесить! Клянусь еще шаг и мы вас расстреляем, — Моррет поднял руку, давая команду прицелиться арбалетчикам. А если после этого ты, Жак, останешься еще жив, то пожалеешь, что не умер.

На несколько секунд повисло молчание. Конь Жака переминался с ноги на ногу, словно отражая смятение царившие в голове его всадника. Но вот Жак принял решение.

— Возвращаемся, — сказал он своим людям. А с тобой Моррет мы еще увидимся.

— Я бы на твоём месте не торопил встречу, посмотри как красиво на этом свете, — усмехнулся Моррет, и отвернулся от удаляющихся леранцев. Да снимите наконец с него эту лошадь, олухи!

Солдаты окружили Ханса и стащили с него коня. Тот поднялся и сделал, прихрамывая, несколько шагов. Ничего не сломано, с облегчением подумал Колле. Подъехала Мос. Они слезли с коней и подошли к Моррету.

— Спасибо. Вы спасли нас.

— Кто вы такие и почему за вами гнались эти мерзавцы? — черные глаза Моррета оценивающе переходили с одного контрабандиста на другого, несколько дольше он задержался на Мос.

— Мы братья этой девушки, — ответил Колле, который почувствовал, что начальник стражи распознал пол Мос. Барон похитил ее и надругался, мы отомстили. Это в нашем праве.

— Братья, — фыркнул Моррет. С каких пор леранцы и крестянцы братья? Даю пять злотых, что тот увалень из-под лошади, крестянец, а ты из столицы Лераны. Слишком чистая у тебя речь при такой деревенской роже.

Колле промолчал. Моррет снова оглядел их и Мос. Взгляд его опять на некоторое время задержался на ее глазах.

— Ну, хорошо. В целом я вам верю. Про барона и его банду всем в округе известно. Удивлен, что его раньше никто не зарезал. Но вы должны пошлину за въезд в город, которую определяю я. Помимо этого, мы вас спасли и укроем от преследователей. Поэтому, за всё это, я забираю двух ваших оставшихся лошадей, все равно вам на них назад не проехать, — Моррет кивнул в сторону удалившихся солдат.

Ханс положил руку на рукоять арбалета. Колле посмотрел на копья и стрелы стражников и покачал головой, успокаивая христианца.

— Договорились, две лошади. это небольшая цена за наши жизни.

— Я вижу ты не дурак, — улыбнулся Моррет. Пойдем я подскажу вам, где можно не дорого поселиться.

Через некоторое время друзья шли по узкой улочке, где с трудом разъехались бы два всадника. Дома буквально напозлали друг на друга. Они были по четыре, пять этажей и из-за этого солнце практически не проникало на узкую улицу. Над головами нависали балконы верхних этажей. Мостовая была из булыжника, дома кирпич и камень. Нигде не было ни дерева.

— Ничего себе, — заметил прихрамывающий Ханс, у них очевидно проблемы с местом, не хватает для нормальной жизни.

И тут тройца вышла на огромную площадь, опровергающую слова христианца. Это была центральная площадь города. На ней находилось огромное количество людей в непрерывном движении. В центре площади стояли торговые ряды, уходившие вдаль, в сторону пристани. Вокруг рядов были площадки для развлечений, состязаний и борьбы. Прямо сейчас шло представление циркачей акробатов, которое шумными возгласами поддерживала собравшаяся толпа. Рядом раскинулось покрытое песком ристалище. На нем шел учебный бой. Десять на десять меченосцев. Боевым оружием, как было видно по кровавым царапинам у некоторых фехтовальщиков. Вокруг площадки собралось несколько десятков солдат с самым разнообразным оружием и в одеждах разных цветов, выдающих принадлежность к нескольким отрядам наемников. Большинство из них отдавало предпочтение десятку меченосцев в зеленом, которые ощутимо теснили соперников. Зрелище было интересным, но друзья прошли мимо. Затем они миновали храм перекрестия, возле которого с удивлением увидели столбы северных богов. Несколько селлингов, как раз складывали подношения идолам.

— Я слышала, что селлинги и веллинги до сих пор приносят человеческие жертвы своим богам, — сказала Мос.

— Нет, — ответил Ханс, обрадованный, что Мос наконец вступила в разговор, — то есть селлинги не приносят. Про веллингов ничего не могу сказать, не видел.

— Думаю это сказки, — поддержал товарища Колле, оглядываясь. Мне кажется постоялый двор, который рекомендовал Моррет в том доме. Видите две башенки, а посредине флаг. Правда он не желтый, а белый. Но мог просто выгореть на солнце.

— Этот урод отобрал у нас лошадей, — буркнул Ханс.

— Он спас нас, — Мос успокаивая положила свою ладонь на руку великана.

— Ага, точно здесь, — занятый своими размышлениями сказал Колле. А вон и хозяин. Сегодня отдохнем, а завтра будем искать корабль.

Постоялый двор действительно оказался не дорогим, он занимал третий и второй этаж четырехэтажного здания. На четвертом была квартира какого-то купца, в нее снаружи вела отдельная винтовая лестница. Первый этаж занимала таверна, где просто, но вкусно

готовили. Жаренное и вареное мясо, естественно рыба в любом виде, по утрам свежий горячий хлеб, по вечерам эль собственного приготовления. Постояльцы были в основном моряки, а не солдаты или купцы.

Утром все трое, отправились напрямик в порт искать судно, чтобы добраться до Лестерваля. Ханс постоянно что-то говорил, что было для него не свойственно. Он пытался отвлечь Мос от плохих воспоминаний. Колле наоборот был не в меру задумчив. Они обошли уже много кораблей, идущих на юг и поняли, что остатка денег Мос и их сбережений не хватит, чтобы ехать пассажирами. Ханс опять напомнил про лошадей, которых можно было бы продать, но никто не поддержал его.

— Мы можем наняться охраной к купцу, — высказал идею Ханс.

— Оглянись вокруг, глупый христианин, что ты видишь? — спросил его Колле.

— Что? — завертел головой Ханс. Корабли!

— Наемники, — вздохнул Колле. Вокруг огромное количество вооруженных людей, и я уверен, что наем охраны хорошо организован, чтобы избежать неприятных инцидентов. И ни один купец или капитан не возьмет людей со стороны даже за меньшую оплату.

— Но что же нам делать, —

спросила Мос.

— Не знаю пока, — ответил Колле и они остановились у помоста на котором продавали рабов.

То что Свободная Республика была свободной и ее вожди выбирались из уважаемых и уважаемых граждан не мешало доходной работорговле. Кроме того, общество состоявшее из купцов, солдат и моряков должен был кто-то обслуживать на суше. Колле молча смотрел на торги. Затем подошел к одному из работорговцев и начал что-то оживленно с ним обсуждать. Работорговец показывал рукой на соседнее здание.

— Подождите меня здесь, — сказал Колле.

Он подошел к дверями и спросил что-то у раба. Раб ушел внутрь и вернулся с непомерно толстым бочковидным господином. С ним тоже Колле затеял оживленный разговор. Очевидно, это был купец, который периодически поглядывал на Ханса и Мос.

— Уж не решил ли этот подлый леранец продать нас в рабство, — пробормотал Ханс. Или меня.

— Ну вот, — сказал подошедший наконец Колле. Я договорился.

— О чем?

— Мы отдаем ему половину денег и отрабатываем другую. Он как раз везет муку в армию Лестерваля.

— Как отрабатываем?! — рявкнул христианин.

— Да, Колле, как? — спросила Мос.

— Мы с тобой, мой глупый деревенский друг, будем надсмотрщиками над рабами во время рейса, — хлопнул Колле по плечу Ханса.

— Что?! Чтобы я стал надсмотрщиком?! — взревел христианин. Это недостойно солдата или честного контрабандиста.

— Вот и я так подумал! Местные нам не составят конкуренции в этом. Тем более хозяину понравились твои размеры, он уверен, что ты можешь усмирить любого без оружия, не нанося вреда, — засмеялся Колле.

— Нет, никогда.

— Ты хочешь ехать или нет упрямец? Посмотри на Мос, она зависит от нас, мы

обещали.

Последний аргумент христианину крыть было нечем. Он со вздохом согласился и спросил, когда отбывать.

— Сейчас, галера уже грузиться! Пошли.

Дальнейшее путешествие на юг было достаточно скучным. Рабы вели себя спокойно и обреченно. Проблемы возникли с другой стороны. На большой галере забитой мешками было еще два надсмотрщика. Они сначала в штыки приняли Ханса и Колле, и даже попытались продемонстрировать своё физическое превосходство. Однако Ханс в одиночку быстро донес до них ошибочность такого поведения. С тех пор надсмотрщики старались держаться подальше, опасливо поглядывая на великана.

Один раз на горизонте показался черный силуэт большего парусника. Этот парусник некоторое время сопровождал галеру, потом снова растворился за горизонтом. Колле стало интересно, и он подошел к рулевому матросу.

— Что это за корабль? — спросил.

— Пираты.

— Пираты?! — удивился Колле. А почему же они не напали?

— А зачем? Они же знают, что мы везем муку в армию, а не золото, у них в порту свои люди. Кроме этого, хозяин им платит процент за безопасный проход.

— Вот как! И они спокойно так плавают и всех обложили данью.

— А кто им помешает, — рулевой сплюнул. Мы идем мимо Рассеянных островов, видишь?

Колле не видел, он ничего не понимал в морском деле. Но в доставке грузов был специалистом и в нем проснулся профессиональный интерес, почему никто не борется с пиратами.

— Борьтсья не кому, — продолжал матрос. Глондар далеко, что им здесь делать, тем более что это воды Лераны. Лоттлэнд тоже далеко. Хотя с лоттами стараются не связываться даже пираты. Они всегда снаряжают боевые корабли после нападения, ловят пиратов и вешают. Мстят. Спокойнее грабить чужие суда или просто брать дань.

— Но постой ты сказал, что воды Лераны?

— Так у вас опять революция, вам не до пиратов, вы друг друга режете, — матрос глондарец посмотрел на леранца и снова сплюнул в сторону.

Колле задумчиво отошел к борту и посмотрел на изумрудную воду, искрящуюся на солнце. Да матрос был прав, у них постоянно, что-то случалось. Поэтому он и предпочитал держаться подальше от столицы, где родился. Из его соседей мужчин ровесников, оставшихся в Леранце, живым остался только он. Леранец повернул голову и увидел Мос стоящую на корме. Ее взгляд был устремлен вдаль океана, а волосы развевались на ветру. Колле невольно залюбовался девушкой, мрачные мысли покинули голову контрабандиста.

Когда галера разгрузалась, Мос, Ханс и Колле уже шагали по Мороку, городу колонии на южном континенте. Они искали штаб армии Лестерваля, генерала леранской армии, который уже несколько лет вел войну с нулгами за этот форпост.

Хотя Морок располагался через пролив от леранского города Гаранж, казалось, что Лерана очень далеко. Жара была такая, что раскаленный воздух и пыль мешали дышать. Многие на улице носили лицевые повязки. Любой порыв горячего воздуха вызывал перемещение в нем песка и пыли, из которых состояла улица. По бокам улицы ютились белые глинобитные домики. Они, наверное, остались от оседлых нулгов, живших торговлей

пока город не заняла леранская армия.

Наконец они увидели двухэтажное строение с флагом и пошли в его сторону. Это действительно оказался штаб. Генерал с основными силами где то в пустыне гонялся за Марапаном, молодым принцем нулгов. В штабе находилось несколько солдат в красно-синих мундирах, занимавшихся какими-то хозяйственными делами.

Друзья не успели ничего спросить, как во двор влетел всадник весь покрытый белой пылью.

— Нулги вырезали восьмую заставу и движутся сюда! Собирайте всех.

Люди в мундирах забегали. Некоторые выскочили в город и побежали по улицам созывая сбор.

— Нулги! Нулги! Срочный сбор в штабе.

21. Нейл

Хельмут радостно таскал хворост к столбу, предстояло увлекательное зрелище. Давно он такого не видел. Сколько же прошло лет, после того как в соседнем селе утопили семью колдуна. Два или три года, наверное. Он до сих пор помнил, как кричали отродья еретика, когда их связанных запихивали в прорубь. Но сегодняшнее представление обещает быть еще веселее. Будут сжигать вдову Марту. Колдунью. Она была женой его младшего брата, пока того не забрали в армию, где он и погиб. Марта осталась одна с маленькой дочкой. И тогда она начала колдовать, да тогда. А может раньше?! Она наколдовала себе такую внешность, что все завидовали его брату, когда тот еще был жив. Но потом она напустила чары и на остальных мужчины села, заморозила. Они стали ходить к ней один за одним по ночам и уносить из своих домов для колдуньи разную утварь, муку, мясо, кто — что. Вот мерзкая тварь. Хельмут тоже ходил, он помнил хорошо, что Марта сказала, что не пустит его, если он не принесет соли. А соль была очень дорогая, вот ведь ведьма. Поделом ей. А потом женщины собрались и обратились к священнику, рассказали ему про колдовство, и тот сказал, что ведьму надо сжечь, чтобы избавиться от ее чар. И вот он идет, преподобный Бахерт. Двое селян ведут колдунью, они тоже были под ее чарами, Хельмут знал это. А сейчас она простоволосая и босая, трехлетняя дочка цепляется за подол балахона. Ага хорошо, пусть идет, столб врыт, хворосту они натаскали. Вот же ведьма. Хельмут помнил, как она пришла к нему после смерти брата. Хотела навести чары. Чтобы он отдал ей часть семейного надела, который принадлежал брату. Но нет, не удалось тогда. Чтобы он отдал разбазарил землю их семьи, отдал какой — то ведьме. Нет. Он старший, брата больше не было, и земля должна была снова вернуться в семью. Он правильно поступил. Нечего ведьме пользоваться их добром. Урожай последнее время хорошие, может быть, будут даже деньги послать старшего в Хаубург учиться на священника.

Вот Бахерт остановился. Все селяне собрались на площади. Все преклонили колени. Священник читал молитву, он призывал бога быть милосердным и пустить душу ведьмы Марты на вечные дороги, ведущие к перекрестию. Истово молил его, бога, помочь заблудшей душе. Хельмута переполняла гордость, что он участвует в таком богоугодном деле, спасает душу своей невестки.

Наконец Бахерт сделал знак, и селяне поднялись. Он сказал убрать девочку, и кто-то попробовал увести ее, но она вцепилась в подол матери и начала вопить, на помощь устремились две женщины, им помогла сама Марта.

— Мама, мама, — вопила девочка.

— Заткните рот ведьмовскому отродью, — сказал священник. Готовьте ведьму к очищению от грехов.

Мужчины отступили и на Марту бросился десяток женщин. Тех чьи мужья были околдованы, отметил Хельмут. Они сорвали с колдуньи одежды, выдрали несколько клочков волос, исцарапали лицо. Марта принимала побои молча, закрыв глаза и прижав руки к низу живота. Когда женщины повалили колдунью и начали ее топтать ногами, священник наконец дал указание мужчинам усмирить жен и привязать Марту к столбу.

Его указание было выполнено. Он спросил ведьму признается ли та в колдовстве и готова ли покаяться, чтобы спасти свою душу. Но Марта только молчала, по опухшему от синяков лицу текла кровь, золотые волосы были включены, веревки туго впивались в белую

кожу, голубые глаза были пусты. Женщина находилась в ступоре. Но вот снова завопила ее дочь, Марта подняла голову ее глаза обрели понимание и наполнились слезами. Но снова она не произнесла ни слова.

— Поджигай, — дал команду священник.

Костер весело загорелся, пожирая сухой хворост. Сбоку стояли два крестьянина с мехами, они сдували дым в сторону от колдуньи, чтобы та не задохнулась раньше времени и чтобы всё было видно, зрелище было редкое. Селяне, несмотря на жар костра, с любопытством двинулись вперед и вплотную окружили столб. Кто-то посадил шестилетнего мальчика на плечи, чтобы тому было лучше видно ведьму. Хельмут увидел, как огонь добрался до обнаженных ног колдуньи, и они на глазах начали вздуваться волдырями. Раздался душераздирающий вопль, Марта наконец нарушила своё молчание. Тут же снова завопила дочка ведьмы. Хельмут увидел, как его сосед протягивает на руках девочку священнику.

— Ваше преподобие может ее тоже туда, в костер, вона мне руку прокусила, тварь.

Священник собрался, что-то ответить, открыл рот. Но из него вместо слов вдруг потекла кровь. Хельмут удивился и сначала не понял в чем дело. Но опустив взгляд увидел стрелу торчащую из груди Бахерта. А тот с открытым ртом и выпученными глазами упал лицом в костер.

Селяне завопили и подались чуть назад. На деревенскую площадь выехали два всадника в доспехах.

— Что за ерунда здесь происходит? — спросил один из них.

— Святоши развлекаются, — отвел его собеседник. Убить их всех, чтобы никто не ушел, слышишь меня, Никон! — сказал всадник и разрядил арбалет в воющую на костре женщину, сразу стало тихо, когда Марта повисла на путях с пробитым стрелой лбом.

— Да, отец, хорошо, — ответил Нейлу Никон. Вперед! Мечь крестيانцам! — закричал Никон и ткнул копьём в ближайшего крестьянина.

Хельмут с удивлением увидел, как копьё пробило ему живот, а потом всадник оторвал его от земли и сбросил в костер. Хельмут завопил громче Марты, его внутренности вывалились на горящие головни. А тем временем тьорская кавалерия преследовала разбегающихся крестьян. По пути сюда, еще на своей земле, они видели разоренные крестيانцами села, и их сердца наполнялись жаждой мести. Сейчас они потеряли голову давя крестьян конями, рубя мечами и накалывая на копьё.

Нейл, оставил один конный полк Никону, а сам с тремя поскакал дальше. Никто не должен знать, что они пересекли границу. Четыре кавалерийских полка не останавливаясь шли в Хаубург, убивая всех на своем пути, чтобы никто не знал, что они здесь. Еще четыре пехотных полка давно отстали, их вел средний сын Нейла Антар. Старший Гелмил остался дома править. Новый император Тьора хотел взять столицу империи Перекрестия и ее императора Йохана внезапностью нападения, а не длительной кровопролитной войной или осадой. До Хаубурга оставалось полдня пути.

Два стражника на башне главных ворот лениво обсуждали предстоящий рыцарский турнир, главной особенностью которого была неизвестность участников. Поскольку весь цвет рыцарства предыдущий император похоронил в Тьоре. Все гадали кто же будет выступать на турнире в честь коронации Йохана.

— Смотри, — кто это как думаешь? — спросил один из стражников.

Второй повернулся и посмотрел на сотню всадников, мчавшихся к воротам. Ни флага,

ни гербов на щитах не было. Странно.

— Не знаю, может Мясник возвращается.

— Не говори так?! Ты что! — испуганно возразил другой. Сам хочешь попасть не фарш к нему?

В это время всадники неторопливо въехали на подъемный мост через ров. Стражники снова посмотрели на них, на коней броню, щиты.

— Это, это, кажется не наши? — спросил первый.

— Рубим канат, это Тьор!

Они ударили мечами и быстро перерубили канат. Решетка упала, но успеют ли они поднять мост. Один из стражников затрубил в рог сигнал «Тревога! Враг у ворот». Другой посмотрел за стену и увидел уже лавину всадников, приближающихся к городу. Он перевел взгляд вниз, на мосту несколько спешившихся тьорцев, а сомнений, что это они не оставалось, собирали из деталей, привезенных на вьючных лошадях, большую катапульту. Трубач престал играть и побежал посмотреть на внутреннюю лестницу. Отлично, лучники уже поднимаются. Вдруг мощный удар потряс башню городских ворот. Он решил посмотреть за стену и бросился к ней.

— Они выбили решетку, — уже завопил второй стражник.

Но первый стражник уже и сам видел вливающуюся на полном скаку в город кавалерию.

Через два часа Нейл, сидя на троне императоров перекрестия в императорском замке, Хаубурга принимал Никона и полковников с отчетом.

— Отец, Йохана в городе нет. Он уехал два дня назад. И почти нет солдат. В городе никого не осталось. Это странно.

— Мне кажется он знает, что мы здесь. В этом замке действительно есть подвал Мясника?

— Да, — Никон содрогнулся.

— И что там?

— Одни трупы, мы всех добились... Чтобы не мучились, — сказал Никон. Но что будем делать?

— Оставим небольшой гарнизон и уходим.

— Уходим? — переспросил Йохан.

— Да, я думаю, нам нужно успеть спасти нашу пехоту.

В двух днях пути от Хаубурга на восток в ущельях южных христианских гор раскинулся большой военный лагерь. В нем реяли флаги христианских рыцарей, а также вассалов таких как барон Нугард, граф Шварцвальд, герцог Луг и многие другие. Над самым большим шатром в центре развивался императорский штандарт. В шатре сидел император Йохан и что-то писал. Закончив, он встал и подошел к дыбе, на которой висел кровавый кусок мяса, когда-то бывший человеком.

— Нет, Горбах, ты так просто не умрешь, я продержу тебя, изменник, до тех пор, пока ты не увидишь, как погибли твои планы. А после этого ты сам будешь молить меня, твоего императора, которого ты предал, о милости. И если я буду милостив, я подарю тебе смерть. Решил объявить меня дьяволом. Так я и есть дьявол, только ты еще не знаешь, что это такое.

Йохан прислушался к чему-то. К шатру подъехал всадник. Он отвернулся от Горбаха и вышел наружу. Его охрана держала под узду лошадь курьера. Тот уже спрыгнул с коня и поклонился.

— Ну что? — нетерпеливо спросил император.

- Тьорская пехота вошла в ущелье.
- Отлична новость, — рассмеялся Йохан.

22. Торн

Торн ехал на лошади в простой одежде, уже не выдававшей его принадлежность к Тьору, но со своим старым мечом на поясе. Он размышлял, о превратностях судьбы. О том, что ему делать дальше. Он не выполнил свой долг защитить императора и теперь им двигала месть. Но при этом он помнил, что в осаде оставались Хоргот и около двух сотен его людей. Мог ли он им помочь, или им проще сдаться, поскольку теперь Нейл стал законным императором, но разве может быть законным император, убивший своего предшественника и его сына. Эти мысли разрывали его голову и сердце. Золотой век Тьора закончился, считал капитан гвардии. Рано или поздно страна скатиться к тому состоянию, что и сорок лет назад, когда в ней правили христианцы. Войны приведут к разрушению экономики страны и деградации населения. Как этого не понимает Нейл. Нет он просто обязан его остановить. Но как? Что может простой капитан, без гвардии, без армии и почти без денег. Сейчас его мгновенно схватят, если узнают. Он осознал горькую истину, что сейчас он изгой из своей страны. Хорошо, что у него не осталось семьи в Тьоре. Но остались люди Хоргота. О! Как это сложно. Не лучше ли продать свой меч, тому кто больше заплатит в Лоттлэнде, куда он сейчас ехал. Или в Леране, или в Глондаре. А может быть податься в Республику. Но оставалось еще одно. То, что он не успел сделать, он не успел расшифровать и отдать Рональду дневник его отца. Не было времени. Теперь в память о Рональде он должен доделать это. Кто знает, может это поможет справиться с Нейлом. Капитан помнил о какой-то тайне, связывающей Нейла и предыдущего императора.

А пока он действительно попробует продать свой меч. Жить на что-то надо. Деньги подходят к концу. С этими мыслями он подъехал к Стене Лоттов. Это гигантское сооружение пятнадцати метров в высоту окружало сухопутные владения лотов, фактически четыре горные долины, напротив которых располагалось семь островов Лоттгарда. Лоттлэнд был морской державой, с флотом которого мог поспорить разве, что Глондар. Мастера кузнецы были не менее искусны, чем христианские. А вино четырех долин ценилось выше леранского. Но правили городом купцы. Король Лоттлэнда зачастую выбирался из их числа. При этом король Лоттлэнда был очень могущественной фигурой в мире. Никто ни разу не смог завоевать Лоттленд, горы и острова, которых во внутреннем море было около двухсот было очень трудно покорить. А после того, как двести лет назад была построена стена для защиты от христианцев, никто не зарился на богатства Лоттлэнда. Поэтому все государства держали деньги в лоттских банках, представительства которых были во всех странах. Уже никто не был заинтересован в нападении на Лоттлэнд. У лоттов была немногочисленная, но хорошо вооруженная и обученная армия. Последние сорок лет, это был один из основных союзников просвещенного Тьора.

В одних из ворот, называемых восточными, Торн прошел полный досмотр лоттской стражей. Было записано, его имя, вымышленное, на какое время и зачем он едет в Лоттгард.

Ближе к вечеру Торн стоял на пароме, идущем на дворцовый остров Лоттграда. Там были сосредоточены муниципальные службы и было много гостиниц. Коня пришлось продать, поскольку на территории Лоттгарда пришлось бы платить за него большую пошлину, что могли себе позволить только очень богатые люди.

Сойдя с парома, капитан пошел на главную площадь любясь скульптурами, стоявшими прямо на улице, дворцами покрытыми росписью и фресками. Это был самый красивый

город. На главной площади били фонтаны. Великолепием мозаики поражал королевский дворец, вдоль которого стояла гвардия в богатых одеждах. Но целью Торна был не он, а более простое здание городской архив. Здесь оказывались услуги связанные с переписью и производством книг и всему подобному.

Капитан вошел через широкие распахнутые двери в залитое заходящим солнцем светлое помещение. Окна были огромные, а стекла были изготовлены таким образом, чтобы собирать внутрь максимум света. Вдоль стен стояли полки со свитками и книгами, а по всему залу столы, за которыми трудились писцы и клерки. Некоторые уже заканчивали работу и собирали письменные принадлежности.

Торн спросил одного из них, как найти того кто занимается шифрами. Клерк указал на толстого, молодого, но уже с залысынами писца. К нему и направился капитан.

— Мне бы хотелось перевести или расшифровать небольшую книгу, — начал он.

— А деньги есть? — недовольно спросил, оторванный от работы клерк, Торн потряс кошельком.

— Ну хорошо, покажите.

— Никогда ничего подобного не видел, — сказал писец, через какое-то время. Оставьте мне дневник, я зайду вечером к своему учителю и расспрошу его. Да нет, не волнуйтесь я ничего не потеряю.

— Только, если вы прочитаете, вы должны сохранить всё в тайне, чтобы там ни было.

— За кого вы меня принимаете, — возмутился клерк. У нас же профессиональная этика.

— Ну хорошо, — сказал Торн отдавая дневник, не посоветуете, где поселиться.

— На площади самые дорогие и комфортабельные гостиницы, — оценивая окидывая взглядом Торн, ответил клерк. Дешевле на берегу или на других островах, там и виды могут быть лучше, — добавил он. Заходите завтра часов в десять.

Торну удалось найти не дорогой постоялый двор на берегу, он поужинал рыбой и лег спать. На утро он прогулялся еще раз по острову, рассматривая великолепную лоттскую архитектуру и пошел в архив.

Клерк уже ждал его. При виде Торна он встал и поприветствовал его.

— Как успехи, спросил капитан.

— Плохо. Учитель говорит, что это математический шифр, а не экзотический язык или простая перестановка букв. Он говорит, что с этим должен справиться его друг профессор Форен из Аквилского университета, что в Леране.

— Спасибо, сколько я должен?

— Нисколько, ответил клерк, работа не была выполнена. Я дал просто совет.

Торн вышел из архива и задумался, придется искать корабль в Аквил. Деньги от продажи лошади у него еще были, ну что ж хоть какая-то цель.

Он сел на паром и переправился на один из двух портовых островов. Здесь кипела другая жизнь, корабли склады, грузчики, товары. Он довольно быстро нашел глондарский корабль, который вез рыдонские ковры и лоттское вино в Глондар, с остановкой в Аквиле. На корабле было несколько пассажирских кают, одну из которых сразу занял Торн, в Глондар плыли еще два человека помимо него.

Проплыв через леранский пролив, оставив справа Гаранж, а слева Морок, корабль вышел из внутреннего, иногда его называли лоттским, моря в открытый океан, держа курс на Аквил. Торн стоял на корме наблюдая за шлейфом белой пены, остающейся в лазурных

водах. Солнце отражалось в воде тысячами искр. Настроение у капитана гвардии было хорошее.

Но сейчас он наблюдал непонятную суету на корабле, полтора десятка матросов вооружились, а одного посадили на мачту, все паруса были подняты. Торн понял, что это меры предосторожности от пиратов, справа по курсу был континент, Лерана и Аквил, слева океан и Рассеянные Острова, прибежище пиратов. Торн поднял глаза и увидел на горизонте темную точку.

— Корабль, — закричал матрос с мачты.

Началась суматоха. Корабль пытались развернуть в сторону берега. Но как ни мало понимал в мореходном деле Торн, он чувствовал, что ветер дует с берега и с полной оснасткой не так просто идти против ветра. А черная точка увеличивалась и судя по всему шла курсом, который должен был отрезать их корабль от берега. Наверное, это весельная галера, подумал Торн. Через полчаса, галеру стало хорошо видно, а до берега было еще далеко. Корабль пиратов был гибридом галеры и парусника, и сейчас шел практически только на веслах. Торну совсем не хотелось участвовать в морском приключении с пиратами. Он посмотрел на маленького горбоносого капитана корабля, который бегал по палубе и размахивал руками. Он раздал матросам арбалеты, что совершенно не придало им уверенности и попросил пассажиров разойтись по каютам, что все и сделали, за исключением Торна. Капитан гвардии показал на свой меч и выразил желание присоединиться к команде, а капитан корабля оценив его грозный вид не стал противоречить. Торн знал, что морские законы были жестоки. Победитель, либо убивал команду либо продавал в рабство. Моряки не были заинтересованы в том, чтобы пираты продолжали плавать. А пираты в том, что кто-то узнает об их подвигах на суше.

Еще через полчаса, когда галера приблизилась, Торн понял две вещи. Первая, что они не успеют уйти. Вторая, что шансов у них нет. По его оценке на пиратском корабле могло быть около пятидесяти человек.

Скоро с пиратского судна, которое уже шло бок о бок, прозвучало предложение сдаться в обмен на жизнь. Но капитан корабля был не дураком и всё понимал. Матросы с арбалетами залегли за бортом. С галеры полетели крючья с веревками. Матросы пытались их рубить, но стрелы пиратов заставили их залечь. Пираты стали перепрыгивать на торговый корабль. По большей части без доспехов, с простыми саблями. Но их было много, Торн оценил правильно, около пятидесяти. Матросы не стали сопротивляться, а побросали оружие понадеявшись на милость победителя.

Торн поднял меч, понимая, что пришел его последний час. Капитан корабля тоже решил дорого продать свою жизнь, он обнажил саблю и кинулся на пиратов. Но добежать до них не смог, упал на палубу настигнутый стрелами. Тут же внимание пиратов переключилось на Торна. Он приготовился умереть.

— Стойте, стойте, — раздался голос из-за спины разбойников, — я кажется узнаю этого человека. Хотя в такой одежде его трудно узнать.

Вперед вышел человек разодетый в роскошные одежды, мягкие облегающие сапоги, синий, расшитый золотом костюм, щегольская шляпа и бархатные перчатки. Торну человек показался знакомым, но он никак не мог понять откуда.

— Ну что же ты не узнаешь старых друзей капитан Торн, или уже не капитан, в свете последних событий. А я вот капитан и это моя гвардия, — сказал он и пираты заулыбались.

— Асселаро?! — наконец дошло до Торна, но как?!

— Ну вот! Узнал! Дай обниму тебя брат! А как это долгая и грустная история, которую я тебе поведаю вечером у меня на корабле за бокалом вина. Вы везли лоттское вино, — сказал он и улыбнулся и действительно приобнял ошарашенного Торна.

А капитан гвардейцев был просто ошарашен. Он учился вместе с Асселаро, вернее он учился в военной академии, а Асселаро в университете Тьора на художественном факультете. Но они входили достаточно долго в одну веселую компанию, которая проводила свободное время вместе. Затем Торн поступил в гвардию, а Асселаро стал одним из придворных живописцев. Они уже не проводили вместе время, как в молодости, но иногда встречались во дворце. Затем Асселаро внезапно пропал и Торн особо и не задавался мыслью куда именно. Но даже если бы он начал гадать, то никогда бы ему не пришла в голову мысль, что утонченный художник Ас станет капитаном пиратов.

Пока Торн удивленно глазел, на товарища студенческих забав, тот занялся делами. Он послал пиратов сделать опись товаров и распределил их по двум кораблям. Потом подошел к трупам капитана.

— Вот лежит смельчак, подвиг, которого я готов воспеть. А вы трусы, — обратился он к матросам, стоявшим на коленях. От вас воняет. Вы достойны только быть рабами.

Матросы переглянулись, у некоторых на лицах читалось облегчение от того, что им сразу не перерезали горло.

— Я не злобный пират, а милосердный, начал разъяснять Асселаро, его пираты при этом захохотали. Поэтому я вас не буду убивать, — улыбнулся капитан пиратов. Вас постепенно убьют distinguished купцы на своих галерах, а не я.

К пленникам подошли два пирата с молотком, железными ошейниками и цепями и принялись за работу.

— Ну, что дружище милости просим в мою каюту, — обратился капитан пиратов к бывшему капитану гвардии.

23. Сервет

— Я не могу больше, я натер мозоли!

— Это всё потому-что у тебя дурацкая обувь. Разве можно в такой ходить? В такой только в карете ездят, — сказал Сервет Герду.

— Сам дурак, а не обувь. И что это за дороги такие, почему мы идем не по дороге, а полям вдоль них. Вот и получается, что это от того, что ведет нас дурак.

Сервет надул щеки и хотел что-то ответить, но в разговор вступила Ани, чтобы разрядить обстановку.

— Послушай Герд, нас же ищут. Нам надо прятаться, мы не можем идти к дяде по дорогам. Давай присядем, отдохнем и поедем.

— Что есть то?! Меня уже тошнит от конфет и пряников, — злобно заявил Герд.

Тут он бы прав. Выходя из последней деревни Ани дала денег Сервету, чтобы купить провизию. Но Сервет из лавок молочника, мясника и кондитера выбрал почему то последнего. Ани догадывалась, что у Сервета никогда не было денег, а он мечтал попробовать конфеты. Но хлеб они доели еще вчера, а пряники и конфеты никто уже видеть не мог. Но привал сделали всё равно. Все устали.

— Долго еще идти? — спросил Герд Сервета.

— Думаю нет, — ответил Сервет, который ничего не знал наверняка.

Они шли уже несколько дней, ночевали в поле на сеновалах, благо погода позволяла. Но дороги становились хуже, а жилых мест становилось всё меньше. То, что это странно понимал даже Сервет. На море всегда жило много людей. А здесь их практически нет.

— Надо выйти на дорогу, — сказал Сервет. Пойдем по ней и у кого-нибудь спросим дорогу дальше. Возможно, мы сбились с пути.

— Но ты же сказал, что знаешь дорогу — встревожено посмотрела на Сервета Ани.

— Да знаю, — снова соврал Сервет, — но ни разу по ней сам не ходил. Мне рассказывали.

Девочка успокоилась, затем они все встали и вышли на дорогу. Дорогой называлась тропинка, которой судя по всему пользовались редко. И чем дальше, тем более незаметной она становилась. Поля и кустарник, постепенно сменились лесом.

Теперь даже Ани стала волноваться.

— Сервет, ты уверен, что мы идем правильно?

— Нет, наверное, сбились, — повторил он. Нужно спросить у кого-то.

— У кого ты тут спросишь, дурак? — злобно заметил Герд, которого совсем замучили натертые ноги.

— Давайте переночуем, а потом утром будем искать другую дорогу, — предложил Сервет.

Они натаскали веток и устроили себе ложе под большим раскидистым деревом. Чтобы ночью не замерзнуть легли бок о бок с друг другом, предварительно доев пряники.

— Сервет, ты спишь? — через некоторое время спросила Ани.

— Нет, а что? — спросил ее мальчик, рассматривая, появившиеся первые звезды на небе

— Ты сказал, что твою маму убили, а где твой папа?

— Папа умер давно. От болезни. Я маленький был, не помню его.

— Значит ты совсем один на свете? Тебе не к кому идти?

Сервет задумался.

— Есть дядя Декарус, он командир отряда солдат, он приходил к нам. и я думаю, что хотел жениться на маме. Но я теперь не знаю, где его искать, — Сервет предательски хлипнул носом.

— Знаешь, когда мы дойдем до моря, ты можешь поселиться с нами, у нашего дяди, у него большой замок, конечно, не такой как был у папы, но там места хватит на много детей. И еды там много. И постели мягкие, мягкие...

— Да замолчите вы уже, спать мешаете, — вмешался Герд.

Дети замолкли и скоро заснули. Сервету снилось, что он нашел дорогу, что нужно идти вперед дальше. Что потом зеленый, зеленый лес расступится и встретит их невиданной красоты цветами и манящими запахами. А затем он выйдет на опушку волшебного леса и там будет его дом и там его ждут. Но кто это выходит встречать его?! Наверное Декарус, но образ размывается, а Сервет всё пытается напряженно разглядеть лицо, но не может. И просыпается. Первые лучи солнца били ему в глаза.

Рядом проснулся Герд и полез в мешок, пошарил там, затем перевернул его и потряс. На землю высыпалось только десяток конфет в хлебных крошках. Герд разочаровано отшвырнул мешок прочь и начал обуваться. Проснулась Ани.

— Мне кажется, что мы идем правильно, — сказал Сервет. Мне приснился сон, что мы пройдем через красивый, как волшебный лес, и там будет..., -он запнулся.

— Что будет? — спросила Ани.

— Не знаю, не помню точно, я проснулся. Но то что нам нужно.

— Странно, сказала девочка. Мне тоже приснился сон, где фея, похожая на мою маму, говорила, что мы идем правильно и скоро придем в замок к дяде. А тебе, Герд? Тебе ничего не снилось?

— Нет, — буркнул младший брат и отвернулся. Пошли уже. Чего валяться на голодный желудок.

Они встали и пошли дальше вперед. Скоро тропинка кончилась. Но Сервет будто чувствовал направление. И вот обычный лес закончился. Перед ними была непроходимая стена леса, но другого. Сервет никогда не видел таких деревьев. Вот колыхнулись ветви деревьев, по листве прошла рябь и они увидели перед собой тропу, украшенную цветами невиданной красоты. Сервет, Ани и Герд восхищенно вздохнули. Затем Сервет взял детей за руки шагнул на тропу. Ветви за ними сомкнулись.

Группа из двухсот воинов среди которых были Колле, Мос и Ханс вышли из Морока, окруженного валом и деревянным частоколом вместо крепостной стены. В городе осталось около сотни солдат, остальные вышли в сторону восьмой заставы. Друзья в первый раз видели пустыню и были поражены ее бескрайними просторами. Солдат вел седоусый капитан. Интересно, как он определяет куда идти думала Мос, везде желтый песок, ни кустика, ни деревца. Идти было трудно, ноги вязли в песке по щиколотку, даже сквозь сапоги чувствовалось, что песок раскален. Друзьям выдали по лицевой повязке, чтобы песок не набивался в рот, помимо прочего повязка защищала от солнца. Когда в штаб подъехал капитан, он поинтересовался, что они здесь делают. Колле ответил, что пришли поступать в армию. Капитан сказал, что они уже вступили, и идут вместе с ними, а куда их пристроить разберутся потом. Мос обратила внимание, что она единственный человек в отряде в легких, но доспехах, у остальных из защиты были только шлемы и щиты, в лучшем случае кольчуги. Почему так она поняла буквально через час, доспехи нагрелись и идти в них стало просто невозможно. Пришлось их снять с помощью друзей и погрузить на одну из лошадей, везущих бочки с водой. Шлем Мос оставила, чтобы не вызывать излишнего любопытства, в нем она была похожа на юношу.

Через полдня, уже ближе к вечеру воины достигли восьмой заставы, которая располагалась в небольшом оазисе. Два десятка деревьев, кустарник, скудная травка и ручей показали Мос просто великолепными, после песков. По дороге они никого не встретили. Наверное нулги, напав на заставу, дальше не пошли. Мос уже знала, что на заставе был десяток воинов. Один из них на коне и прискакал в штаб, чтобы сообщить о нападении.

Когда солдаты еще подходили к оазису, Мос увидела три фигуры, которые их встречали на дороге, если ее так можно было назвать. Однако никакой реакции и оживления среди окружавших ее воинов она не заметила. Подойдя ближе Мос осознала, что фигуры застыли неподвижно. А потом едва сдержала крик, поняв в чем дело. В песок были врыты три кола, на которых и были нанизаны солдаты. Судя по застывшим и искаженным лицам, это проделали с ними еще живыми. Наверное, их захватили в плен. Строй медленно прошел мимо. Прибежали разведчики и доложили, что нулги ушли, оставив шесть отрезанных голов у ручья. Капитан распорядился выставить стражу и скомандовал привал. Всем раздали сушеное мясо и открыли бочек с водой, чтобы потом наполнить их заново у ручья. Друзья устроились под деревом, рядом с капитаном и еще двумя бойцами зрелого возраста.

— Ну что, — спросил их капитан, — вы за этим сюда приехали? — он кивнул в сторону захоронения останков защитников заставы.

— Нет, конечно, — ответил Колле.

— Почему нулги так поступают? — спросила Мос.

— Дикари, — пожал плечами капитан. Может хотят нас запугать, а может у них традиции такие. Давно они не подбирались так близко к городу. Хотя может какой-то отдельный отряд, отбившийся от армии принца.

— А кто побеждает в войне? — спросил уже Ханс.

— Кто побеждает, а бог его знает то побеждает. То они то мы. Генерал уже почти месяц в песках, никак не может заставить принца выйти на решающую битву.

— Неужели нулги такие трусливые? — поинтересовался Колле пытаясь прожевать свой

кусочек мяса, похожий на подошву старого сапога.

— Нет конечно, они у себя дома, чем дальше наши в песках, тем слабее мы становимся. А им всё нипочем.

— Я слышал, что тьорцы тоже здесь? — снова спросил леранец.

— Нет, они далеко на восток, — ответил капитан, приложившись к бочонку с водой. Против них сам хан, отец принца.

— Но как получилось, что они сразу напали и на Лерану и на Тьор? — вступила в разговор Мос.

— Они не нападали на Лерану. Их гонит кто-то более сильный, чем они на север. Вот они и захватили Морок, где жили оседлые нулги и леранские купцы. Всех перебили, — капитан помолчал, потом продолжил. Мы просто пришли на помощь. А на востоке они напали на южные страны Рыдону, Корсу и Гордону с которыми у Тьора был союз. Вот Тьор и послал войско. Из южных стран они выбили нулгов, а дальше у них всё идет так же как и у нас. Так я слышал. Пустыня не место для нормального человека. И мы и они здесь завязли.

— Но почему же уйти из пустыни? — вмешался Ханс. И прекратить эту войну.

— Уйти? — капитан усмехнувшись посмотрел на друзей. А вот вы зачем сюда пожаловали? То-то — сказал он, не дождавшись ответа. У нулгов золота столько, сколько нам и не снилось. У них простые воину увешаны золотыми цепями. Вот все сюда и едут разбогатеть. Только разбогатеешь или на кол попадешь, — капитан снова кивнул на могилы, — не известно.

— А ты наверное уже давно здесь, что же не разбогател? — напрямую спросил Колле. Купил бы домик на юге Лераны, выращивал бы виноград, вместо того чтобы гонять по пескам на коне.

— Всё эти мерзавцы виноваты, торгаши в Мороке, — помрачнел капитан. Не держатся у меня деньги, как попадаю туда, как будто грабят меня. Ладно давайте спать, завтра подъем до восхода солнца и пока прохладно марш обратно. Здесь делать нечего.

Расстроенный окончанием разговора капитан встал и ушел в единственное строение в оазисе. Оно было больше похоже на сарай, в нем мог поместиться десяток человек и несколько голов скота. Друзьям пришлось готовить себе постель под деревом.

Они вернулись в Морок, снова оставив десяток солдат и одного коня на заставе. Капитан предложил им на выбор несколько вариантов: свою роту в армии, городскую стражу, хозяйственную группу и группу разведчиков. Ханс и Колле тут же решили, что у разведчиков больше шансов разбогатеть, чем у остальных. Но проблема была в том, что Мос тоже захотела в разведчики.

— Ну послушай, — убеждал ее Колле, — обеспечение армии, это тоже важно. К тому же ты будешь меньше задействована в стычках.

— Ты хочешь сказать, что если я женщина, то моё место на кухне?

— Нет конечно, но согласишься, что носиться по пустыне опасно. Это можем делать мы, а ты ждешь нас здесь и хранить нашу казну. Это тоже кто-то должен делать. А когда мы накопим достаточно денег, то все вместе уедем?

— То есть вы будете рисковать жизнью, а я буду просто сидеть и ждать когда вы принесете мне деньги. Ты за кого меня принимаешь? Я не содержанка.

— Хоть ты ей скажи Ханс, что ты сидишь молча!

— Мос, послушай его, он говорит дело, — вступил в разговор христианец, который до этого потягивал эль, поданный хозяином таверны. Ты не можешь на равных сражаться с

мужчинами, когда-нибудь это плохо кончиться.

— Я отлично фехтую, лучше многих, ты это видел! Я вынослива и молода.

— Однако ты помнишь, что произошло в тот раз, когда мы тебя оставили одну, — ответил Ханс и осекся.

— Это нечестно, — в глазах Мос стояли слезы. Или мы все вместе идем в разведку или я пойду туда одна без вас. Вы меня доставили в армию, спасибо. Я вам благодарна, теперь вы мне ни чем не обязаны.

Мос замолчала и отвернулась к стенке глотая слезы. Колле, сидевший с ней на одной лавке за столом, демонстративно закатил глаза и тоже замолчал. Ханс не знал, что сказать и тоже сидел как сыч.

В это время в таверну зашла живописная троица веллингов. Один из них был почти стар, с длинными седыми усами, свисавшими ниже подбородка, с длинной седой косой спускавшейся от макушки до середины спины, остальная часть его черепа была гладко выбрита. Все трое, старый веллинг и два молодых были в шкурах, с круглыми щитами у каждого помимо меча на поясе, висел топор на спине. Ростом веллинги были просто огромны, почти как Ханс. Они осмотрелись. Пронзительный взгляд черных глаз старого веллинга из-под кустистых также черных бровей остановился на друзьях. Он кивнул молодым, отправляя их посидеть за свободный стол, а сам подошел и сел на лавку рядом с Хансом, напротив Колле и Мос.

— Ну, это вы хотите ко мне? — спросил он без приветствия.

— Если ты Хольген, командир разведки Лестерваля, то да.

Хольген молча оглядел друзей, его взгляд внимательно прошелся по арбалету Ханса, мечам Колле и красным глазам Мос.

— Да это я. И его я беру, — он кивнул на Ханса. Тебя и девчонку нет, — сказал Хольген глядя прямо в глаза Колле. У меня только лучшие, я не нянька.

— Но ты не знаешь нас в деле? — как ты можешь судить спросил Колле.

— Мне пятьдесят лет, из которых я сорок сражаюсь. А вы, наверное, и живого нулга не видели еще.

— Зато мы видели много чего другого, — парировал Колле. Испытай нас.

Хольген на мгновение задумался, оглядел еще раз друзей более внимательно и сказал:

— Хорошо. Там сзади сидят два моих сына, попробуйте с ними справиться.

Колле и Мос переглянулись и встали с лавки. Хольген, что-то крикнул своим сыновьям, Мос не поняла это слово. Сыновья Хольгена улыбаясь поднялись на встречу.

— Хольген, только без трупов и разбитой посуды, — затараторил подскочивший хозяин.

— Посуда и трупы для тебя одно и то же, — захохотал Хольген, — не бойся всё будет в порядке.

Противник Колле был почти на голову выше. Но он был моложе, значит менее опытное. Веллинги, конечно, были воинами по рождению, но тот кто прошел подворотни Леранца, тоже на многое был способен. Поэтому Колле не стал вынимать мечи, а выставил вперед руки, как бы собираясь бороться. Веллинг двинулся ему на встречу также оставив на столе щит, топор и меч. Колле сделал ложный замах, от которого молодой соперник легко увернулся и тут же предательски ударил веллинга ногой под коленную чашечку. Тот взвыл от удивления, а леранец пользуясь своим коротким ростом проскользнул под руками веллинга и ударил его в солнечное сплетение. Затем прощмыгнув под мышкой ухватился крепко за косу и выхватив нож прижал его к горлу врага.

В это время Мос смотрела на своего противника. Огромный веллинг носил меховую безрукавку, на шее висела золотая цепь такой толщины, что могла бы наверное переломить шею молодой девушке, если она одела бы подобную. На руках сына Хольгена, толщиной с талию Мос, перекачивались огромные мышцы. Бороться с таким медведем не было смысла. Поэтому девушка сразу обнажила шпагу. Веллинг презрительно улыбнулся и вытащил огромный широкий меч. Он взял его двумя руками отбросив щит и сделал шаг вперед. Мос понимала, что такой меч может перерубить ее шпагу, поэтому сделала прямой выпад в лицо веллинга, а когда тот отшатнулся, попыталась повторно уколоть его в грудь. Но ее плохие опасения оправдались, веллинг отводящим круговым движением просто перерубил ее шпагу. Но при этом его меч ушел дальше. Если бы, как обычно, меч ударил по другому мечу, то просто отвел бы его в сторону. Но срубив верхнюю часть шпаги Мос веллинг раскрылся, оставив в ее руках острый обломок. Мос сразу ринулась вперед и почти достала врага, когда тот отвесил ей мощную оплеуху. У девушки потемнело в глазах и она, отлетев ударилась о стену таверны. Но не разжала руку с обломком. Тут же поднялась и снова встала в стойку выставив обломок перед собой.

— Стоп! — выкрикнул Хольген. Хорошо я вас беру. Но на испытательный срок. Только испытывать не я буду, а смерть, — он снова захохотал своей шутке. Эй, хозяин, всем эля за мой счет. Сегодня отдыхаем. А завтра выступаем. Кажется, мы нашли принца Марапана.

25. Карел

Дракон Сигурда входил в пролив одного из островов архипелага. Слева и справа выступали каменные скалы. По ходу корабля также были рифы или упавшие обломки скал. Впереди цветным пятном выделялся небольшой лес, в бухте между лесом и берегом раскинулась деревня веллингов. Несколько бревенчатых строений и смотровая вышка, сколоченная из досок. Очевидно, с нее заметили возвращающийся корабль и большая часть жителей деревни стала собираться в бухте.

Корабль подошел к деревянному пирсу из вбитых в дно, размокших бревен. Веллинги спрыгнули на доски и, радостно галдя, поспешили к встречающим. Карел увидел, как Сигурд подхватил на руки стройную молодую женщину с длинными черными волосами и смеясь понес ее в деревню. Каждого веллинга кто-то встречал. Саванну встречал мальчик лет семи-восьми. Сначала он кинулся ей на шею, но затем очевидно решив, сто суровому воину с кинжалом на поясе не положены такие эмоции, стал вести себя сдержаннее.

— Если хочешь, можешь поселиться пока у меня, — сказала, обернувшись к одиноко стоящему Карелу девушка.

— Если я никому там не помешаю, — неуверенно сказал Карел, он знал, что зачастую веллинги живут в одном доме похожем на большой сарай несколькими семьями и бывает, что даже держат там скот.

— Я живу, одна со Свенем, — ответила девушка, встряхнув волосами и кивнув на мальчика. Его отец и мой муж погиб три года назад, сейчас мне самой приходится заботиться о нем, как ты видишь.

Карел облегченно вздохнул и согласился, всё равно идти ему больше было некуда и казалось, что о нем все забыли. Жилище Саванны оказалось уютным однокомнатным домом с небольшой пристройкой для скота. Обстановка не отличалась богатством, две деревянные кровати и два деревянных сундука. Пара бочек в углу. Пока девушка раскладывала привезенные из похода вещи, Карел подошел к стене и снял с нее широкий и тяжелый меч в кожаных ножнах. Таим было сложно фехтовать, но удобно рубить с плеча.

— Если хочешь, возьми его, пока не добудешь свой, для Свена он еще слишком тяжел, — сказала, обернувшись девушка.

— Спасибо, — ответил, Карел, вынув меч полностью и пробуя его баланс.

— Щит, копье и кольчугу мне пришлось продать в прошлом году, плохой был год, — как бы оправдываясь продолжила Саванна.

— Всё равно спасибо, — ответил юноша.

— Иди в сарай, там стоит бочка с водой, можешь умыться.

Вечером того же дня Саванна и Карел пошли на пир по случаю прибытия корабля из похода. Все собирались в большом доме Сигурда, который очевидно десятки или сотни лет назад и был первым жилищем на этом берегу. Это был огромный длинный дом из потемневших от времени бревен, утепленный мхом. Потолки были в два человеческих роста. Как раз в таком доме, когда то и жили все вместе веллинги, даже вместе с домашними животными. Наверное, все здесь в какой-то степени родственники, подумал Карел. Отсюда они постепенно расселились по берегу.

На пороге дома стояла большая бочка с элем, которым при входе угощал всех Сигурд.

— Проходи, Карел, — хлопнул его по плечу великан веллинг радостно.

Через час, к темноте, в доме собралась, наверное, вся деревня, около полутора сотен людей. Большинство разместилось прямо за деревянными столами, составленными в одну линию, а те кто не уместился, в основном женщины и дети, расселись на лавки у стен. Прямо в доме в специальных ямах весело горели два костра, на которых готовили пищу. Дым выходил через отверстие в крыше, которое можно было заткнуть специальной деревянной заглушкой. Пища была достаточно проста, жаренное мясо, рыба, хлебные лепешки и свежие овощи. И конечно самодельный

эль, который тек рекой.

Насытившись веллинги начали рассказывать о походе, как отметил Карел, беспощадного хвастаясь и совершенно не думая о достоверности рассказов. По мере распития эля подвиги приобретали всё больший масштаб. Три раза юноша слышал рассказ, о том, как его спасли от лесного тролля и каждый раз тролль увеличивался в размерах, пропорционально которым росла и его злобность. У Карела самого уже голова стала кружиться, когда под одобрительный гул за столом расчистили место для древнего старика, и тот пронзительным голосом запел баллады о древних временах. О том как часть народа переселилась с веля на сель, то есть с острова на сушу, и стали они называться селлингами, людьми суши. Как затем начались междоусобные войны. Веллинги очевидно слушали балладу не в первый раз, они дружно подхватили мотив:

И брат на брата поднял топор,
Нарушив древний уговор,
И в море кровь ручьем текла,
Пока рубила плоть рука.
Слезами наполнилась земля
Вставала красная заря.

Карел увидел, что часть веллингов уже клевала носом, а некоторые храпели на полу. Поэтому он встал и начал потихоньку протискиваться ко входу. Пропустив гогочущих бородачей, втаскивавших очередную бочку эля, юноша наконец вышел из дома и полной грудью вдохнул ночной свежести. Придя тихонько в дом Саванны, он скинул одежду готовясь забраться в свою кровать, когда внезапно сзади его обхватили чьи-то руки.

— Не бойся, — прошептала ему в ухо девушка, — Свен сегодня останется у Сигурда.

К полудню деревня постепенно ожила. Карел сидел на поваленном дереве и смотрел, как Саванна на берегу стирает белье. Через бревно перешагнул и сел рядом Сигурд, который тоже стал наблюдать за Саванной.

— Тебе нравится моя сестра? — вдруг спросил он.

— Это твоя сестра? — поперхнулся Карел.

— Да, не бойся, она хорошая девушка и раз ты ей понравился значит, и ты не плох, она хорошо разбирается в людях, — Сигурд повернул голову и посмотрел Карелу в глаза. Поедешь со мной сегодня на встречу с другими вождями?

— Зачем?

— Ты должен рассказать, как погиб Рокнар. Ты видел, а не я.

— Хорошо, — ответил Карел, а зачем?

— Там, посмотрим, готовься, — ответил Сигурд и ушел.

Вечером, за два часа до заката Карел, подпоясанный мечом погибшего мужа Саванны, сидел в небольшой лодке с Сигурдом. Шесть гребцов, помогали небольшому парусу нести лодку по сложному фарватеру бухты другого острова архипелага веллингов. Когда скалы

отступили, юноша увидел большой поселок, почти город. У причалов стояло по меньшей мере два десятка драконов.

— Это жилище Колдаса, он один из самых отважных и богатых вождей, он родной брат Рокнара Рыжего, — пояснил Сигурд.

Карел начал потихоньку понимать, когда заметил еще две похожих лодки у пристани. Было видно, что прибыли еще два вождя. Они причалили к тому же пирсу. Сигурд оставил гребцов ждать в лодке, они должны были сегодня вернуться назад, а Карела повел в центр поселка. Они дошли до большого двухэтажного дома, с резным деревянным крыльцом. У крыльца стояли два воина в шлемах с копьями и щитами. Сигурд кивнул им, и они прошли в дом. Очевидно все были уже в сборе ждали только их. И снова деревянные столы были составлены вместе и за ними сидели веллинги. Только яств уже не было, а веллинги были мрачные и молчаливые. В основном это были бородатые воины вожди лет сорока или пятидесяти. Карел заметил всего двух трех молодых веллингов, примерно ровесников Сигурда из трех десятков присутствующих. Во главе стола сидел одноглазый веллинг с исключенной бородой и шрамом через всё лицо.

— Хочу вам представить, братья мои, Сигурда сына Свена, молодого, но уже подтвердившего свою отвагу вождя. Кто-то его знает, кто то нет. Я люблю его как сына. Но сейчас не о том. Сигурд размещайся и поведай нам историю, которую передал твой гонец.

— Сначала хочу поприветствовать столь уважаемое собрание, — сказал Сигурд продолжая стоять. Но, Колдас, я хочу, чтобы историю нам поведал свидетель. Ты, наверное, задался вопросом, кого я привел. Это тьорец Карел, он был на драконе Рокнара, пусть он расскажет о гибели твоего брата. Карел?

— Гхм, — горло предательски пересохло под сверлящими взглядами веллингов. Собственно, я ничего особенного не делал. Рокнар помог мне, я ему обязан. Мы плыли сюда на острова, когда показался глондарский корабль. Это был большой парусник.

Карел обвел взглядом веллингов, в комнате царила гробовая тишина, все взоры были устремлены на него.

— Мы пытались уйти от него, — продолжал юноша, но не смогли. Они догнали нас и протаранили. Почти все погибли, утонули. Вот и все.

Все молчали, потом Колдас нарушил тишину.

— Братья, это уже пятый дракон, который потопили глондарцы в этом году, — он обвел всех грозным взглядом одного глаза. При том, что у нас с ними нет войны.

— Что ты хочешь, ближе к делу, — перебил его старый веллинг, у которого борода была заплетена в косички.

— Я хочу, — ответил Колдас, — показать этим крысам кто хозяин на море и что такое месть веллингов. Предлагаю поход на Глондар!

Веллинги дружно взревели, вскочили, запрыгали и эмоционально заговорили все разом. Карел видел, что им по душе идея Колдаса. Он посмотрел украдкой на Сигурда и увидел, что тот улыбается. Но тут снова наступила тишина, твердый голос косичкобородого заставил всех приутихнуть.

— То есть ты хочешь из мести за брата, для своего удовольствия, повести нас на Глондар, где мы потеряем не пять, а пятьдесят драконов. И по всем велям завоюют вдовы?

— Нет, Хольг, не хочу. Я хочу сделать так, чтобы глондарцы больше не смели топить драконы, чтобы они больше не смогли делать вдовами наших женщин. Чтобы они улепетывали, увидев корабль веллингов. Вот чего я хочу. А кроме того, мы уже засиделись

без дела, пора собраться пойти и забрать богатую добычу у глондарских крыс, — закончил хитрый Колдас.

Все опять вскочили и одобрительно загудели. Сидеть осталось только пяток вождей, которые переглядывались с Хольгом.

— Я не пойду мстить за твоего брата, я его при жизни не любил, не вижу причины любить после того, как боги забрали его, — снова выступил Хольг.

— Что за трусливое поведение, — выкрикнул кто-то.

— Кто посмел назвать меня трусом, — на этот раз вскочил уже Хольг, обнажая меч.

Все замолкли, никто не рискнул повторить обвинение.

— Сядь, и не размахивай мечом в моем доме, — грозно заявил Колдас. Я никого не неволю. Кто хочет пусть идет со мной, кто не хочет пусть остается.

— Ты не король, — не сядь заявлял Хольг, я не желаю подчиняться тебе и идти с тобой в поход.

— Так вот в чем дело, — воскликнул Колдас, ты просто хочешь сам быть главным, что же ты не предложил выступить против Глондара?

Но Хольг ничего не ответил, он молча повернулся и пошел к выходу, встав и пригнув головы, за ним вышли еще четыре вождя под неодобрительный гул остальных.

— Ну что же, — подвел итог Колдас, мы избавились от балласта. И теперь можем выйти на Глондар. Сбор через три дня в полдень у китового камня. А сейчас я хочу угостить своих соратников лучшим элем на велях.

Карел, у которого еще побаливала голова после вчерашней дозы, с ужасом увидел слуг вождя, вкатывающих огромные бочки в зал. Сигурд радостно хлопнул юношу по спине.

Через три дня у китового камня, который представлял собой округлый риф посреди моря похожий спину кита, собрался флот веллингов. Более ста кораблей, около четырех тысяч воинов, покачивались на голубом волнистом ковре океана. Легкую рябь по поверхности которого гнал северный ветер. Карел поежился, прохладно, лето в этих широтах практически закончилось. Солнце освещало паруса, деревянные борта кораблей в каплях морской воды и искрилось на поверхности.

— Всё, больше никого не ждем! — крикнул Колдас и спрыгнул с камня на борт своего дракона.

— Разворачивай парус, — гаркнул над ухом Карела Сигурд, отвлекая того от созерцания улыбки щурившегося на солнце лица Саванны, которая была на лодке с провожающими мужей женщинами.

26. Нейл

В лесу изредка раздавалось ржание коней. Сквозь утренний туман во все стороны были видны хвойные деревья и всадники. Нейл рассредоточил кавалерию по лесу и выслал вперед разведчиков. Пойманные крестьяне говорили, что два дня назад в горах произошла битва, но кто победил они не знали. Занятые сбором урожая и своими насущными проблемами, некоторые даже не знали кто с кем воюет. Нейл беспокоился, если бы пехота прорвалась, то они бы ее встретили, с другой стороны, они могли просто отступить. Рядом конь Никона уже взрыл всю землю, нетерпение всадника передавалось его коню. Надо было дать Антару Скарта, но и Гелмилу тоже нужна помощь в управлении страной. И Нейл решил оставить своего командующего в Тьоре, тем более там еще сидели гвардейцы в замке, а Рональд как сквозь землю провалился. Все было не ладно, контроль над ситуацией начал ускользать. Это нервировало Нейла. Как Йохан узнал о вторжении, может Горбах переметнулся. Или же это с самого начала тонко рассчитанная игра против него. Он встряхнул головой. Нет. Не может быть. Кто они и кто он. Он должен победить. По рядам всадников прошло оживление, вернулись разведчики, он подался вперед. Охрана расступилась и к нему подъехали всадники из отряда разведки. Нейл смотрел им в глаза, глаза были напуганные. Значит всё плохо, подумал он.

— Мы долго осторожно ехали, — начал доклад командир, — нигде не души. Задержались у ущелья, провели разведку, но никого не увидели. Затем въехали в само ущелье. Дороги через него уже нет, всё завалено камнями, — он сделал паузу и сглотнул. Под камнями наша пехота их завалили, тех кто пытался выбраться добивали стрелами. Очевидно из засады сверху. Потом прошлись и зарезали раненых. Пленных похоже не брали, — командир замолчал.

— Это всё? — спросил Нейл.

— Нет, — ответил разведчик и передал через охранника Нейлу мешок.

Нейл взял его развернул, уже догадываясь что там будет. У Никона вырвало, когда он увидел мертвые глаза своего брата на отрубленной голове.

— Она, была на шесте на самом высоком месте. Как только мы ее сняли они показались на скалах. Нас ждали. Но не стали нападать. Думаю, чтобы донесли эту весть. Как мы их не заметили не знаю. Наверное, они гораздо лучше знают местность. Кроме того, они знают, что мы теперь здесь. Где-то рядом должна быть их армия, но мы не знаем где.

Зато Нейл знал. Они сзади. Так бы он сделал сам, зажал бы врага между ущельем и армией, чтобы не враг не ушел. Теперь без пехоты, они вдвое слабее. Что ж Йохан оказался хитрее, чем он думал. Но этот хитрец не знает, что такое тьорская кавалерия в бою. Его брат знает, но рассказать ему сейчас не может. Жаль Антара, он потерял самого лучшего сына. Никон полностью деморализован. Он что же думал, что война это прогулка. Слабак.

— Разворачиваемся, — дал команду Нейл.

Все изумленно посмотрели на него.

— Мы едем снова в Хаубург? — тупо спросил Никон.

— Дурак, мы наступаем на армию Йохана.

Всадники выехали из леса, построились в колонны и повернули назад. Через час предгорья кончились, и они выехали на поле. С одной стороны лес, с другой спаренные холмы, а впереди дорога перекрыта частоколом, несколько рядов заостренных кольев, между

ними арбалетчики и лучники. Слева на холмах в ожидании застыла армия христианцев.

На правом фланге сосредоточились вассалы. Черные перекрестия на белом фоне Шварцвальда, коричневый сокол Луга, золотой горн на синем поле Нугарда и знамена более мелких баронов. В основном в гербах доминировали перекрестия. Вассалы построились традиционно — линия меченосцев, за ними арбалетчики. Командовал флангом барон Шварцвальд. На левом фланге сосредоточилась регулярная армия христианцев, фаланга копейщиков в желтых плащах, внутри арбалетчики в зеленом. За ними развевался императорский штандарт. Левым флангом командовал сам Йохан. В центре стоял железный кулак, окрашенный в оранжево синие тона, цвета гвардии. Клином выстроились с ног до головы закованные в латы меченосцы, за ними арбалетчики в легких кольчугах.

Тьорская кавалерия разворачивалась. Четыре полка в линию, по десять всадников в глубину. Встретились два самозванных императора. Нейл, подумал, что возможно было бы попробовать уйти через лес и потеряв часть армии вернуться в Тьор. Но он отмел такую мысль. Он был здесь чтобы побеждать. И сегодня он может раз и навсегда покончить с Империей Перекрестия, а там дальше Лерана и Глондар.

Нейл, оценил армию врага в шесть тысяч, разделенных поровну на три группы. У него было около четырех тысяч кавалеристов и в открытом поле, он бы не оставил шансов никому. Но подъем на холмы был достаточно крут и неоднороден. Это замедлит атаку и разобьет строй. Однако противник не предпринимал ничего и не собирался двигаться. Придется атаковать навязанную противником позицию. Нейл решил, что самый слабый фланг правый, где сосредоточены вассалы. Он прорвет правый фланг, зайдет с тыла и загонит христианцев на ими же вкопанные колья.

Император Тьора вызвал полковников и разъяснил им суть задачи. Тренированные командиры схватывали всё на лету.

— Отец, можно я поведу атаку, — спросил вдруг Никон.

— Нет, ты останешься со мной, — неодобрительно посмотрел на него Нейл.

И вот, ошестинившись копьями, грозная лавина железных всадников рысью двинулась вперед. Вернее, левый фланг быстрее набирал скорость, перестраиваясь на ходу. Два полка слились выстроились в клин и набрали скорость, устремившись на вассалов Йохана. Два других полка, напротив центра и левого фланга врага, наоборот, замедлились. Они должны вступить в бой только когда будет прорван правый фланг христианцев. И вот это произошло. Острие железного клина, утыканное стрелами и теряющее единичных всадников, на полном ходу врезалось в плотину из солдат барона Шварцвальда. Закрутился вихрь, еще пара мгновений и плотину прорвало, поток устремился сквозь правый фланг христианцев, окружая их. Нейл улыбнулся и поначалу не понял, что происходит. А происходили странные вещи. Из-за холма появилась три сотни всадников в серых доспехах, которые в цепь по одному ударили по потоку прорвавшему правый фланг. Император Тьора, поначалу решил, и правильно решил, что этот резерв Йохана. Но этот резерв должен был быть сметен его атакой. Всадниками в один ряд невозможно остановить поток из двух тысяч кавалеристов. Но атака захлебнулась, его воины увязли. Более того ни в одном месте они не прорвали цепь. А цепь остановив атаку, стала выжимать тьорцев обратно, оставляя после себя трупы атакующих.

Нейл закрыл и открыл глаза, это было невероятно.

Йохан, расположилась на специально собранном для него помосте и с удовольствием наблюдал картину боя. Он полностью переиграл командира противника. Подставил ему

слабый бок, и тот клюнул, а затем ударил резервом. Да каким резервом. До этого момента ему ни разу не приходилось видеть воинов ордена Розы в бою. Не иначе тут замешан дьявол, подумал он. Люди не могут двигаться с такой скоростью. Тьорские всадники просто не успевали парировать выпады монахов, движения которых буквально расплывались в воздухе.

Ту же самую картину видел Нейл и был крайне озадачен, настолько озадачен, что потерял нить боя. Упустил момент, когда центр и левый фланг христианцев двинулись вперед навстречу атаке и навязали бой. Тем временем монахи уничтожили почти треть от двух полков, атаковавших фланг Шварцвальда. Это был разгром.

— Отец, что же нам делать, — голос Никона вывел из ступора Нейла.

Он еще успеет разобраться с феноменом серых всадников. А сейчас нужно перегруппироваться и уйти с наименьшими потерями. Если это еще возможно. Он оглядел поле боя. Монахи сместились в центр, его всадники гибли и отступали. Гибли не только от монахов, на кавалерию сыпался град стрел, поскольку они практически не перемещались и были статичны.

Он приказал трубить быстрый отход. Тьорская кавалерия дисциплинированно развернулась и понеслась назад. Некоторое количество всадников, упали получив стрелы в спину. Но таких было не много. Все же тьорцы потеряли уже более тысячи солдат. Враг, состоящий в основном из пехоты не смог преследовать их по пятам, боясь разорвать линии. На это и рассчитывал Нейл. Но теперь христианцы тоже атаковали клином, на острие которого были монахи.

Нейл оглянулся на лес. Но решил не отступать туда. Если там арбалетчики в засаде, то они задержат кавалерию до подхода христианской пехоты. А пехота имеет преимущество перед всадниками в лесу. Их там просто перережут.

Значит нужно пробиться там, где их не ждут. Он дал команду и его полки тоже стали выстраиваться клином. Клином, острием которого стал он, Нейл. Император вытащил меч и скомандовав атаку, поскакал вперед.

Йохан со своего возвышения наблюдал за перестроениями. Он был уже уверен в победе. Да тьорцы смогли перестроиться, и они пошли в атаку. В последнюю безнадежную атаку. Император во главе, какой трагический жест. Но что они могут сделать с монахами, ни один из которых не погиб? Ничего.

И вот два клина сошлись острие к острию. Если раньше удивлялся император тьорцев, то теперь настала пора удивляться императору христианцев. Нейл в золотых доспехах достиг первого ряда монахов и превратился в золотой вихрь в седле. И если движения монахов казались размазанными, то Нейла вообще почти не было видно.

Он, не человек, он точно дьявол, подумал Йохан. А тем временем упал первый монах с лошади, затем второй, затем третий. Потом появилась брешь, в которую потек ручеек всадников, часть из которых валилась замертво по краям при столкновении с монахами. Но они просачивались вперед и продавливали постепенно пехоту христианцев. А золотой вихрь носился и не позволял сомкнуться монахам, заткнуть пробойну. Их уже около десятка валялось на земле. Некоторые из тьорских всадников бросались на монахов, если рядом не было Нейла и погибали затем, чтобы дать товарищам время прорваться. Но прорваться не значило победить. Дальше нужно было под градом стрел прорываться вперед. И всё же основное внимание Йохана было привлечено не стратегией, а возможностями Нейла и монахов. Здесь была какая то тайна. И он раскроет ее, чего бы это ни стоило. Даже если придется продать душу дьяволу. Раскроет тайну и поставит ее себе на службу. И тогда...И

тогда его уже никто не остановит.

А пока он смотрел, как уходила вдаль тьорская кавалерия. Две трети ее осталось на этом поле. Он же потерял три или четыре сотни солдат и полтора десятков монахов. Победа была полной, с учетом того, что тьорская пехота лежала в ущелье и кормила стервятников. Йохан осмотрел поле боя и радостно издал победный клич.

Стрела попала солдату в щеку и пробила верхнюю челюсть. Он с воем повалился на песок и стал кататься по нему. Пока все были заняты этой сценой, нулги скрылись в барханах. Прибежал врач и приказав держать пострадавшего его товарищам, доставая на ходу длинный острый нож. Мос отвернулась. Побрела дальше, пытаясь облизать потрескавшиеся губы. Впереди ссутулив, спину, не обращая внимания происходящее, брел Хольген. Оба его сына погибли. Мос обернулась, вереница людей растянулась, наверное, на километр. Колле и Ханс были в арьергарде, прикрывали отход. Хотя нападения можно было ждать с любой стороны. Мимо на носилках пронесли генерала, он пытался держаться бодро, но рана на бедре выглядела совсем плохо. Лошадей они уже съели.

Но хуже всего было отсутствие воды. Солнце поднималось всё выше. Мос поправила тряпку на голове.

Начиналось всё многообещающе. Разведчики засекли армию принца Маракана, которая двигалась к оазису в четырех днях пути от Морока. Генерал Лестерваль был легок на подъем и через сутки уже подходил к оазису. Вперед выслали разведку. Хольген, еще не доверяя новичкам, оставил Мос и ее друзей позади. Это их и спасло. Из разведчиков въехавших в оазис остался жив только Хольген, он пробился не получив ни царапины. Оба его сына остались там. На место встречи не вернулся никто, кроме него. Мос знала, что Хольген надеется, что сыновья погибли сразу. Веллинг сломался и теперь выглядел как обычный старик. Усы и плечи опустились, воинственного вида как и не бывало.

Подошедшей к оазису армии Лестерваля всё равно требовался отдых, и она остановилась в этом оазисе, а нулги снова отступили в пустыню, не приняв боя. Правда предварительно они отравили колодцы, покидав в них трупы. На утро, не успевшую проснуться, леранскую армию атаковали. Пока еще стояла ночная прохлада, нулги незаметно подкрались и вырезали часовых. Они могли бы вырезать и всех остальных, но не вышло. Леранцы отбились. Но нулгов было очень много, никто не ожидал, что их будет настолько много. Генерал в этом бою получил рану.

Нулги откатились сразу, как только начали получать отпор. Но снова напали через час, когда леранцы хоронили мертвых. И снова их отогнали. Но они опять напали. За день армия выдержала шесть атак, потеряв треть солдат. Нулги практически не несли потерь. Они как призраки, в выцветших на солнце разноцветных халатах и белых колпаках с прорезями для глаз, возникали прямо из песка и рубили леранцев кривыми саблями. Или стреляли из-за барханов. При этом они тщательно избегали битвы строй на строй.

Солдаты Лестерваля проторчали в оазисе день и следующую ночь в ожидании атаки, которой не последовало. А когда в предрассветной мгле леранцы стали клевать носом, нулги вернулись. Они снова легко отбились. Припасов с собой не взяли, надеясь на решающую битву, пришлось съесть лошадей. Но кончилась вода. И генерал принял решение возвращаться в Морок. Пока они еще могли.

И вот они идут второй день, переночевали в пустыне прямо на песке. Сколько солдат не проснулось этой ночью никто не знает. Но Мос с содроганием проходила мимо мертвых резанных леранцев, понимая, что среди них могла быть и она.

Отвагу и удачу Лестерваля воспевали в песнях. Он был героем битв. Но здесь битвы не было. Мос никогда не слышала, чтобы так воевали. Нулги возникали из пустыни там, где их

никто не ждал, пускали стрелы, наносили удар и тут же исчезали.

Через некоторое время ее нагнали Ханс и Колле и молча пошли рядом. Во рту было сухо, горло першило. Тем не менее Колле решил прокомментировать их положение.

— Мы не сможем дойти до Морока, идти еще два дня, мы потеряли половину людей, а все остальные вымотаны, еды нет, воды нет.

— Их очень много, — вздохнул Ханс. Я уложил больше десятка, но их очень много. А у меня осталось только две стрелы.

— Богатство не хочет даваться нам в руки, — заметил Колле.

— Мы дойдем, — сказала Мос смотря перед собой, — обязательно дойдем.

Впереди раздались крики. Напали нулги. Колле и Ханс побежали вперед. Мос увидела, как Ханс опустился на колени и прицелился из арбалета. Она прижала ладонь к бровям, чтобы заслониться от солнца и лучше видеть. Выстрел, нулг упал. Но сколько их еще. Вот они зарубили одного солдата своими кривыми саблями, вот другого. Вот подоспел к бою Колле с другими леранцами. А нулгов уже нет!

Мос увидела, как повалился впереди Хольген. Стрела торчала у него из горла. Может это и к лучшему, теперь он сможет встретиться со своими сыновьями на небе, подумала Мос. На этот раз нулг не ушел. Ханс отшвырнул пустой колчан и повесил арбалет за спину. Стрел больше не было. Доставать из трупа он не пошел. Ханс иногда бывал медлительным в принятии решений, но глупым не был.

Мос посмотрела на небо, солнце жарило. Очень хотелось пить. Песок скрипел на зубах. Забывшись она снова попыталась облизать губы. Язык почувствовал кровь на трещинах. Она вздохнула и пошла дальше вперед, сосредоточившись на вязкой ходьбе в песках.

К вечеру количество солдат еще сократилось. Мос была совершенно вымотана. Радовало, что небо слегка заволокло и солнце уже не жарило. Девушка услышала, как кто-то из ветеранов армии предположил, что к ночи будет буря. Хорошо бы, думала Мос, может тогда удастся оторваться от нулгов. Подошел Ханс.

— Будет песчаная буря, — сказал он, глядя на небо.

— Знаю, — ответила Мос.

— Это наш единственный шанс, — заметил Ханс.

— Мы не погибнем, прорвемся, — подошел к ним Колле.

— Что там, — спросила Мос.

— Ничего, — пожал плечами Колле. Лестерваль шутит и вселяет уверенность, только похоже ему уже никто не верит. Люди думают, что обречены. Завтра их можно будет резать как скот. Большинство. Если доживем конечно.

Мос ничего не ответила, язык был как камень во рту. Да и что отвечать, она сама уже на грани реальности.

Они поднялись на каменистый холм. Сразу стало легче идти, песка почти не было. На вершине холма рос кустарник. Воды не было. Генерал скомандовал привал. Все устало повалились на землю. Ханс попал в число часовых и ушел.

Мос смотрела назад. Видно было достаточно далеко. То тут, то там темное пятно на песке. Их путь был усеян трупами. Нулгов не было видно. Вдали трупы начало замечать песком. Девушка посмотрела вниз, вокруг ее ног стали виться мелкие частицы песка. Ветер начал становится слышимым. Она опустилась рядом с Колле.

— Ханс зря ушел, — скоро буря сказал он, растирая уставшие ноги.

— Его назначили в караул, — безучастно ответила Мос, она очень устала и хотела пить.

— Я проходил мимо генерала, — Колле обернулся на офицеров, собравшихся чуть выше и что то обсуждавших. Врач как раз снял повязку с ноги, мечом разрезали мышцу. Но дело не в этом. Она распухла, черная и воняет. Гангрена. Надо резать ногу. Иначе смерть.

— Мне кажется, они к этому и готовятся, — повернулась к нему Мос.

— Он может не выжить.

— Мы все можем не выжить.

— Странно.

— Что странно? — спросила Мос.

— Нулгов давно нет, а нас сейчас почти голыми руками можно брать, — ответил Колле.

— Может они тоже устали, как и мы. Они же тоже люди.

— Не уверен, — сказал Колле и улыбнулся двусмысленности. Не уверен, не в том, что они люди. А в том, что устали. Это их мир, они здесь живут. Так же как мы на зеленых лесных полянах.

Мос зажмурилась и представила себя на лесной поляне. Прохлада, мягкий ковер травы, журчанье ручья. Стоп. Она тряхнула головой и отогнала мысли о воде.

— Колле?

— Да?

— Неужели вся жизнь у людей посвящена наживе, деньгам. Ты вот всю жизнь этим занимаешься. Неужели мы только для этого?

— Но надо же есть и пить, как без этого жить, — удивленно посмотрел на нее Колле.

— Я не о том. Ты можешь подумать, что это каприз богатой девчонки, выросшей во дворце. Но нет. Я и забыла уже, что герцогиня. Я о другом. Неужели мы родились, что-то делали в этой жизни и только для того, чтобы умереть в этой пустыне, пытаюсь отнять у нулгов их золото. Разве ради этого мы жили и умерли?

— Ну я, например, умирать не собираюсь, мне еще рано, — Колле лег поудобнее на спину заложив руки за голову и смотря в небо. Но я понимаю, о чем ты. Я считаю так, что каждый из нас рождается для чего-то одного, только иногда не сразу знает для чего. Например, винодел живет ради того, чтобы делать вино, которое нас радует. Или художник, чтобы нарисовать портрет человека, который останется после его смерти. И будут смотреть на него люди и говорить, смотрите какой он был, когда жил. Мне кажется, — Колле посмотрел на Мос, мы еще не нашли того зачем мы здесь. Но обязательно найдем. Я не верю в богов, но от судьбы не уйдешь. Что бы ты не делал, все равно будет так, как должно быть. Поэтому мы не должны сегодня умереть, у нас еще должно быть время понять свое предназначение в этом мире. Хотя быть может моё предназначение в том, чтобы быть контрабандистом и нарушать законы, — леранец рассмеялся.

— Ну нет, я думаю, что ты способен на большее, — улыбнулась Мос.

За время их разговора ветер усилился, небо почернело. Воздух стал наполняться пылью. Генералу поставили шатер, куда скрылся он, врач и несколько офицеров. Однако ветер рвал с места этот шатер. Казалась тот держится на уже на честном слове. А ветер всё крепчал. Колле обеспокоенно оглянулся, а затем указал Мос рукой направление.

— Смотри.

Девушка всмотрелась и с ужасом увидела темное небо надвигающиеся на них, это поднятый ураганным ветром песок заслонял собою свет. Колле быстро расстелил плащи и жестом пригласил Мос. Он оглянулся. Все пытались как-то завернуться в одежду, рядом друг с другом, поскольку укрыться было негде. Начиналась буря.

28. Торн

С громким стуком пустая бутылка покатила по деревянному полу каюты, Асселаро достал новую и открыл.

— Да, жирдяй был конечно подлецом, по делом ему и досталось, — смеясь сказал капитан пиратов и наполнил бокалы.

— Но всё же ты так и ответил, как художник мог стать пиратом, — спросил Торн.

— Ах, это грустная история, во всем виновата любовь, — Асселаро отхлебнул вино и скривился. Бездельники лотты разучились делать вино. Моча.

— Что за любовь?

— Она поразила мой мозг. Одна особа. Мы встречались, и я был полностью околдован ею. Потом муж увез ее из Тьора в Аквил.

— Муж?! — поднял бровь Торн.

— Ну да, а я что сказал? И вот значит через неделю другую, я понял, что мне скучно без нее, и я сел на корабль, — продолжил пират, прихлебывая якобы плохое вино.

Торн старался не опьянеть, чтобы понять, что делать дальше, поэтому только слегка пригубил.

— Ну вот, я прибыл в Лерану и нашел ее. Но что же оказывается? Что у нее уже новый ухажер. Капитан пиратского корабля. Пришлось поступить к нему на службу и бросить вызов, знаешь, у пиратов тоже есть свои правила. Я даже считаю, что избыток правил. Так о чем я. А. Вызвал на дуэль этого детину и убил его. Знаешь, тут правит грубая сила. В основном пираты это здоровенные бандиты. Мало кто умеет фехтовать. Это конечно не касается Железного Тони. О Тони еще тот хитрец.

— Но что же было дальше, — Торн вернул беседу в прежнее русло.

— С кем?

— С твоей пассией.

— А, ну я стал с ней жить.

— А как же муж?

— Муж?! Ах муж, его я тоже убил, — задумчиво сказал пират.

— А где же она теперь? — спросил Торн.

— Где? Да не знаю где. Я же сказал история грустная. Стал я с ней жить, а она оказалась стервой, да и следить всё время за ней было нужно. Я разозлился и выгнал ее.

— Как выгнал? — удивился Торн.

— А просто высадил в Мороке и уплыл. Наверное, она там теперь звезда борделей. Туда ей и дорога. А что ты забыл в этих широтах? — Асселаро посмотрел на пристально на Торн.

Торн понял, что Асселаро совсем не прост и только претворяется пьяным. С другой стороны, он сейчас ничем не угрожал ему, а мог даже помочь

— Я плыл в Аквил. Пока не появился ты.

— В Аквил? Что делать в этом захолустье капитану гвардии?

— Брось, Ас. Никакой гвардии нет, как и императора.

— Нет, император есть, просто другой.

— А куда ты теперь поплывешь, — сменил тему Торн.

— Я могу отправиться на острова, а могу сразу в Аквил, — пират посмотрел на Торна. А ты там надолго? Могу потом тебя куда-нибудь подбросить по старой дружбе. А хочешь

будешь моим лейтенантом? У тебя один из лучших мечей Тьора.

— Я бы предпочел высадиться в Аквиле, — ответил Торн, игнорируя предложение.

— А куда тебе надо в Аквиле?

— В университет.

— О! Я его хорошо знаю. Бывал там. Кто тебе нужен?

— Профессор Форен.

— Математик? Не поздновато учиться?

— Мне он нужен не для этого, есть дело к нему, — ответил Торн на вопросительный взгляд Асселаро.

— Я его знаю и готов тебе помочь и не только доставить, но и проводить к нему. Если дело сулит прибыль, я хочу быть в доле. Скажи мне какое дело у тебя к профессору?

Как он настойчив, подумал про себя Торн. И хочет долю от дела. Настоящий пират. Стоит ли ему доверять. Он лицо не заинтересованное, к тому же старый товарищ. Но что то мешало доверяться ему полностью. Капитан гвардии был поражен той легкости, с которой его бывший друг по студенческим пирушкам был готов убивать ради достижения своих целей.

— Мне нужно показать ему один документ и спросить его мнение.

— И ради этого ты переплыл море?

— Ты всё равно сказал, что идешь в Аквил, разве нет?

— Да, лучше пойти туда и сдать там добычу за бесценок, чем иметь лишний раз дело на островах с Железным Тони или его людьми, — мрачно заметил пират и отхлебнул вина.

— Кто такой Железный Тони, — спросил Торн, радуясь смене темы разговора.

— Железный Тони, будущий император пиратов, — Асселаро откупорил новую бутылку. Этак, аквилским торгашам ничего не достанется, — заметил он. Так вот, не знаю откуда появился этот Тони. А Железный он потому, что подчиняет себе одного капитана за другим. У него уже большая эскадра. Того и гляди отнимет и мой корабль. Он наладил постоянное сообщение с западным материком. Что ты так удивленно раскрыл глаза, Торн. Тебя этому не учили в академии?! Да на Западе есть еще один континент, через большое море. Пираты плавают туда уже лет десять. Привозят ценное дерево, золото, алмазы, которыми полны местные реки и недавно начали невольников везти. Живут там дикари. Хотя Тони против невольников. Наверное действительно хочет создать там своё королевство.

Асселаро замолчал. А Торн переваривал полученную информацию. Оказывается, столько нового в мире. Жизнь идет, все развивается вне зависимости от того, кто сидит на престоле в Тьоре. Однако дело надо было довести до конца. Торн тоже притворился, что пьян и хочет спать. Он попрощался с Асселаро и пошел спать в небольшую каюту, которую выделил ему пиратский капитан. Каютка была совсем крошечной, кровать и небольшой проход к ней. Торн улегся и глядя в окно на звезды заснул, а проснулся уже от лучей солнца бивших прямо в глаза.

Торн сел на кровать, слушая гам за стеной каюты. Оделся и вышел на палубу. Оба корабля пиратов, пиратский и захваченный, под гордонскими флагами стояли на рейде города. Торн раньше никогда не был в Аквиле. Огромная бухта голубой воды была полна жизни. Порт был наполнен кораблями и лодками. Всё это находилось в непрерывном хаотическом движении. Внимание привлекала белоснежная крепостная стена города, которая выглядела очень живописно на фоне лазурного моря, голубого неба и солнца.

— Любуешься? — раздался сзади риторический вопрос Асселаро. Эти стены запечатлены на полотнах многих великих мастеров. Белый аквилский камень. Крепость построена в эпоху первых людей, когда Древние еще жили повсюду. Пошли позавтракаем и в университет.

Торн обернулся и пошел в каюту капитана. Через полчаса перекусив яичницей, они спустились в шлюпку и поплыли в город. Аквил оказался достаточно чистым и красивым городом, это была настоящая купеческая столица. В городе располагались несколько рынков, как внутри стены, так и снаружи. Говорят, что на этих рынках можно было купить всё, что только существует на свете. Но сейчас Торна и Асселаро это не интересовало. Кривыми и узкими, мощеными булыжником улицами, они поднимались в старый город, расположенный на холме. Там в бывшем замке аквилского короля, теперь располагался один из самых известных университетов Лераны и мира.

Профессора Форена они нашли в аудитории, он как раз закончил лекцию. Это был полный мужчина средних лет с живыми веселыми глазами. Он сказал, что еще некоторое время будет консультировать студентов и объяснил, как найти его кабинет куда он придет попозже. Торн никак не мог избавиться от Асселаро, тот как приклеился к нему.

Они нашли кабинет профессора и сели на деревянную скамью, очевидно предназначенную для студентов. Через час появился сам профессор.

— Чем могу вам помочь, господа, — спросил он, приглашая в кабинет.

Торн надеялся, что Асселаро останется и попросил его подождать. Но тот, не отвечая, прошел вместе с ним. Пришлось, чтобы не устраивать сцену перед профессором, при пирате объяснить суть проблемы. Торн представился и сказал, что у него зашифрованное завещание императора. При этом он обратил внимание, как загорелись глаза Асселаро, в которых, наверное, начали блестеть горы сокровищ сложенных в тьорских замках.

Профессор очень заинтересовался. Он взял книжечку у Торна и стал ее рассматривать, причмокивая губами.

— Что же, — наконец, сказал он, посмотрев на визитеров, это замена букв вымышленными знаками, по математической статистике употребления слов и букв можно сделать сопоставление.

— Сколько на это нужно времени профессор, — спросил Торн.

— Пара часов, текст небольшой, — пожал плечами профессор.

— Отлично, обрадовался Торн.

— Вы можете пока погулять в университетском саду, — предложил математик.

— Нет, нет профессор мы посидим здесь, — гвардеец посмотрел на пирата.

— Хорошо, только не отвлекайте меня, это сэкономит время.

Профессор сел. Сначала выписал несколько слов, затем начал подсчеты. Через какое-то время, он довольно хмыкнул и стал быстро что то записывать. Торн сидел, размышляя что ему делать с Асселаро. Но вот наконец Форен закончил, перед ним лежало несколько исписанных листов.

— Это невероятно, это невероятно, — сказал он и посмотрел на Торна и Асселаро изумленным взглядом.

— Профессор мы с вами договорились, что всё должно остаться в тайне, — забеспокоился Торн. Так что же там?

Профессор взял листы, исписанные крупным размашистым почерком, и начал читать. По мере чтения лица капитанов вытягивались, а глаза пирата заблестели еще больше. Когда

Форен закончил, все так и остались сидеть молча. Каждый осмысливал услышанное и думал о чем-то своем. Торн опомнился.

— Профессор, я вам очень благодарен, но прошу отдать и документ, и перевод, — попросил Торн. Спасибо вам большое. Спасибо.

Торн собрал листы и вышел. Мозг кипел, его переполняла полученная информация. Он совсем забыл про Асселаро, который шел рядом пока тот не заговорил.

— О черт! Подожди, забыл шляпу у профессора.

Пират развернулся и побежал назад. А Торн смотрел ему вслед и думал, что же ему делать, наверное, понадобится помощь пирата.

Через некоторое время тот вернулся в шляпе, поправляя на ходу перевязь с ножнами на поясе. Поднял глаза на гвардейца и бросил это занятие.

— Как профессор? — спросил подозрительно Торн.

— Я его уже не застал, — соврал пират.

Больше книг на сайте - Knigoed.net